PG 3447
.V9N6
1866

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 2578

Book .V5

N

YUDIN COLLECTION

1389/40
15336
2

НОВЫЕ

РАЗСКАЗЫ

А. П. ВЫСОТЫ

(АВТОРА РАЗСКАЗОВЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРИННАГО ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ)

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи О. И. Бакста
Стремянная № 14
1866

Vysota, A P
Novye
razskazy

НОВЫЕ

РАЗСКАЗЫ

А. П. ВЫСОТЫ

(АВТОРА РАЗСКАЗОВЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРИННАГО ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ)

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи О. И. Бакста
Стремянная № 14
1866

PG3447
.V9N6
1866

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 28 Апрѣля 1865 г.

19 Oct. 23-1973

I.

РАЗСКАЗЫ ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ.

28 Ф 73

I.

СМЕРТЬ И ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА ПОСЛѢ УМЕРШАГО.

Въ одинъ пасмурный день, весною, сидѣлъ я себѣ дома, въ своей лачугѣ, въ самомъ глупѣйшемъ расположеніи духа и потягивалъ изъ расколотой чашки не то что кофе, не то что цикорій, а просто — чертъ знаетъ что, — какъ вдругъ слышу — въ передней кто-то меня спрашиваетъ.

— А что, дома Павлычъ?

— Дома, — отвѣтила хозяйка.

И въ слѣдъ за симъ дверь въ мою конуру распахнулась и ввалился письмоводитель нашей части, закадычный другъ - пріятель мой, нѣкто Степанъ Михайловичъ Бадолинъ.

— Здравствуй, дружище! — прорычалъ онъ какимъ-то хриплымъ, съ переепою, голосомъ, обращаясь ко мнѣ.

— Здравствуй, здравствуй! — отозвался я: долго ли ты будешь пьянствовать?

— Ну, брешешь! Сегодня еще не начиналъ. Да и нельзя, братецъ ты мой; самъ былъ письмово-

дителемъ,—знаешь, что тебѣ толковать? Ну, да объ этомъ послѣ, а теперь сказывай: водка есть?

— Нѣтъ, братъ, ни водки, ни денегъ, что называется, ни хлѣба, ни табаку.

— Ну—такъ на, пошли!

И Бадолинъ вынулъ изъ кармана рублевую.

— Два полштофа, каждому на рыло значитъ! добавилъ онъ.

Я пошелъ дѣлать должное распоряженіе.

— Да не забудь сказать, чтобъ взяли тамъ чего нибудь въ лавочкѣ на закуску, ну хоть огурцовъ соленыхъ!—закричалъ вслѣдъ мнѣ Степанъ Михайловичъ.

— Ладно!—отозвался я.

Послалъ я кухарку за водкой и закуской, а самъ возвратился къ себѣ въ комнату.

— Ты откуда теперь? Изъ конторы, что-ли?—спрашиваю Бадолина.

— Кой чортъ изъ конторы! Въ контору только заглянулъ.

— Такъ откуда-жъ?

— Съ командировки: описное имущество отправлялъ.

— Чье?

— Одного инженернаго полковника.

— Куда?

— Мало-ли куда? Нашлось мѣсто.

— Что же? Описано за долги?

— Нѣтъ, не за долги?

— Ну, такъ—значитъ—послѣ смерти?

— Да.... Послѣ смерти....

Проговоривъ слова эти, Бадолинъ лукаво-прелукаво усмѣхнулся, нюхнулъ изъ тавлинки табаку и хрюкнулъ по свинячему.

— Чему ты смѣешься?—спросилъ я.

— Да такъ.... Чудеса, братъ, въ рѣшетѣ...

— Какія чудеса?

— Да чудеса...

— Что же — ловко смошенничали?

— И какъ еще! Самъ бѣсъ ловчѣе не смастеритъ..

И Бадолинъ затянулъ:

„Было дѣло подъ Полтавой,
„Дѣло славное, друзья!....“

— Стой! Не ори, пожалуйста! Лучше скажи, что тамъ, у васъ, за дѣло было?

— А дѣло, братецъ ты мой, чудесное было. Но, погоди, пусть прежде водку принесутъ, тогда, пожалуй, я разскажу тебѣ все по порядку, а теперь давай-ка закурить.

Подалъ я Степану Михайловичу папироску; самъ закурилъ. Вскорости принесли водку и огурцы, Бадолинъ протянулъ рюмку, крякнулъ и....

— Теперь слушай! — продолжалъ онъ. Жилъ-былъ у насъ, въ городѣ, не скажу только когда, въ одномъ училищѣ службу проходилъ, одинъ заслуженный инженеръ-полковникъ, нѣкто Иванъ Яковлевичъ Стогловъ — человѣкъ богатый, вдовецъ, старикъ лѣтъ

подъ 60. Само собою разумѣется, жилъ онъ въ казенномъ зданіи, изъ семьи у него никого не было: жена—давно умерла, ребятишки, какіе были,—тоже всѣ перемерли; наконецъ — свалилась старина: мѣсяцъ—другой прошелъ, старикъ нашъ еле, еле на стулѣ мотался; ухаживалъ за нимъ лакей Кузьма и навѣщалъ постоянно чиновникъ, помѣщавшійся въ томъ же домѣ, продувная—знаешь—такая шельма, Федоромъ Тихановичемъ Мошенниковымъ его прозывали: не старый еще мужчина. Вотъ этотъ-то Федоръ Тихоновичъ спервоначалу то дѣло и заворотилъ, а заворотилъ онъ его такимъ манеромъ:

Не успѣлъ еще старикъ Стогловъ и расхвораться порядкомъ, — Федоръ Тихановичъ то и дѣло: шмыгъ да шмыгъ къ нему, то о здоровьѣ спросить, то перекинется словомъ другимъ, какъ будто, знаешь, участіе принимаетъ, а на самомъ то дѣлѣ совсѣмъ не то на умѣ было у шельмы: просто - напросто музыку разводилъ, думалъ, какъ только старикъ ноги протянетъ, такъ запустить руку въ его шкатулку и подобрать что тамъ поприглядне́е покажется, а у старика, нужно тебѣ сказать, кромѣ дорогихъ вещей, капиталу тысячъ на 60 было. Ну-съ, хорошо. Такъ прошло довольно долго времени. Старикъ страдалъ да охалъ, а Федоръ Тихановичъ все ходилъ себѣ къ нему, да тѣшился надеждою будущихъ благъ.

Только въ одно утро, едва Федоръ Тихановичъ ввалился, по обыкновенію, въ квартиру Стоглова

пришедшій въ ту пору почталіонъ подалъ Ивану Яковлевичу письмо.

Иванъ Яковлевичъ взялъ, прочиталъ....

— Слава Богу!—проговорилъ онъ, кончивъ чтеніе.

Федоръ Тихановичъ насторожилъ уши.

— Слава Богу, слава Богу! — повторилъ Иванъ Яковлевичъ, хоть будетъ, теперь, кому мнѣ глаза закрыть.....

Федора Тихановича заинтересовало.

— А что?—спросилъ онъ, новость какая?

— Не то что новость, а просто — племянникъ мой, что въ гусарахъ служитъ, спасибо вспомнилъ обо мнѣ; пишетъ, что, узнавъ о моей болѣзни, думаетъ взять отпускъ и пріѣхать навѣстить меня.....

„Э—э—э, это ужъ дѣло дрянь!"—подумалъ Мошенниковъ, услыхавъ послѣднее извѣстіе...

Повертѣлся еще нѣсколько минутъ у Стоглова и отправился къ себѣ домой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не бывать этому! — говорилъ онъ прійдя въ свою квартиру и быстро расхаживая по комнатѣ. Во что бы то ни стало, а нужно все то предупредить: иначе всѣ мои надежды лопнутъ... Да и за какимъ дьяволомъ несетъ сюда этого проэклятаго племянничка?.... Гм!..... Знать, пронюхалъ, что дядюшкѣ его скоро вѣчную память пропоютъ... Однако, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что....

И Федоръ Тихановичъ — зашагалъ во всю мочь Долго ходилъ онъ, долго что-то придумывалъ; от-

рывистыя слова такъ и сыпались у него; рожа — на сатану была похожа...

— Такъ и сдѣлаю! Мѣшкать нечего! — проговорилъ онъ въ заключеніе, но только нужно подождать до завтра.

Прошла ночь. Наступило утро. Федоръ Тихановичъ пришелъ къ Стоглову. Этотъ сидѣлъ себѣ въ креслахъ въ какомъ-то болѣзненномъ забытьѣ. Услышавъ шаги, Иванъ Яковлевичъ очнулся, поднялъ голову, заохалъ.....

— А, здравствуйте, Федоръ Тихановичъ! — проговорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Здравствуйте, Иванъ Яковлевичъ, здравствуйте! Какъ себя чувствуете?

— Плохо, очень плохо..... Скоро, кажись, — смерть моя.....

— Не отчаявайтесь, говоритъ Федоръ Тихановичъ: Богъ милостивъ.

— Нѣтъ, Федоръ Тихановичъ, не такая моя болѣзнь, чтобы Богъ помиловалъ, больше трехъ — четырехъ недѣль не проживу — такъ и докторъ сказалъ.

Долго же! Пожалуй тѣмъ временемъ племянникъ пріѣдетъ, — подумалъ Федоръ Тихановичъ, и тутъ же рѣшился привести лукавую мысль свою въ дѣйствіе: Федоръ Тихановичъ сообразилъ раньше, что стоитъ только старика, въ его болѣзни, потревожить хорошенько, такъ — вѣрно будетъ ему могила.

— Знаете что, Иванъ Яковлевичъ, я бы вамъ посовѣтовалъ? — сказалъ онъ Стоглову.

— А что?

— Вамъ, по моему мнѣнію, непремѣнно нужно перемѣнить квартиру: эта — видите-ли — сыровата и неудобна, а ваша болѣзнь такого рода, что этого не терпитъ. Я на столько принимаю въ васъ участія, на столько жалѣю васъ, что самъ взялся бы пріискать для васъ квартиру со всѣми удобствами, — словомъ какъ слѣдуетъ быть.

— Благодарю васъ! отвѣтилъ Стогловъ, но что докторъ скажетъ? Безъ него я не могу рѣшиться.

— Посовѣтуйтесь.

Вечеромъ Федоръ Тихановичъ былъ у пользовавшаго Стоглова врача, нѣкоего Спендера.

— Старикъ опасно боленъ, — говорилъ онъ Спендеру, и врядъ ли поправится; огорчать мнѣ его не хочется, да и жаль, а между тѣмъ, дѣло такого рода, что квартира его нужна для другаго, такъ по этому я бы васъ покорнѣйше просилъ — какъ будете завтра — убѣдить Ивана Яковлевича, что квартира, имъ занимаемая, для здоровья его вредна и что было бы гораздо лучше перемѣнить ее.

— Тревожить-то его опасно, хоть и нужно сказать, что положеніе его неутѣшительно, — выразительно сказалъ на это Спендеръ.

— Богъ съ нимъ! Вѣдь все равно; ему остается одно — помереть, а поступающій на его мѣсто до того интересуется квартирой, что даже прислалъ вамъ задатокъ.

Сказавъ это, Федоръ Тихановичъ лукаво улыб-

нулся, полѣзъ въ карманъ, вынулъ и подалъ Спендеру пятидесятирублевую.

Спендеръ соблазнился.

— А развѣ на мѣсто Стоглова уже кто нибудь назначенъ? — спросилъ онъ.

— Да, пока — исправляющимъ должность, — вралъ Мошенниковъ.

— Кто-жъ именно?

— Тоже полковникъ—Тузовъ фамилія.

— Гм!..... Хорошо.... Будьте покойны — непремѣнно посовѣтую Ивану Яковлевичу, —проговорилъ Спендеръ, кладя бумажку въ карманъ.

Федоръ Тихановичъ ушелъ.

На другой день Федоръ Тихановичъ и Спендеръ урезонили Стоглова, наняли для него въ здѣшнемъ околодкѣ, въ домѣ Перетычкина, квартиру и того же дня перевезли его.

Но видно, братецъ ты мой, Господь хранилъ еще пока старика. Послѣ перевозки хотя и сдѣлалось ему хуже, но все-таки онъ влачилъ, кое какъ, дни свои. Федоръ Тихановичъ прорѣзывался: дни проходили за днями, часы за часами, старикъ все жилъ, а извѣстіе о племянникѣ его звономъ звонило въ ушахъ Федора Тихановича: „вотъ—вотъ, думалъ онъ себѣ, пріѣдетъ, тогда — прости мое удовольствіе! А жаль, есть надъ чѣмъ погрѣть руки“. Федоръ Тихановичъ призадумался..... Но, однако, не долго думалъ...

Между тѣмъ молва о богатствѣ полковника Стог-

лова, его одиночествѣ и безнадежномъ положеніи, равно какъ и объ ухаживаніи за нимъ Федора Тихановича Мошенникова — дошла и до насъ. Мы приняли все это къ свѣдѣнію и должному, впослѣдствіи, соображенію.

Федоръ же Тихановичъ тѣмъ временемъ велъ съ водовозомъ дома Теретычкина переговоры такого рода:

— Слушай, Гаврило! Сослужи, голубчикъ, службу.

— А что вашей милости? спросилъ Гаврило.

— Да встряхнуть одного человѣка.

— Зачѣмъ не встряхнуть..... Можно и встряхнуть, а для че это?.....

— Онъ—видишь ли—родной братъ мнѣ приходится, въ водяной лежитъ, такъ для того, чтобъ — вода потекла: ему легче будетъ...

— Можно-съ!.... А на чаекъ съ вашей милости?

— На чай — 25 рублей, только ты эдакъ тряхни посильнѣе, чтобъ прокъ былъ.....

— Ужъ объ эфтимъ, баринъ, не сумлевайся: за себя постоимъ,—сказалъ Гаврило съ хвастливою усмѣшкою. Кого прикажете?

— А вотъ я сейчасъ тебѣ покажу..... Пойдемъ!

Послѣ этого Федоръ Тихановичъ и водовозъ отправились, по лѣстницѣ, въ квартиру Стоглова.

— Ты смотри, — говорилъ Федоръ Тихановичъ водовозу, идя по лѣстницѣ, на то не гляди, что больной, можетъ быть, заартачится, кричать станетъ, или браниться, пожалуй, ты—дѣлай свое дѣло: когда взойдемъ—не говори ему ни слова, а цапни пря-

мо за ноги, подыми, знаешь такъ, чтобъ голова была внизу, а ноги—вверху, да и тряхни хорошенько, а колѣнкой раза два три въ спину дай—слышь? Такъ докторъ приказалъ, не то безъ этого братъ помретъ.

— Понимаемъ-съ! было отвѣтомъ Гаврилы.

Пришедши въ квартиру, Федоръ Тихановичъ удалилъ за чѣмъ-то изъ дома лакея Стоглова, Кузьму. Самъ остался съ водовозомъ вдвоемъ. Вскорости глухой стонъ старика, воцарившаяся за тѣмъ тишина въ квартирѣ, выходъ встревоженнаго водовоза съ двадцатипятирублевою бумажкою въ рукѣ—засвидѣтельствовали совершившуюся катастрофу.....

— Теперь удались, голубчикъ, — говорилъ Федоръ Тихановичъ водовозу: ты мнѣ болѣе не нуженъ... больной въ припадкѣ..... но ничего.... Богъ дастъ—можетъ пройдетъ.... Но, во всякомъ случаѣ, ты — никому ни слова, что здѣсь было, не то тебѣ же достанется.... Придешь послѣ—дамъ въ придачу, а теперь ступай и—никому ни гу гу,—слышишь?

— Слушаю-съ!

Водовозъ ушелъ.

Это происходило въ 10 часовъ утра. Въ 11 ровно—даютъ знать управленію нашего квартала, что инженеръ-полковникъ Стогловъ, того числа, въ 10 часовъ утра, волею Божіею, отъ болѣзни своей водяной, которою страдалъ съ давняго времени, помре. . . . . .

Въ то же самое время дошло до нашего свѣдѣнія и то, что водовозъ Гаврило, разставшись съ

Федоромъ Тихановичемъ, съ горя напился пьянъ и пьяный обо всемъ проговорился..... Но мы о вѣсточкѣ этой, до времени, замолчали: „увидимъ, думаемъ себѣ, что дальше будетъ, мало ли чего пьяный мужикъ наскажетъ“. А въ ту пору, нужно тебѣ сказать, надзиратель нашъ Петръ Ивановичъ находился въ отпуску; его мѣсто занималъ помощникъ Семенъ Николаевичъ. Ну-съ, такъ мы съ Семеномъ Николаевичемъ, по обязанности своей, снарядились и отправились въ квартиру Стоглова разузнать все и привести, чрезъ опись, въ извѣстность имущество и капиталы его. Вотъ съ этихъ то поръ начинается наша музыка.

Тутъ Бадолинъ остановился.

— Давай-ка выпьемъ!—сказалъ онъ, а тамъ, пожалуй, и дальше.

Выпилъ, крякнулъ и продолжалъ:

— Такъ пошли мы съ Семеномъ Николаевичемъ на опись имущества. По дорогѣ послали городоваго навербовать свидѣтелей. Сами пошли прямо въ квартиру. Приходимъ. Въ передней нашли Кузьму, сидѣвшаго на сундукѣ въ какомъ-то грустномъ раздумьѣ.

— Есть кто?—спросилъ его Семенъ Николаевичъ.

— Одинъ Федоръ Тихановичъ и больше никого нѣтъ. Пожалуйте! — отвѣтилъ онъ.

Растворилъ дверь. Вошли мы въ зало. Тамъ на столѣ, покрытый бѣлою простынею, лежалъ Стогловъ, а въ углу у окна, около мраморной тумбы сидѣлъ

Федоръ Тихановичъ и, казалось, ждалъ насъ. Чуть мы на порогъ—Федоръ Тихановичъ всталъ, подошелъ къ намъ, поздоровался. Мы, съ своей стороны, сдѣлали то же.

— Рекомендуюсь,—сказалъ Семенъ Николаевичъ, —я полицейскій офицеръ, наряженный разузнать обстоятельства смерти покойнаго и сдѣлать опись его имуществу.

— Очень радъ. Знаю. Дѣлайте свое дѣло,—отвѣтилъ Мошенниковъ.

— Ну-съ, такъ я начну съ перваго, продолжалъ Семенъ Николаевичъ: вы, какъ пріятель, не знаете ли отъ чего покойникъ умеръ?

— Да-а, онъ страдалъ, съ давняго времени, водяною болѣзнію, сказалъ какъ-то небрежно Федоръ Тихановичъ, отъ нея и умеръ..... удостовѣрьтесь..... посмотрите.....

Смотрѣть было нечего.

— Однакожъ молва пронеслась, продолжалъ опять Семенъ Николаевичъ, т. е. дошло до нашего свѣдѣнія, что съ умершимъ, въ послѣднія минуты его жизни.— было насиліе.

Федора Тихановича—передернуло.

— Можетъ быть, можетъ быть, только мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно: я не всегда здѣсь бываю,—опять также небрежно проговорилъ Федоръ Тихановичъ.

— Такъ напишите и сейчасъ же отправьте къ частному врачу отношеніе, обратился, за симъ, ко

мнѣ Семенъ Николаевичъ: нужно освидѣтельствовать трупъ и подвергнуть анатомическому изслѣдованію, а тѣмъ временемъ займемся описью.

Не успѣлъ я еще разложить на столѣ свои инструменты, какъ-то: бумагу, перо и чернилицу,—Федоръ Тихановичъ отвелъ Семена Николаевича въ другую сторону. Тамъ, въ промежутокъ того времени какъ я писалъ отношеніе врачу, происходилъ между ними слѣдующій разговоръ:

— Какъ благоразумнаго человѣка, а не полицейскаго чиновника, прошу васъ—оставьте всѣ эти писанія отношеній къ врачамъ,—говорилъ Федоръ Тихановичъ Семену Николаевичу: они—совершенно лишнія.

— Какъ лишнія? Вѣдь это мой долгъ, моя обязанность,—отвѣтилъ Семенъ Николаевичъ и тѣмъ болѣе необходимо освидѣтельствовать трупъ, что намъ достовѣрно извѣстно, покойный обладалъ значительнымъ состояніемъ: одного капиталу у него болѣе, можетъ быть, 60 тысячъ и жилъ одиночкою, и потому мало ли чего здѣсь можно подозрѣвать?.. да къ тому же молва, дошедшее свѣдѣніе отъ водовоза.....

Федора Тихановича — опять передернуло.

— Все, что вы говорите прекрасно, сказалъ онъ; но что касается до водовоза, то это—увѣряю васъ чистѣйшій вздоръ!

— Однакожъ, вы имѣли сегодня утромъ дѣло съ перетычкинскимъ водовозомъ?

— Я?! Съ водовозомъ?! Извините, я никакихъ дѣлъ съ водовозами не имѣлъ и не имѣю.

— За что же вы дали тому же перетычкинскому водовозу 25 рублей?

— 25 рублей?! Вздоръ! Пустяки! Никакихъ 25 рублей не я давалъ!

— Да, вѣдь онъ же самъ, часа два тому назадъ, напился пьянъ и высказался, даже сказалъ за что...

— А за что?

— За то, чтобы тряхнуть старика хорошенько: пригнать, значитъ, водяную къ груди и задушить его.

— Ну это ужъ изъ рукъ вонъ! Подобную штуку можетъ сказать только пьяный мужикъ, но никакъ не вы.

— Хорошо. Мы это повѣримъ.

— Повѣряйте!

— А что отношеніе готово?—спросилъ меня Семенъ Николаевичъ.

— Готово!

— Посылайте скорѣй!

— Сію минуту! (подъ носъ) Погоди, не торопись, сговоришься еще.

Федоръ Тихановичъ не выдержалъ: дернулъ Семена Николаевича за рукавъ.

— Послушайте,— сказалъ онъ ему,—насъ тутъ двое: я могу говорить съ вами откровенно. Скажите, пожалуйста, къ чему вы заводите эту кутерьму? Согласитесь сами, что она въ настоящее время и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, совершенно лиш-

няя: во первыхъ, потому, что мертвый изъ гроба не воскреснетъ уже; во вторыхъ, если бы даже вы и не подозрѣвали никакого насилія въ преждевременной смерти старика, то все-таки онъ болѣе двухъ-трехъ дней не прожилъ бы: болѣзнь его была въ послѣднемъ градусѣ; въ третьихъ—покойникъ оставилъ послѣ себя, какъ и сами вы знаете, болѣе 60 тысячъ рублей серебромъ, безъимянными банковыми билетами и наслѣдникомъ къ нимъ на дняхъ прибудетъ одинъ гусаръ, тоже богатый человѣкъ, который всѣмъ и завладѣетъ,—такъ не благоразумнѣе ли будетъ съ нашей стороны воспользоваться всѣмъ этимъ самимъ? Вы—я знаю—человѣкъ бѣдный, дѣтей у васъ куча: деньги вамъ нужны, да и не безъ грѣха вы, чтобъ не согласились на это. А я даю вамъ честное слово, отъ всего съумѣю отъиграться. Вотъ вамъ моя логика.

Семенъ Николаевичъ стоялъ, все это слушалъ, и, по видимому, не рѣшался—корчилъ честнаго; но, однако 60 тысячъ, 60 тысячъ, у-у!!!

— Пожалуй, что и такъ, Федоръ Тихановичъ —сказалъ онъ; но молва-то, молва?

— Да что молва? Ничего. Молва все равно, что —вѣтеръ въ полѣ, свищи себѣ сколько хочешь— никто не слушаетъ, тѣмъ болѣе, что выпущена она пьянымъ мужикомъ.

Семенъ Николаевичъ скинулъ маску.

— Быть по вашему, Федоръ Тихановичъ! Не мы первые, не мы послѣдніе. Гдѣ билеты?

— Вотъ здѣсь, должно быть, въ бюро,—отвѣтилъ Федоръ Тихановичъ и указалъ на стоявшее у стѣнки дубовое бюро.

— Такъ давайте-жъ! — Медлить нечего: скоро свидѣтели придутъ. Мы въ опись внесемъ одинъ только билетикъ, который поменьше, чтобъ было чѣмъ въ могилу опустить старика, одинъ дадимъ на долю письмоводителя, а остальные пополамъ.

— Давно бы такъ! Что дѣло, то дѣло: умныя рѣчи и слушать пріятно.

— Давайте ключи!

— У меня ключей нѣтъ.

— Гдѣ-жъ они?

— Кузьма подобралъ. Никому, говоритъ шельма, кромѣ полиціи не отдамъ.

— Молодецъ, Кузьма! Догадливъ. Спасибо! А то, намъ ничего не досталось бы: все бы этотъ гусь цапнулъ, подумалъ я.

— Остановись отсылкою отношенія врачу! — крикнулъ мнѣ Семенъ Николаевичъ, позови сюда Кузьму лакея и приходи самъ.

Я пріостановился съ своимъ отношеніемъ, позвалъ Кузьму, пришелъ и самъ.

— Подай сюда всѣ ключи, какіе только у тебя есть: отъ коммодовъ, бюро, столовъ и прочаго, — сказалъ Семенъ Николаевичъ Кузьмѣ: нужно все описать.....

— Слушаю-съ!

Кузьма вышелъ и, черезъ минуту, принесъ цѣлую связку ключей.

— Вотъ ефтотъ, ваше в-бдіе, отъ бюро, ефтотъ —отъ того коммода, ефтотъ—отъ того, говорилъ онъ, перебирая ключи поочередно,

— Ну, хорошо! Ступай! сами разберемъ, сказалъ Семенъ Николаевичъ, взявши изъ рукъ Кузьмы ключи.

Кузьма вышелъ.

Отперли мы бюро, вынули билеты: два по 250 рублей и бывшіе тамъ 95 рублей наличными оставили на мѣстѣ, для похоронъ, а остальные Федоръ Тихановичъ и Семенъ Николаевичъ подѣлили между собою, выдавъ билетикъ въ 1000 рублей на мой пай.

Вскорости послѣ этого привалили свидѣтели и домовладѣлецъ того дома, гдѣ жилъ Стогловъ и мы приступили къ описи, составивъ, разумѣется, предварительный объ этомъ актъ.

Описали все до ниточки, что только находилось въ квартирѣ: ничто не было обойдено, кромѣ, разумѣется, банковыхъ билетовъ; но описали хитро: это, братъ, новая механика, про которую, можетъ быть, ты и не знаешь.

— Ты смотри, не прорѣзывайся на вещахъ,— шепталъ мнѣ, во время описи, Семенъ Николаевичъ.

— Вижу, въ четыре глаза вижу,—отшептывался я.

И дѣйствительно видѣлъ: всѣ, какъ есть, цѣн-

ныя вещи, какъ-то напримѣръ: хорошіе столы, стулья, диваны, серебро и прочее добро, что получше я влѣпилъ въ средній листъ описи для того, чтобъ ловчѣе можно было послѣ сворочать.

— Какъ же это такъ?—перебилъ я Бадолина: вѣдь они записанными значились.

— Да.... значились—это вѣрно. Но, погоди; не торопись. Дай досказать прежде про опись, а потомъ разскажу подробно и то, какъ мы вещи крали.

Въ описи вышло у меня нумеровъ до четырехсотъ: пришлось таки мнѣ попотѣть, листа четыре гербовой бумаги исписалъ, да и дѣло, на бѣду, было съ похмѣлья; однако кончилъ, подшилъ опись листъ въ листъ, подалъ Семену Николаевичу—этотъ подписался; передалъ свидѣтелямъ—тѣ расчеркнулись, обыкновенно, самъ знаешь—на послѣднемъ листѣ: „что, молъ, при описи сей свидѣтелями находились такіе-то“; взялъ затѣмъ квартальную печать, прихлопнулъ ее гдѣ слѣдовало и—дѣло съ концомъ....

За симъ, по желанію домовладѣльца, предоставили ему право распорядиться похоронами Стоглова, а сами закусили тутъ, выпили, взяли опись и ушли.

— Ахъ ты проклятая Кузька, халуйская образина!—ворчалъ дорогою Федоръ Тихановичъ, злясь на Кузьму лакея, не дававшаго ему ключей до прихода полиціи.... Не думалъ я этого!... И съ какимъ остервененіемъ, шельмецъ, отстаивалъ!?.. А то бы

дѣло иное вышло... Ну да, впрочемъ, дѣлать нечего, будемъ довольны и тѣмъ что попало.

Мы же, съ своей стороны, были совершенно довольны.

Черезъ день, послѣ этого, похоронили Стоглова и на могилу его стащили въ три цѣлковыхъ деревянный крестъ... Кажется, домовладѣлецъ, послѣ уже, самъ отъ себя, на свои денежки, положилъ на прахъ бѣдняги плиту. Вся наша братія, разумѣется, присутствовала на поминкахъ.

Прошла недѣля—другая,—забыли мы о Стоглове. Закутили, что называется, во всю ивановскую на его денежки. Семенъ Николаевичъ совсѣмъ отъ дому отбился—дѣтей бросилъ: пьянство чинилъ непобѣдимое, съ мамзелями то и дѣло валандался. Тѣмъ временемъ начальникъ нашъ Петръ Ивановичъ изъ отпуску пріѣхалъ: еще свободнѣе, значитъ, стало Семену Николаевичу безобразничать и одинъ разъ онъ чуть было не выявилъ всѣхъ нашихъ продѣлокъ.

А случилось это такимъ образомъ: пьянствовали мы вмѣстѣ и, не помню ужь какими судьбами, чертъ занесъ насъ къ одному прахвосту. Тутъ еще понатянулись. Я въ свалку съ какимъ-то господиномъ драться полѣзъ, меня—конечно вывели, а Семенъ Николаевичъ остался тамъ. Что съ нимъ было, какъ онъ гулялъ-разгуливалъ—не знаю; только на другой день, когда я пришелъ въ контору—мнѣ сказываютъ, Семена Николаевича какая-то мам-

зель обокрала; два билета изъ портъ-моне вытащила. Вскорости прикатилъ въ контору и самъ Семенъ Николаевичъ, съ распухшею, какъ водится, отъ пьянства и распутной жизни физіономіею.

— Что тамъ такое съ вами случилось? спрашиваю.

— Да вотъ что, братецъ ты мой, говоритъ: у меня покража случилась: дѣвка два билета по три тысячи каждый у пьянаго вытащила и, когда я спалъ, скрылась.

— А какая дѣвка?

— Чертъ ее знаетъ!

— Ну, такъ и взятки-гладки. Гдѣ вы ее взяли?

— Да тамъ же.

— А не спрашивали ее тамъ?

— Какъ же былъ, спрашивалъ; но никто не знаетъ.

— Ну такъ молчите лучше, а то сейчасъ пойдутъ спросы, да переспросы: откуда молъ, что и какъ? Вы помните то, что у васъ до описи у Стоглова почти ничего не было и всѣ это знаютъ.

Семенъ Николаевичъ послушался моего совѣта. Впослѣдствіи оказалось, что вовсе не дѣвка украла у него билеты, а сынишка его подтибрилъ и мы ихъ цѣлыми цѣлешенькими нашли у одного мѣнялы.

Но, однако, это дѣло сторона—чертъ съ нею. Дѣло въ томъ, что въ то время обстоятельства и порядокъ нашей службы потребовали повѣрить описное имущество Стоглова и сложить его, куда нибудь въ одно мѣсто, по указанію домовладѣльца,

впредь до надлежащаго распоряженія и явки наслѣдниковъ. Пошли мы съ Семеномъ Николаевичемъ, повѣрили: такъ все такъ, на лицо все. Но какъ въ домѣ Перетычкина удобнаго помѣщенія, для складу, не нашлось, то мы и вынуждены были, на оставшіяся у Стоглова деньги, нанять помѣщеніе въ другомъ домѣ и туда вещи перевезти. Такъ мы и сдѣлали.... Вотъ теперь, братецъ ты мой, пришла очередь объяснить тебѣ, какъ мы распорядились вещами, коли самъ не смыслишь.

Раньше я тебѣ сказывалъ, что въ описи я влѣпилъ ихъ по валовымъ нумерамъ въ густую, т. е. подъ однимъ нумеромъ двѣ - три вещи и болѣе. Но когда дѣло дошло до отправки ихъ, то мы съ Семеномъ Николаевичемъ вырвали изъ описи два среднихъ листа: одинъ, въ которомъ заключались самыя цѣнныя вещи, написанныя въ густую, оставили у себя: по этому, значитъ, листу всѣ вещи были — наши, а другой переписали и вещи поставили въ разбивку, т. е. каждую вещь написанную по валовому нумеру въ густой, поставили отдѣльно: оно и вышло, что нумерація наша въ описи какъ разъ сходилась съ предпослѣднимъ и послѣднимъ полулистами, гдѣ расписались свидѣтели — понимаешь?.

— Понимаю — проговорилъ я, ну, а дальше что?

А дальше, братецъ ты мой, было вотъ что: наняли мы извощиковъ, пріѣхали за имуществомъ, раньше сговорившись съ Семеномъ Николаевичемъ —какія, по вырванному описному листу, вещи дол-

жны принадлежать ему и какія мнѣ. Ну-съ, хорошо. Пріѣхавши, мы всѣ вещи вытащили на дворъ, разсортировали, я, по порядку, выбиралъ и приказывалъ валить свои вещи на одинъ возъ, Семенъ Николаевичъ тоже — на другой, а что изъ мелочи цѣннаго—по рукамъ взяли подъ видомъ, разумѣется, доставленія на мѣсто. Были, конечно, тутъ и свидѣтели и стороннія лица, да куда имъ было догадаться, что у насъ было на умѣ. Прочія вещи свалили на остальныхъ извощиковъ и—выѣхали со двора, а выѣхавши за ворота—самъ знаешь—куда хочешь поѣзжай..... Мы такъ и распорядились: мой извощикъ поѣхалъ прямо на квартиру ко мнѣ, а Семена Николаевича—къ Семену Николаевичу; остальные, съ дворникомъ,—на мѣсто назначенія.

Спустя часъ, мы пришли на мѣсто новаго помѣщенія вещей Стоглова, запечатали ихъ и, затѣмъ пошли въ контору. Тутъ сдали опись и печать въ контору, на томъ и покончили.

И теперь, братецъ ты мой, заключилъ Бадолинъ, поди-ка погляди у меня и у Семена Николаевича; и мебелишка, какой съ роду не видали, и одеженка—какой никогда не нашивали и прочее такое—все есть, да и денежки всегда водятся; жаль только мнѣ шубы: оттянулъ, шельма Семенъ Николаевичъ, а славная была штука!... Вотъ тебѣ и пѣсня вся! Давай же теперь, выпьемъ, да мнѣ и пора..... Заворачивай же ко мнѣ! Чего сидишь чучеломъ дома?

— Ладно, — проговорилъ я, ну а племянникъ умершаго,— какъ?

— Не пріѣзжалъ! Отрывисто сказалъ Бадолинъ, а если и пріѣдетъ, то оглодки получитъ: tarde venientibus — ossa,—выпилъ залпомъ три рюмки водки, съѣлъ огурецъ, распрощался со мною и ушелъ, напѣвая что-то себѣ подъ носъ. Увидимся, добавилъ онъ, я тебѣ еще кое о чемъ поразскажу.

2.

ДРАКА.

Такъ, такъ, такъ.... именно такъ!... Не помню только хорошенько года, когда это было, а помню, что дѣло было по веснѣ, въ апрѣлѣ, кажись, мѣсяцѣ... Но, однако, не въ томъ—суть. Дѣло въ томъ, что въ бытность мою письмоводителемъ при исправникѣ Хвостовскаго уѣзда, Курносой губерніи, Кузьмѣ Савичѣ Бухаловѣ,—проживали, знаете, въ нашемъ уѣздѣ, неподалеку отъ города, гдѣ нашъ штабъ помѣщался, два зажиточныхъ сосѣда-помѣщика, друзья закадычные были, нѣкто: Карпъ Прохорычъ Губошлепъ и Онуфрій Ѳедоровичъ Муха. Первый-то, Карпъ Прохорычъ—былъ еще человѣкъ такъ себѣ, туда-сюда: по крайней мѣрѣ, хоть грамотѣ зналъ, а про Онуфрія Ѳедоровича и говорить-то срамъ,

просто: „охъ, ты, дубинушка, ухни; охъ, ты, березова—ухни“; но, при всемъ томъ, смышленый мужикъ былъ. Оба они, нужно сказать, нигдѣ, отродясь, не служили, ничѣмъ не занимались, никуда почти изъ берлогъ своихъ не выѣзжали; ходили пѣшечкомъ одинъ къ другому, чмокались, дружились, ѣли, пили себѣ въ удовольствіе, разжирѣли до свинтусова подобія,—такъ и дожили до сѣдыхъ волосъ. Ничто не смущало ихъ житія — благоденствія. Но, одинъ разъ случись — это было, какъ я сказывалъ, по веснѣ: Онуфрій Ѳедоровичъ прогуливался, какъ-то, по берегу рѣчки, протекавшей мимо его усадьбы и усадьбы сосѣда и встрѣтилъ Карпа Прохорыча. Поздоровались по пріятельски. Зашелъ разговоръ...

— Ну что, Онуфрій Ѳедоровичъ?..

— А что, Карпъ Прохорычъ?..

Замолчали...

— Думаю, сватъ, въ городъ съѣздить, сказалъ, послѣ паузы, Онуфрій Ѳедоровичъ: нужно чайку да сахарку прикупить, да не знаю какъ? Кобыла-то у меня есть, да тарантасъ проклятый сломался, въ послѣднюю поѣздку совсѣмъ его растрясло: колеса и кузовъ никуда негодятся... версты не проѣдешь...

— Оно и мнѣ бы нужно кой-чего прикупить,— отозвался въ свою рядь Карпъ Прохорычъ, да мой савраска захворалъ: еле-еле ноги волочитъ...

— Ну, такъ мы вотъ что сдѣлаемъ...

— А что?..

— У тебя, вѣдь, чертопхайка есть?..

— Есть.

— Такъ мы мою кобылу въ твою чертопхайку и — маршъ!..

— Ладно.

Снарядились наши пріятели, запаслись всѣми снадобьями на дорогу, впрягли кобылу Онуфрія Ѳедоровича въ чертопхайку Карпа Прохорыча, сѣли и уѣхали...

Пріѣхали въ городъ — остановились на постояломъ. Пошли по рынку—закупили, что нужно было. Побывали кой у кого изъ уѣздныхъ властей, къ нашему Кузьмѣ Савичу, какъ исправнику ихняго уѣзда, завернули почтеніе отдать и—поѣхали въ обратный путь...

Но чортъ сидѣлъ на дорогѣ и ждалъ ихъ: на полъ-пути пріятели мои перессорились:

— Ты просто свинья-свиньею былъ у предводителя! — говорилъ между прочимъ, Карпъ Прохорычъ Онуфрію Ѳедоровичу.

— Чѣмъ же свинья?..

— А тѣмъ, что не умѣлъ даже закуски вилкой взять, а полѣзъ прямо пятернею...

— Чтожъ за бѣда? Это еще не суть важно. А ты, вотъ, такъ хуже свиньи себя отрекомендовалъ: безъ платка высморкался.

— Врешь ты, чума городняя!

— Нѣтъ, не вру!

— Одно слово: хрю, хрю—ты.

— А ты и того почище...

Слово-за слово и—пошла у нихъ перепалка. До мордобитія дошло. Словомъ—разодрались мои пріятели въ таратайкѣ...

— Вонъ съ моей повозки! — гаркнулъ Карпъ Прохорычъ на Онуфрія Ѳедоровича.

— Не слѣзу!..

— Вонъ, говорятъ тебѣ!..

— Ладно же, коли такъ! сказалъ Онуфрій Ѳедоровичъ и слѣзъ съ таратайки...

— Подай сюда мои закупки! говоритъ.

— Вотъ они!

Карпъ Прохорычъ шлепнулъ закупки Онуфрія Ѳедоровича въ траву...

— А, такъ такъ-то?! Чортъ же съ тобой и твоей таратайкой! Сиди-жь тутъ, чортовъ сынъ!.. Кобыла моя!..

И, не говоря худаго слова, Муха, въ одно мгновеніе, распрегъ лошадь, взялъ закупки подъ мышку, сѣлъ верхомъ и—въ карьеръ что есть мочи, только пыль взвилась...

— Вотъ же тебѣ, на!—послышалось Губошлепу издали...

— А хоть бы тебѣ, проклятому сыну, ногу сломало!—кричалъ Карпъ Прохорычъ въ слѣдъ удалявшемуся Мухѣ...

Признаться, Губошлепъ не ожидалъ отъ Онуфрія Ѳедоровича такой штуки и, во время ссоры, ему и въ голову не приходило, что Муха отдеретъ ее... Но, однако, дѣлать было нечего: куда не кинь—

вездѣ клинъ. „Надо, думалъ себѣ Карпъ Прохорычъ, теперь сидѣть у моря да ждать погоды: не нанесетъ ли Богъ добраго человѣка... не везти же на себѣ таратайки“...

Съ этими мыслями Карпъ Прохорычъ своротилъ съ дороги въ сторону таратайку, разослалъ, въ тѣни отъ солнца, войлокъ и растянулся...

— Ну, погоди-жъ ты, шельмовская Муха, ворчалъ онъ, поворачиваясь съ боку на бокъ подъ таратайкою, я тебя доѣду!... Будешь ты меня знать!.. Дай только добраться до дому!.. Засужу, на смерть засужу!!!..

Долго—чуть ли не до вечера — лежалъ такимъ образомъ Карпъ Прохорычъ, бранилъ все, на чемъ свѣтъ стоитъ, Муху, да поглядывалъ—не ѣдетъ ли кто?.. Наконецъ изъ-за пригорка показалась лошадь съ телегою, въ телегѣ мужикъ. Поровнялись. Порядился Карпъ Прохорычъ съ мужикомъ привезти его домой, привязалъ свою таратайку къ телегѣ и въ сумерки прибылъ въ деревню...

Муха же въ это время сидѣлъ себѣ уже дома, попивалъ новопривезенный чаекъ, да подтрунивалъ надъ сосѣдомъ....

Хорошо. Прошло послѣ этого дней пять. Я въ канцелярію свою, поутру, пришелъ. Кузьма Савичъ еще спалъ. Началъ просматривать вступившія бумаги; прочелъ одну, другую, третью, десятую, — вдругъ попадается мнѣ какое-то прошеніе на имя Савича... Взялъ—читаю „его сіятельному благородію, госпо-

дину исправнику Хвостовскаго уѣзда, штабсъ-капитану Кузьмѣ Савичу Бухалову, недоросля отъ дворянъ Петра Прохорова Губошлепа всенижайшее прошеніе...“ Читаю дальше прошеніе: „21-го сего Апрѣля, написано тамъ, поѣхалъ я съ своимъ сосѣдомъ недорослемъ же изъ дворянъ Онуфріемъ Ѳедоровымъ Мухою въ городъ Хвостовъ разныхъ снадобьевъ, для обиходенной жизни, накупить. Его была кобыла, а моя таратайка. Возвращаясь изъ города, оный Онуфрій Муха, лѣшій его знаетъ, изъза чего, сильно разсвирѣпѣлъ на меня, знать изъза того, что я его свиньею назвалъ за яденіе у предводителя закуски прямо лапою безъ вилки... да свинья и есть!... Такъ посему оный Муха, зло особачившись, бросился на меня и заѣхалъ, перво на перво, въ ухо, а затѣмъ за волостное правленіе схватилъ, ажно крыша затрещала: клокъ волосъ, подлецъ, вырвалъ,—каковый при семъ, для видимости, прилагаю; потомъ въ нижній каблуками заѣхалъ; да кромѣ сего оный Муха облаялъ меня самыми поскудными словами и прямо въ харю мнѣ сказалъ, что будто бы я, на закускѣ у предводителя, безъ платка высморкался. Засимъ Муха вывезъ меня на полъ дороги, выпрегъ свою кобылу, вскочилъ на нее верхомъ и удралъ, а меня съ таратайкою оставилъ на снѣденіе хищныхъ звѣрей. И сіе все объясняя вашему в—бдію, униженно прошу, взыскать съ Мухи за обиду мою, какъ законы повелѣваютъ; а буде возможно, то влѣпить ему, келейно,

примѣрно, розогъ двѣсти, при земскомъ судѣ, чрезъ нижнихъ служителей, чтобъ впередъ науку зналъ...“ Подписано: „недоросль изъ дворянъ Петръ Прохоровъ Губошлепъ...“

— Э, да про эту исторію я слыхалъ! — вырвалось у меня.

Перечиталъ всѣ бумаги. Тѣмъ временемъ Савичъ всталъ и вышелъ въ канцелярію. Подложилъ я ихъ по порядку, подалъ Савичу. Самъ за свое дѣло принялся.

— Терентичъ! Обозвалъ меня, спустя нѣсколько времени, Савичъ.

— Что прикажете?

— Ты читалъ это прошеніе?

Савичъ держалъ въ рукахъ прошеніе Губошлепа.

— Читалъ, говорю. Да эту комедію я дня три тому назадъ слыхалъ: сызранскій управляющій какъ-то ко мнѣ заѣзжалъ, такъ сказывалъ, говоритъ, по всему околотку тамъ гогочутъ...

— Ну, такъ возьми-жь его да поѣзжай сегодня къ Фомѣ Фомичу въ станъ, предъяви отвѣтчику Мухѣ и сдѣлай предварительное дознаніе, а дальше увидимъ, что нужно будетъ...

Кончилъ я занятія. Отправился въ станъ... Взялъ съ собою становаго и пріѣзжаемъ къ Мухѣ. Муха дома. Прочитали ему прошеніе Губошлепа.

— Вретъ, онъ, подлецъ, жидоморъ бердичевскій, все вретъ! заговорилъ Муха, когда мы кончили чтеніе прошенія. Онъ самъ, подлецъ, согналъ меня съ таратайки, а не то, чтобъ я отъ него на кобылѣ

удралъ; ну, а что на закускѣ у предводителя безъ платка высморкался, то правда.. тфу!.. свинья, чистая свинья!..

— Ну хорошо. А на счетъ побоевъ, что вы скажете? замѣтилъ становой.

— И на счетъ побоевъ—тоже вретъ, шельма!— отвѣтилъ Муха: меня еще, подлецъ, за вихоръ поскубъ, да съ таратайки въ три-шея прогналъ, не то, чтобъ я....

— Однако вы подтверждаете все-таки то, что назвали свиньей?

— Да, да, подтверждаю и теперь говорю: свинья есть, свиньею и будетъ!..

— Такъ потрудитесь написать противу этого прошенія отзывъ.

— Нѣтъ, батюшка, не моихъ рукъ дѣло: я грамотѣ не знаю....

— Ну, такъ вы ужь, Терентичь, напишите—обратился ко мнѣ становой, Онуфрій Ѳедоровичъ васъ поблагодарятъ...

— Какъ же, какъ же.... Сдѣлайте милость, напишите! отозвался на это Онуфрій Ѳедоровичъ.

Я принялся—настрочилъ отъ имени его отзывъ, что, молъ, онъ все прописанное въ прошеніи Губошлепа признаетъ за чистую, злонамѣренную ложь— выдумку, а что Губошлепъ свинья есть и свиньею будетъ — это правда... Прочиталъ. Муха замоталъ головою....

— Такъ, все такъ! замѣтилъ онъ, только вотъ

гдѣ вы написали слово „свинья“, нужно-бъ было прибавить — не простая, а чухонская, аль псковская — да!..

— Ну, довольно будетъ съ него и этого, не безъ смѣху отозвались мы.

— Нѣтъ, недовольно! Вѣдь онъ назвалъ же меня свиньею за то, что я закуску у предводителя не вилкою, а руками бралъ, чтожъ тутъ за бѣда? да и въ прошеніи подлецомъ облаялъ, такъ чтобъ мое словцо-то вышло покрѣпче... Добавьте, добавьте, непремѣнно добавьте, да и то влѣпите, что и онъ меня свиньею величалъ...

Нечего дѣлать — добавилъ я. Вновь прочиталъ отзывъ. Муха, по безграмотству, поставилъ на немъ три креста...

— Знаете что? обратился я къ нему послѣ этого?...

— А что?..

— Вѣдь вы теперь сами попали въ ловушку.

— Какъ попалъ?..

— Да такъ... попали... Судъ теперь, помимо всего прочаго, присудитъ васъ просить у Карпа Прохорыча прощенія за то, что вы, письменно даже, назвали его свиньей, это ваше собственное сознаніе, а сознаніе, по закону, есть лучшее свидѣтельство всего свѣта...

— Что вы, что вы, батенька?!. Не бѣлены ли объѣлись?!. Чтобъ я просилъ у него прощенія?!. Въ умѣ ли вы?.. А развѣ онъ не называлъ меня

также? Развѣ не молотилъ въ таратайкѣ? Развѣ въ прошеніи не писалъ, что я и свинья и подлецъ?.. а?.. Нѣтъ, стара штука, сударь!.. Тамъ онъ себѣ хоть лопни, а все таки ничего не возьметъ: все просужу, животы прозакладую дьяволу, а въ обиду недамся, посмѣюсь таки надъ нимъ!...

И Онуфрій Ѳедоровичъ стукнулъ по столу кулачищемъ.

— Вы дѣлайте только дѣло, продолжалъ онъ, чтобъ на мою сторону потянуло, въ посулѣ непостою.

— Ладно! говоримъ.

Онуфрій Ѳедоровичъ вынулъ изъ окованнаго желѣзомъ сундука двѣ бумажки—синюю и зеленую...

— На первый разъ для знакомства! говоритъ.

Синюю подалъ Фомѣ Фомичу, зеленую—мнѣ. Мы взяли, простились и ушли, обнадеживая Онуфрія Ѳедоровича потянуть дѣло въ его пользу.

За симъ, по порядку, намъ нужно было предъявить отзывъ Мухи — Губошлепу. Мы отправились къ нему.

— Тфу-ты, провалъихъ возьми, ворчалъ дорогою Фома Фомичъ, изъ-за чего скоты судятся? Дѣло — плевка нестоитъ...

— Погодите—разгорится, замѣтилъ я... Пусть себѣ, дураки, баламутятъ воду, а мы себѣ знай закидывай неводъ; тяни да потягивай. Вотъ одинъ

ужъ далъ, тамъ и другой дастъ, а тамъ—слѣдствіе, что твоя дойная корова!...

— Оно такъ-то такъ, да, кажись, овчинка выдѣлки нестоитъ, — возразилъ Фомичъ.

— Будетъ стòить — увидите: тутъ всѣмъ будетъ —и вамъ, и мнѣ, и Кузьмѣ Савичу.

— Не хвались, ѣдучи на рать...

— Ничего! Похвалимся, ѣдучи и изъ рати...

Съ этими словами мы почти вошли во дворъ Губошлепа. Губошлепъ сидѣлъ на крыльцѣ своего дома и чинилъ хомутъ. Завидя насъ, онъ бросилъ хомутъ въ сторону, подошелъ къ намъ, поздоровался...

— Прошу покорно въ комнаты! — какимъ-то хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Мы вошли.

— Чему обязанъ?

— А вотъ извольте прочитать эту бумагу,—отвѣтилъ Фомичъ и подалъ ему отзывъ Мухи.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ—дрожь въ рукахъ становилась сильнѣе и сильнѣе, глаза искрились, поджилки тряслись...

— А-а-а,! мошенникъ-подлецъ!.. Такъ такъ-то?! — закричалъ, чуть ли не бѣшеннымъ голосомъ Губошлепъ, кончивъ читать отзывъ. Такъ я свинья?!. Да еще чухонская?! А-а-а, шельмецъ! Постой же, проклятое ты отродіе—я тебя! Сказалъ, что доѣду, такъ доѣду—не живаго, такъ мертваго, а все-таки доѣду; не будь я Карпъ Прохорычъ Губошлепъ, коли этого не будетъ!...

— Дѣло не въ томъ, перебилъ его Фомичъ, доѣзжайте вы его себѣ, какъ хотите, а намъ пожалуйте объясненіе въ томъ, что Муха противъ васъ написалъ...

— А что онъ написалъ?

— Во первыхъ то, что вы его также назвали свиньею, а во вторыхъ—въ прошеніи своемъ обругали подлецомъ.

— Такъ и слѣдуетъ! По дѣломъ вору и мука...

— Однако намъ нужно ваше объясненіе...

— Извольте, извольте, я напишу, за этимъ дѣло не станетъ: доѣду таки подлеца!... Эй, Иванъ! крикнулъ онъ въ заключеніе.

Явился Иванъ.

— Подать сюда водки, закуски, да — живо!..

— Слушаю-съ!

Иванъ скрылся и, чрезъ нѣсколько минутъ, явился съ подносомъ, на которомъ было и то и другое...

— Прошу, господа! — обратился къ намъ Губошлепъ, а я пока займусь.

Мы принялись за закуску и выпивку, Губошлепъ—за рукописаніе. Прошло полчаса..

— Вотъ вамъ, господа, мое объясненіе, съ добавкою всего нужнаго!—заговорилъ Губошлепъ, подавая бумагу Фомичу. Тутъ я еще ядовитѣе, чѣмъ въ прошеніи, написалъ противъ этой безграмотной буквы и прибавилъ, чтобъ вмѣсто двухсотъ, ему-бы триста розогъ закатили, чтобъ не поднималъ, шель-

ма, высоко носу... За тѣмъ прошу васъ не поблажать этому подлецу, а вести дѣло, какъ законы повелѣваютъ и я навсегда останусь вамъ благодаренъ, даже теперь на первый разъ...

Губошлепъ вынулъ изъ кармана красную и подалъ на нашъ пай...

— А что, не хвались—на рать?—шепнулъ я Фомичу, выходя отъ Губошлепа.

Фомичъ только крякнулъ.

Отъ Губошлепа мы отправились въ станъ. Тамъ подшилъ я всѣ эти бумаги къ дѣлу, дерябнулъ у Фомича порядочную красоулю очищенной, закусилъ исправно, сѣлъ на тройку хромыхъ обывательскихъ и—фить, фить къ себѣ домой...

Пріѣхалъ. Доложилъ дѣло Кузьмѣ Савичу...

— Хорошо. Оставь здѣсь, у меня, — сказалъ Савичъ.

Оставилъ я, самъ ушелъ. На другой день Савичъ сперъ его въ земскій судъ и тамъ вскорости состоялось постановленіе: нарядить временное отдѣленіе, для производства по этому дѣлу слѣдствія. Савичъ, само-собою разумѣется, назначенъ презусомъ временнаго...

Вскорости, послѣ этого, гурьбой покатили мы къ Мухѣ и Губошлепу. Засѣли въ крестьянской избѣ и давай таскать поочередно то Муху, то Губошлепа; сняли съ нихъ формальныя показанія: всякъ на своемъ стоитъ; понажали маленько—посыпалась деньга: „направь только, батюшка, Кузьма Савичъ, дѣ-

ло въ мою пользу, не переживу обиды!“ — говорили, послѣ каждаго привода, и Губошлепъ и Муха. Какъ письмоводителю, перепадало, разумѣется, и мнѣ. Наконецъ свели пріятелей на очную ставку. Чтожъ бы вы думали?.. Такую, разбойники, очную задали, что чуть было не только себѣ, но и всей честной компаніи глазъ не вышибли. Розняли кое-какъ ихъ. Выпроводили. Составили заключительный актъ—на томъ слѣдствіе и кончили... Поѣхали назадъ и въ такомъ видѣ дѣло предетавили на рѣшеніе уѣзднаго суда.

Захлопотали и тамъ Губошлепъ и Муха. Много денегъ перевозили. Однако, дѣло кончилось тѣмъ, что судъ подвелъ его подъ ранжиръ обоюдной ссоры и драки, а потому ни Муху, ни Губошлепа никакой отвѣтственности не подвергъ, велѣлъ только внушить имъ чрезъ полицію, чтобы они впередъ не дрались—жили мирно...

Губошлепъ остался рѣшеніемъ недоволенъ, перенесъ, по апелляціи, въ палату, но и тамъ — тоже взялъ. Полиція привела рѣшеніе въ исполненіе. Казалось-бы, и дѣлу конецъ. Но не тутъ-то было: Губошлепъ—злился, Муха—смѣялся...

— А что взялъ, чортовъ сынъ, хоть и строчилъ ябеды? — говорилъ Муха, при встрѣчѣ съ Губошлепомъ на улицѣ и тутъ же показывалъ ему пальцами носка...

Засмѣешься ты у меня на скулахъ! — отвѣчалъ

на эту насмѣшку Губошлепъ и все ходилъ да придумывалъ, какъ-бы подкузьмить Муху...

Недолго пришлось ждать ему: случай самъ представялся. Былъ у Мухи лакей, такъ себѣ, малецъ, лѣтъ двѣнадцати, хворый постоянно такой, щедушный: обмороками часто страдалъ; звали его—Федотомъ... Ну-съ, такъ этотъ-то самый Федотка, въ одинъ прекрасный день, возьми, да и отдай Богу душеньку—помре, значитъ. Вырыли могилку—похоронили, на другой день, Федотку... Узнавъ объ этомъ, Губошлепъ очнулся, запрыгалъ отъ радости...

— Стой же, теперь, шельмовская Муха!—злобно произнесъ онъ, быстро расхаживая по комнатѣ, я съ тобою съиграюсь: не доѣхалъ однимъ, такъ—другимъ доѣду, а все-таки не дамъ на посмѣшище!... Будешь, подлецъ, помнить меня на вѣки вѣчные!...

И съ этимъ онъ присѣлъ и что то настрочилъ... Кончилъ, запечаталъ, позвалъ человѣка...

— На вотъ этотъ пакетъ, сказалъ онъ, когда человѣкъ явился, и сей-часъ же отправляйся въ городъ: отдай въ собственныя руки исправнику!...

Слушаю-съ! — было отвѣтомъ нарочнаго.

— Да! Постой! Позови сюда Архипа, Власа и Кузьму, что были на похоронахъ мухинскаго Федотки..

Посланный вышелъ. Вскорости явились Архипъ, Власъ и Кузьма.

— Чуть смеркнется, — говорилъ имъ Губо-

шлепъ, — со двора никто изъ васъ—ни шагу! Приготовьте каждый по арапнику, запаситесь двумя заступами и ждите моего приказанія, слышите?..

— Слушаемъ-съ! — отвѣчали Архипъ, Власъ и Кузьма.

— Теперь слушайте!..

Люди ушли. Наступилъ вечеръ, и за нимъ—темнѣла осенняя ночь. Губошлепу ни сидѣлось, ни лежалось. Наконецъ пробило одинадцать.

— Ну, ребята, теперь маршъ!—заговорилъ онъ, отворивъ дверь въ людскую.

Архипъ, Власъ и Кузька вышли.

— За мной!—скомандовалъ тогда Губошлепъ и двинулся прямо на кладбище... Пришли.

— Гдѣ могила Федотки?

— Вотъ здѣся!—отвѣтилъ Архипъ.

Пришли къ могилѣ.

— Раскапывай могилу!..

Мужики оторопѣли, перекрестились...

— Чтожъ? Раскапывай, говорю, коли на конюшню не хочешь.

Мужики, дѣлать нечего, повиновались... Раскопали...

— Крышку долой!—было приказомъ Карпа Прохоровича.

Сняли крышку.

— Тащи его наверхъ!

Вытащили.

— Ну-тка, теперь—въ растяжку Федотку!...

Положили на траву вверхъ спиной...

— Катай арапниками!—

Мужики опять заартачились.

— Катай, сказано! Не то самихъ запорю...

Полоснули Федотку, въ три кнута, разъ, другой, третій, четвертый...

— О-ой! — раздалось вдругъ въ ушахъ нашихъ гробокопателей и... Федотка зашевелился: въ продолжительномъ обморокѣ, значитъ, былъ...

У Губошлепа и команды его душа замерла. Какъ шальные, кинулись они, кто куда попало: бѣгутъ, что есть мочи, крестятся да молитву творятъ...

Федотка, между тѣмъ, совсѣмъ очнулся, собрался кое-какъ съ силами, привсталъ, оглянулся: самъ на кладбищѣ; никого нѣтъ; темень; только слышалось ему, что кто-то безъ памяти улепетывалъ отъ кладбища...

„Что за навожденіе дьявольское? Господи! Кто же меня сюда драть затащилъ? — думалъ, крестясь, Федотка и еле-еле передвигая ноги, поплелся изъ деревни домой.....

Муха и дворня его спали уже мертвымъ сномъ, когда приплелся въ деревню Федотка. Взошелъ надворъ, постучался въ окно людской.

— Кто тамъ?—спросилъ чей-то голосъ.

Я!—протяжно отвѣтилъ, слабымъ голосомъ, Федотка.

— Да кто ты?

— Ну, не узналъ, что ли? Федотка.

— Съ нами крестная сила! Да воскреснетъ Богъ!...

И фигура, говорившая съ Федоткой, точно ошпаренная кипяткомъ, шарахнулась отъ окна...

— Да, отвори же! Пусти въ избу то: совсѣмъ перезябъ! — просился Федотка.

Отвѣта не было. Въ избѣ суетились, шушукались, но никто не отворялъ.

— Сдѣлай милость, отвори!—настаивалъ Федотка.

— Згинь ты, окоянная сила! — было отвѣтомъ ему на эту просьбу.

— Отвори же, сказываю, не то къ барину пойду!..

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! — послышалось на это Федоткѣ...

— Тфу, ты—дураки!— проговорилъ Федотка и побрелъ къ флигелю барина . . . . . .

— Баринъ, батюшка! — завылъ онъ, стукнувши раза три въ окно спальни Мухи.—Прикажи пустить въ избу то... не пускаютъ... совсѣмъ перезябъ...

— Кто тамъ? — отозвался Муха.

— Я! батюшка, я! Онуфрій Ѳедоровичъ, Федотка, лакей вашъ...

Муху затормозило. Невольно сотворилъ онъ крестное знаменіе и подошелъ къ окошку: „что за притча?“ подумалъ.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ снова.

— Федотка, лакей вашей милости! Прикажи пустить! Моченьки моей нѣту!..

— Что ты? Господь съ тобой! Ты вѣрно Федотъ, да не тотъ...

— Какъ, батюшка, не тотъ? Тотъ самый, лакей вашъ!.. Сегодня — незнаю, кто меня на кладбище затащилъ... арапниками вспороли... ой, моченьки нѣтъ!.. прикажи, баринъ, пустить, не то околѣю.

Пока Федотка говорилъ, Муха прислушивался къ голосу: голосъ дѣйствительно былъ Федоткинъ, хотя и слабый... „что за притча?“ — подумалъ онъ опять. Но при всемъ томъ, какъ ни былъ грубъ отъ природы и неучь, Онуфрій Ѳедоровичъ, однако мало давалъ вѣры явленіямъ духовъ и привидѣній; къ тому же, услышавши отъ Федотки слово: „вспороли“ и вспомнивъ, что онъ часто подвергался обморокамъ и несвоевременно былъ похороненъ, — ему пришли на мысль угрозы Губошлепа и мнимая смерть Федотки и — подозрѣніе въ разрытіи Губошлепомъ могилы и истязаніи Федотки, съ цѣлію отомстить ему за неудавшійся процессъ о мордобитіи, — запали въ его голову, тѣмъ болѣе еще подозрѣніе его вкоренялось, что онъ зналъ чрезъ людей своихъ о посланной Губошлепомъ къ исправнику какой-то бумагѣ... Однако, не довѣряя таки всему этому, Муха потребовалъ отъ Федотки три раза перекреститься. Федотка исполнилъ. Тогда Онуфрій Федоровичъ зажегъ свѣчу, отперъ самъ дверь — впустилъ Федотку...

— Какимъ же ты судьбами изъ могилы вылѣзъ?

— спросилъ онъ Федотку, когда тотъ ввалился въ комнаты.

— Изъ какой такой могилы, баринъ?!!

— Да, то-бишь, не изъ могилы! А какими судьбами ты на кладбище залѣзъ? — передергнулъ Муха, не желая, чтобы Федотка зналъ о своихъ похоронахъ...

— И самъ не знаю, баринъ, какъ; да тамъ и заснулъ, знать... а опосля меня кто-то дралъ... извольте сами поглядѣть...

Словомъ — дѣло ужь извѣстное — Федотка разсказалъ своему барину все, что съ нимъ было на кладбищѣ, какъ, затѣмъ, съ кладбища домой онъ пришелъ, какъ въ людскую его не пустили и какъ, наконецъ, рѣшился стучаться къ нему, не въ силахъ будучи оставаться на дворѣ долѣе... Онуфрій Ѳедоровичъ осмотрѣлъ спину Федотки: исписана синебагровыми полосами...

— Такъ и есть, это его, подлеца штуки!—сказалъ онъ. Но... ничего!.. Ты, Федотка—до поры до времени — никуда не показывайся. Тутъ что-то недоброе сосѣдъ противъ меня затѣялъ... Такъ ты вотъ тамъ въ чуланѣ себѣ и будь, пока я тебѣ не дозволю выйти...

— Слушаюсъ!

Федотка побрелъ въ чуланъ, а Муха — къ себѣ въ спальню...

Ха! ха! ха! — загрохоталъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, — попался шельмецъ, опять.

Между тѣмъ, предъ тѣмъ временемъ, какъ пороли на кладбищѣ Федотку — пѣшкомъ прибревшій нарочный Губошлепа подалъ намъ въ канцелярію доносъ слѣдующаго содержанія: „по долгу дворянина, вашему высокоблагородію честь имѣю донести, что вчерашняго числа вечеромъ, сосѣдъ мой, злонамѣренный помѣщикъ Онуфрій Муха, запоролъ до смерти лакея своего Федотку, такъ что тотъ подъ кнутами и помре, а чтобъ скрыть разбойничьи свои дѣянія, онъ сегодня въ обѣдъ похоронилъ его, никому не сказавши: такъ не благоугодно ли будетъ раскопать и освидѣтельствоватъ Федотку и, за убійство его, подвергнуть Муху наказанію, какъ законы повелѣваютъ“. Подписано: „Дворянинъ помѣщикъ Карпъ Прохоровичъ Губошлепъ“.

— Напиши сейчасъ же отношеніе уѣздному врачу и завтра чуть свѣтъ собирайся! — сказалъ мнѣ Кузьма Савичъ, прочитавши доносъ...

Я исполнилъ приказаніе. Утромъ мы съ уѣзднымъ врачемъ были уже у помѣщика Мухи...

— На васъ доносъ, сказалъ Кузьма Савичъ, поздоровавшись, что вы засѣкли до смерти своего лакея Федотку и вчера похоронили...

— А позвольте узнать, отъ кого этотъ доносъ? спросилъ Муха.

— Отъ сосѣда вашего, — Губошлепа, отвѣчалъ Савичъ.

— И опять вретъ онъ, подлецъ!.. Похоронить-я похоронилъ—маленько поторопился, но не сѣкъ, даже пальцемъ не трогалъ...

— Ну, слова ваши еще не доказательство! Надо вскрыть могилу и освидѣтельствовать трупъ...

— Лишне будетъ: Федотка вамъ самъ скажетъ, какъ дѣло было...

— Какъ это Федотка скажетъ?..

— А такъ! скажетъ... Эй, Федотъ!..

Изъ чулана явился Федотка.

— Это, вотъ, тотъ самый Федотка, котораго я вчера похоронилъ, рекомендовалъ Муха, указывая на явившагося парня...

Мы попятились...

— Да, да, — это тотъ самый! продолжалъ онъ. Вотъ онъ вамъ и скажетъ—билъ-ли я его, не то что вчера, даже когда нибудь...

— Что за чертовщина такая? Я тутъ ровно ничего не понимаю! — отозвался Савичъ... Федотка умеръ... похоронили... живой — тотъ самый... Убей Богъ не понимаю!..

— Тутъ и понимать нечего!—проговорилъ Муха.

И затѣмъ разсказалъ исторію, какъ Федотка его страдалъ обмороками, какъ умеръ, какъ похоронили и какъ онъ, избитый, ночью явился къ нему...

— Только тѣмъ я виноватъ, заключилъ Муха, что поторопился похоронами: нужно-бъ было карантинъ выдержать...

Послѣ Мухи, Федотка, какъ умѣлъ, передалъ съигранную сцену съ нимъ на кладбищѣ...

— А что, примѣрно, таперича, до барина касается, заключилъ онъ, то ихней милости завсегды благодаренъ—буду вѣчно Бога молить: не то чтобъ дѣломъ, словомъ въ жисти никогда не обижали.

— Все-же-таки, незнаешь-ли, кто отрылъ тебя и билъ на кладбищѣ?—спросилъ Федотку Савичъ.

— Не знаю, батюшка, ваше благородіе, кого это угораздило: темень была, не видалъ...

— По моему, кто писалъ, тотъ и поролъ: одно отъ другаго недалеко откатилось,—отозвался Муха... Видите-ли, Кузьма Савичъ, Губошлепъ давно точитъ на меня зубы за то, что ему не удалось выиграть дѣло, которое вы знаете. Вотъ онъ, теперь, когда Федотка умеръ, и задумалъ недоброе: „дайже, молъ, не мытьемъ такъ катаньемъ, отомщу ему“... Вамъ, само собою, послалъ прежде ложный доносъ, а самъ—пороть Федотку на кладбище отправился: думалъ—значитъ—меня обличить въ истязаніи, все на мою башку свернутъ. Но, знать, Богъ не допустилъ одному живымъ въ гробу помереть, а злодѣю—нарадоваться. И все.

— Хорошо-съ!—сказалъ на это Савичъ. Пиши подробный актъ, обратился онъ затѣмъ ко мнѣ, что, молъ, доносъ дворянина Губошлепа оказался ложнымъ потому, что умершій Федотка, по прибытіи насъ, найденъ въ живыхъ и самъ лично удостовѣрилъ, что баринъ никогда его не билъ, — при чемъ

помѣщикъ Муха въ нарушеніи могилы Федотки и истязаніи его, изъявилъ подозрѣніе на самого Губошлепа и прочее все, да покрѣпче, позабористѣе напиши... ну—самъ знаешь какъ...

Я принялся — накаталъ: всѣ подробности влѣпилъ въ актъ, въ томъ числѣ и показаніе Федотки. За тѣмъ съ понятыми и сторонними свидѣтелями пошли осмотрѣть могилу Федотки. По приходѣ, увидѣли: могилу —разрытою, гробъ—вскрытымъ, а около могилы нашли два желѣзныхъ заступа съ именною надписью Губошлепа...

— Ну, теперь ясно, кто гробокопатель!—произнесъ Савичъ, когда показали ему заступы. Пиши опять актъ объ этой находкѣ, обратился онъ вновь ко мнѣ.

Я написалъ. Велѣли зарыть могилу, взяли съ собою Федотку и отправились къ Губошлепу опросить его. Муха пошелъ себѣ домой...

— На обратной, милости прошу ко мнѣ закусить!—кричалъ онъ онъ намъ издали...

— Нѣтъ, братъ, погоди, закускою не отъѣдешь,—говорилъ Савичъ, кивая Мухѣ головой—.

Губошлепъ сидѣлъ дома въ какомъ-то тревожномъ состояніи, когда вошли мы къ нему: ночное путешествіе сильно задачило его,—притомъ же ему дали знать о нашемъ прибытіи и о томъ, что по околодку идетъ уже тревога... Прочитали сперва до-

доносъ его, потомъ актъ и показали самаго Федотку...

— Что вы противъ всего этого скажете?—спросилъ его Кузьма Савичъ.

— Все ложь, что на меня показываютъ! — отвѣтилъ нетвердымъ голосомъ Губошлепъ.

— Откуда же взялись на кладбищѣ ваши заступы?

— Какіе мои заступы?

— Да ваши—съ вашей именной надписью...

— Ахъ, подлецы!.. Въ самомъ дѣлѣ забыли... Архипъ! Власъ! Кузьма!—запорю, скотовъ,—заоралъ какъ-то неистово Губошлепъ.

— Нѣтъ, теперь ужь поздно вамъ распоряжаться!—перебилъ его Савичъ. Я васъ арестую...

— За что?

— Во первыхъ, за ложный доносъ, а во вторыхъ, нарушеніе могилъ—преступленіе тяжкое, влечетъ за собою лишеніе правъ состоянія и ссылку въ Сибирь...

— Да, вѣдь, не я же рылъ, а Власъ, Архипъ и Кузьма...

— Все равно, по вашему приказанію дѣлалось: вы, значитъ, главный виновникъ и есть...

— А Власъ, Кузьма и Архипъ какъ же?

— И ихъ арестуемъ...

— Полно вамъ... Нельзя ли, сдѣлайте милость, дѣло это какъ нибудь покончить: просто лукавый меня попуталъ...

Сказавъ это, Губошлепъ отвелъ Савича въ сторону...

— Покончить то, пожалуй, можно, сказалъ Савичъ, но только вотъ что, оно дорогонько вамъ будетъ стоить...

— А примѣрно, какъ?

— Да—тысячу рублей мнѣ, пятьсотъ—доктору, письмоводителя не забудьте, Федоткѣ за побои заплатите, а съ Мухою я самъ слажу—не пикнетъ; тогда, вмѣсто Федотки, дѣло зароемъ...

— Молодецъ, Кузьма Савичъ,—проговорилъ невольно я, право, молодецъ: бьетъ ужъ, такъ бьетъ—не сфальшивитъ, бьетъ, до покаянія.

— Согласенъ, Кузьма Савичъ, на все согласенъ отозвался Губошлепъ, только-бы покончить эту исторію, чтобъ...

— Будетъ кончена, не безпокойтесь! завѣрилъ его Савичъ, кончайте только скорѣе вы...

Губошлепъ повелъ насъ въ кабинетъ, отсчиталъ по росписанію Савича 1600 рублей, далъ 50 рублей мировыхъ Федоткѣ и мы съ нимъ простились... Отсюда повернули къ Мухѣ...

Этотъ ходилъ себѣ по комнатѣ и внутренно радовался своей побѣдѣ надъ Губошлепомъ.

„А что чертовъ сынъ, фальшивые доносы строчитъ?!—говорилъ онъ самъ съ собою. Теперь очередь дошла и до меня: я ужъ тебя, шельма, расту-

шую? Будешь знать, какъ клепать на ближняго напрасно... Сегодня—послать за бумагою, завтра—жалобу на его, подлеца, въ судъ“...

Но радость его была непродолжительна.

— Позвольте, теперь прицѣпиться и къ вамъ, Онуфрій Федоровичъ,—заговорилъ Савичъ вваливаясь въ комнаты Мухи...

— За что такъ?!.

— А вотъ за что: на какомъ основаніи вы дозволили себѣ похоронить Федотку не чрезъ три дня послѣ смерти, какъ бы слѣдовало по закону, а на другой день?...

— Поторопился... виноватъ...

— Это не оправданіе. Почемъ знать, что было у васъ на умѣ? Вѣдь вы живаго человѣка въ землю закопали! Значитъ, чисто на-чисто убили, а за убійство, сами знаете, что полагается, поняли?..

Муха не ожидалъ такого силлогизма и озадаченъ былъ не на шутку...

— Какъ же быть?—тревожно произнесъ онъ.

— Кончайте такъ же, какъ кончилъ Губошлепъ, такъ и дѣло будетъ въ шляпѣ,—отвѣтилъ Савичъ...

„Ай да молодецъ!“ вырвалось опять у меня.

Словомъ—нечего тутъ распространяться—содрали мы и съ Мухи чуть ли не столько, сколько и съ его противника, закусили наскоро и уѣхали...

Дома дѣло изорвали и бросили въ помойную яму. Тѣмъ и кончили...

Что же послѣ этого сталось съ Мухою и Гу-

бошлепомъ, можетъ быть, спросите вы? И это скажу. Какъ-то на дняхъ заѣзжалъ ко мнѣ сызранской управляющій, о которомъ я раньше упоминалъ, такъ онъ сказывалъ, что пріятели наши, недавно, опять шибко разодрались, но дѣла уже не заводили: знать, далась наука, а помирились и живутъ теперь мирно...

3.

НОЧЬ ВЪ АУЛѢ.

Когда-то я расказывалъ вамъ исторію, какъ въ аулѣ Рабатай, Египетской губерніи, Антоновскаго уѣзда, у тамошняго муллы Назырова грѣхъ случился: дочка сблудила и родила мертваго ребенка, какъ мулла ребенка этого, безъ вѣдома исправника нашего Петра Ивановича Рылкина, похоронилъ и какъ, за тѣмъ, Петръ Ивановичъ слупилъ за это съ муллы тысячу талеровъ, помните — а? Ну, такъ теперь разскажу еще другую исторію про того же соловья только въ иномъ родѣ.

Спустя полгода, а можетъ и больше, послѣ того происшествія, о которомъ я упомянулъ,—случилось Петру Ивановичу проѣзжать чрезъ тотъ-же аулъ Рабатай. Время было осѣннее; ночь — темная: зги Божьей не видно; накрапывалъ дождикъ; дѣло шло

къ полуночи. Вспомнилъ Петръ Ивановичъ прошедшее и—талеры муллы представились взору его мысленно: „нельзя-ли, думалъ онъ себѣ, еще чѣмъ нибудь отъ него поживиться?... Ну, а если ужь не это, такъ по крайней мѣрѣ, наказать его на хорошую закуску и выпивку, да тряхнуть знатно храповицкаго...“ И, послѣ такого размышленія, Петръ Ивановичъ, пользуясь правомъ исправника отводить для себя квартиру, гдѣ вздумается,—велѣлъ кучеру поворачивать къ муллѣ.

Съ нимъ ѣхало два казака. Въ тѣхъ краяхъ, кстати сказать, безъ конвоя ѣздить опасно: разбои часто случаются; но, впрочемъ, Петръ Ивановичъ бралъ съ собою казаковъ болѣе для форсу и острастки: почтенія, молъ, больше будутъ оказывать да и бояться тоже,—чѣмъ для существенной надобности.

Подъѣхали. У воротъ—никого, заперты изнутри. Петръ Ивановичъ велѣлъ постучать. Казаки — забарабанили.

— Кто тамъ?—послышался, чрезъ нѣсколько времени, чей-то голосъ.

— Отворяй!—закричалъ одинъ изъ казаковъ, исправникъ ѣдетъ!

Мая незнай... хазаинъ спраситъ нада...

Голосъ замолкъ. Дверь скрыпнула. Опять все стихло. Казаки—снова забарабанили.

— Кто тамъ?—послышался опять голосъ, но уже другой.

*

— Исправникъ!—отозвался самъ Петръ Ивановичъ, отворяй собачій сынъ, не то вороты сшибу!..

— Пагады, баринъ, за чѣмъ сшибатъ?... сей часъ батракъ хадытъ будетъ...

— Оттворяй, говорятъ тебѣ! Чего гадытъ?.. Ну, чтожъ?.. скоро?..

Отвѣта небыло.

— Ахъ, ты подлецъ, магометова шельма!—заревѣлъ Петръ Ивановичъ, онъ—видите—начальство и въ грошъ неставитъ—а? Ломай вороты!..

Казаки наперли—вороты затрещали.

— Пастой! пастой! Пагады мало!.. батракъ ключь сей часъ... оттвораитъ!—раздалось внутри двора.

— А, заговорилъ каналья!.. Дуй—снова!..

Казаки опять наперли—ворота опять затрещали.

Вслѣдъ за симъ опрометью прибѣжалъ къ воротамъ батракъ, бренча ключами. Казаки остановились. Отперли. Петръ Ивановичъ, со всею своею свитою, въѣхалъ на дворъ. На порогѣ своего дома, при свѣтѣ фонаря, встрѣтилъ его мулла и почтительно привѣтствовалъ низкимъ поклономъ. Петръ Ивановичъ еле-еле кивнулъ ему головой и направился въ комнаты. Мулла растворилъ предъ нимъ дверь:

— Пожалуй баринъ, пожалуй, панъ исправникъ!.. будь гость... Аллахъ верды!.. [1]) балабанъ Аллахъ!.. [2]).

— Ну, ладно, ладно! — проговорилъ Петръ Ива-

---

[1]) Помилуй Богъ.

[2]) Великъ Богъ.

вичъ небрежно, вошелъ въ комнаты, бросилъ свой плащъ куда попало и—къ муллѣ:

— Ты смотри у меня, магометова форма, чтобъ казаки и кучеръ мой были сыты—слышь?..

— Якши [1]) бачка, якши!.. Что твоя милость желаитъ?..

— А моя милость желаетъ всего, что у тебя найдется лучшаго.

— Якши, бачка, якши.

— Ну, такъ ступай распорядись, да не какъ нибудь—понимаешь?.. Кучеру и казакамъ—тоже, смотри, неподгадь!..

— Якши, бачка.

Мулла ушелъ. Петръ Ивановичъ остался въ комнатѣ одинъ. „Гм!—заговорилъ онъ самъ съ собою, придраться развѣ къ нему?—да не къ чему... Развѣ къ тому, что воротъ долго не отворялъ, неуваженіе—стало быть—высказывалъ... Ну, да, впрочемъ, чортъ съ нимъ! Нестоитъ изъ пустяковъ баталіи заводить. Лучше выпью исправно да закушу, а потомъ вотъ сюда—на софу... А славная софа у проклятаго татарвы, только не къ его рылу... и коврикъ-то на ней такой пушистый: должно быть, изъ персидскихъ... Знатную можно задать всхрапку, особенно послѣ этой проклятой передряги, н—н—да!..

Пока Петръ Ивановичъ мечталъ о хорошей закускѣ и выпивкѣ и говорилъ объ удобствѣ ночле-

---

[1]) Хорошо.

га, мулла распорядился на кухнѣ какъ слѣдовало, то есть выдвинулъ казакамъ боченокъ водки (мулла хоть и правовѣрный былъ, одвако держалъ у себя для гостей вино и водку), велѣлъ подать хлѣба, кумысу и полбарана и — возвратился обратно къ Петру Ивановичу; за нимъ батракъ, на огромнѣйшемъ подносѣ, несъ всевозможныя закуски, водку, наливки и вино... У Петра Ивановича и глаза разбѣжались. Не долго думая, принялся онъ уничтожать и то, и другое, и третье по порядку. Напился, нажрался. Мулла все это время стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, склавши на груди руки...

Между тѣмъ казаки перепились до полусмерти, да и самаго Петра Ивановича сильно покачивало. Онъ усѣлся на софу съ намѣреніемъ прямо повалиться на боковую, закурилъ пока трубку и началъ что-то бормотать себѣ подъ носъ. Мулла вышелъ изъ комнаты...

Спустя нѣсколько времени, вошли два батрака и попросили Петра Ивановича пожаловать въ комнату, гдѣ ему приготовлено спать.

— Мнѣ и здѣсь хорошо,—говоритъ Петръ Ивановичъ.

— А тамъ еще лучше,—говорятъ ему.

— Ну, коли лучше, такъ пойдемъ,—говоритъ.

Вышли. Петръ Ивановичъ, какъ я уже сказывалъ, былъ сильно хмѣленъ: батраки взяли его подъ руки и—повели... Куда-бы вы думали—а?.. Прямо черезъ дворъ—къ собачей канурѣ — да!.. Ужь онъ,

сердешный, на дорогѣ и туда и сюда: „какъ вы смѣете?.. да куда вы, меня подлецы, ведете?.. да я васъ!..“ И на колѣнки падалъ, и въ медвѣдку игралъ: ножками все эдакъ опирался, — ничего неберетъ: подымутъ это его проклятые—здоровенные оба такіе — да все дальше, да дальше, ведутъ, знай, ничего не слушаютъ. Вздумалъ, было, баринъ нашъ кричать, звать на помощь, такъ и тѣмъ ничего не взялъ: казаки замертво спали пьяные, а сосѣди не могли слышать: дворъ отъ двора, что называется, за версту. Наконецъ притащили. Спустили съ цѣпей двухъ огромнѣйшихъ собакъ — дворнягъ и — Петра Ивановича туда—въ конуру—и ушли. Вотъ-те и на!.. вотъ-те и коврикъ персидскій!.. Что прикажете тутъ дѣлать?.. Вылѣзть — нельзя: собаки проклятыя, то та, то другая, то и дѣло около окошечка вертятся, чуть голову высунь—такъ и взъѣдутся: гр-р-р-р, да гр-р-р-р... того и гляди кинутся и таску зададутъ; просто—хоть лазаря пой. Злость до nec plus ultra взяла Петра Ивановича; хмѣль совсѣмъ прошла. Перезябъ, бѣдняга, до костей, а тутъ—на зло—и прикрыться нечѣмъ... Кое-какъ ужь нагребъ въ канурѣ соломки, приставилъ къ выходу корыто, изъ котораго собаки ѣли, чтобъ на грѣхъ, пожалуй, неворвались анафемскія, да не загрызли, да такъ всю Божью ночку и оттрезвонилъ.

. . . . . .

Разсвѣло. Казаки встали — повели лошадей на водопой, а Петръ Ивановичъ все сидѣлъ въ кану-

рѣ въ страшномъ озлобленіи и то и дѣло выглядывалъ въ окошечко изъ-за корыта. Наконецъ тѣже самые два батрака, которые вчера привели и пихнули его въ кануру, вышли на дворъ, приманили собакъ, взяли ихъ на цѣпь, повели за кануру и тамъ привязали; потомъ подошли къ окошечку— постучались въ корыто:

— Панъ исправникъ, а панъ исправникъ!.. Вставать пора!.. мулла просилъ...

Петръ Ивановичъ крякнулъ—батраки ушли... Отвалилъ онъ корыто отъ входа кануры, вылѣзъ и— можете себѣ представить образъ и подобіе Петра Ивановича!!!.. Злющій, презлющій побрелъ онъ къ дому, гдѣ на порогѣ ожидалъ его мулла съ тѣмъ же почтительнымъ видомъ, какъ и прежде. Только что Петръ Ивановичъ подошелъ къ нему и хотѣлъ, какъ водится, разразиться гнѣвомъ, а, можетъ быть, и кулаками, — мулла, предупреждая все это, обратился къ вему съ такою рѣчью:

— Извини, панъ исправникъ! Ты вчера пріѣхалъ какъ сабакъ, такъ и ночевалъ какъ сабакъ!.. А чтобъ ты не думалъ, что мой недобра человѣкъ — гость обижалъ, каранъ не почитай—такъ вотъ тебѣ сто талеръ: не будь каранъ, твой ничего не получалъ-бы... эта урокъ тебѣ... На! Возьми! — да впередъ такъ не дѣлай... некарашо...

И мулла вручилъ Петру Ивановичу кошелекъ съ талерами. Петръ Ивановичъ, разумѣется, заблагоразсудилъ лучше взять деньги и замолчать: „если,

думалъ онъ себѣ, пойти съ нимъ за обиду по суду, такъ хуже только себѣ надѣлаешь: а съ муллы все-таки ничего не получишь, такъ ужъ лучше тово... оно и шито—крыто...“

Наскоро перекусилъ у муллы Петръ Ивановичъ, одѣлся, велѣлъ подавать лошадей, сѣлъ и — уѣхалъ.

И съ тѣхъ поръ, кажется, никогда уже не заворачивалъ Петръ Ивановичъ къ муллѣ Назырову..,

---

4.

МИРОВАЯ.

Въ одно время—и теперь я его помню—служилъ въ нашемъ небольшомъ губернскомъ городѣ квартальнымъ надзирателемъ одинъ доблестный мужъ, рыцарь на всѣ пакости способный, нѣкто Петръ Ивановичъ Мышкинъ. Собою онъ выглядѣлъ звѣрекъ-звѣрькомъ; волосы носилъ щетинистые; лѣтъ ему было за 35. По общему говору обывателей, его давно бы слѣдовало выгнать изъ службы; но, не знаю почему-то начальство его терпѣло, — однимъ словомъ, Петръ Ивановичъ, не смотря на всѣ толки, служилъ себѣ и пакостилъ, пакостилъ и служилъ.

Такъ, вотъ этотъ-то самый Петръ Ивановичъ, возвратясь однажды изъ рекогносцировки, на кото-

рую ѣздилъ собственно ради поползновенія на добро ближняго,—сидѣлъ себѣ, какъ-то, въ своей конторѣ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа и чистилъ перочиннымъ ножикомъ, на рукахъ, ногти. Время было вечернее—6 часовъ. Въ конторѣ изъ постороннихъ никого не было, кромѣ торчавшаго за столомъ и скрипѣвшаго на всю контору перомъ, письмоводителя Кузьмы Савича Жвачкина. Кончивъ чистить ногти, Петръ Ивановичъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ—прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Жвачкинъ—все писалъ. Оба молчали. Наконецъ Петръ Ивановичъ, подойдя къ столу Жвачкина, остановился.

— Знаешь что Жвачка? — сказалъ онъ Кузьмѣ Савичу.

Жвачкинъ поднялъ голову.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ тотъ, взглянувъ на Петра Ивановича вопросительно.

— Надо бы, братецъ ты мой, этого голубчика Самойлова, что буфетчикомъ у насъ въ трактирѣ „Слѣпомъ“ живетъ—хорошенько проучить. Зазнался, шельмецъ, совсѣмъ зазнался. Надзирателя и контору въ грошъ не ставитъ: ни праздничныхъ, ни другаго чего... просто — какъ съ козла молока...

— Надо бы то, надо; я объ этомъ давно думалъ; два разъ даже драку въ трактирѣ затѣвалъ, чтобъ дебоширство какое вывести, а потомъ на него все свернуть, такъ—нѣтъ, подлецъ, не дается на эту удочку; чуть затѣю бывало, катавасію, онъ сей-

часъ же и распорядится: меня подъ руки подхватятъ и выведутъ изъ заведенія, зарядъ значитъ и пропалъ...

— Надо придумать.

— Придумывайте. А я все-таки когда нибудь до него да доберусь: напакощу таки на славу!

И, сказавъ это, Жвачкинъ опять уткнулъ лицо въ бумаги и принялся скрипѣть перомъ. Петръ Ивановичъ промычалъ что-то себѣ подъ носъ, отвернулся и зашагалъ вновь по комнатѣ.

Прошло минутъ пять.

— Знаешь что я придумалъ?—обратился вновь Петръ Ивановичъ къ Жвачкину.

—А что?

— А вотъ что. Слушай...

— Здравія желаю ваше в—бдіе, — раздалось вдругъ въ дверяхъ конторы и въ контору ввалилось нѣсколько человѣкъ дворниковъ и два три изъ просителей.

Тутъ Петръ Ивановичъ—запнулся: прекратилъ громко разговоръ, нагнулся къ Жвачкину и зашепталъ ему что-то на ухо, сопровождая шепотню свою особенными выразительными жестами.

Жвачкинъ самодовольно улыбнулся, когда Петръ Ивановичъ кончилъ, крякнулъ на стулѣ, и утеръ рукавомъ носъ.

— Славная штука! проговорилъ онъ и принялся опять писать.

Петръ Ивановичъ занялся переговорами съ просителями.

Прошелъ, послѣ этого, часъ другой времени: часовая стрѣлка показывала половину одинадцатаго. Просители и дворники, получивъ тамъ, или не получивъ удовлетворенія, разбрелись по домамъ. Остались въ конторѣ только Петръ Ивановичъ и Жвачкинъ.

— Ну, бросай писать! завтра кончишь, а теперь отправляемся туда, куда я тебѣ говорилъ, пока не заперлись—сказалъ Петръ Ивановичъ Жвачкину.

— Сейчасъ, отвѣтилъ тотъ.

— Да смотри, обдѣлай такъ, чтобъ и комаръ носу не подточилъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь: будетъ обдѣлано...

— Такъ ступайте!

Жвачкинъ сложилъ въ конторку бумаги, простился съ Петромъ Ивановичемъ и отправился по назначенію.

Спустя нѣсколько времени, онъ былъ уже въ трактирѣ „Слѣпомъ“.

— Михайлу Самойловичу наше почтеніе! — сказалъ онъ, подходя къ буфету.

— Здраствуйте, Кузьма Савичъ, здраствуйте! Что новинькаго.?.

— Да ничего, братъ, новаго нѣтъ, а просто зашелъ къ тебѣ водочки выпить, да еще кой о чемъ покалякать... послѣ скажу.

— Милости просимъ! Пожалуйте! Водочки какой прикажите,—очищенной, аль березовой?

— Все равно: давай какой нибудь.

— Гдѣ: здѣсь будете, аль прикажите подать въ комнату-съ?

— Подай въ комнату.

— А закусить чѣмъ-съ?

— Да хоть будера давай съ ветчиной.

— Хорошо-съ. Пожалуйте!

Буфетчикъ повернулся и забренчалъ рюмками и графинчиками, а Кузьма Савичъ побрелъ въ комнату. Пройдя общую, онъ повернулъ въ маленькую съ перегородкой и тамъ засѣлъ. Немедленно половой принесъ туда графинчикъ водки и буттербродъ съ ветчиной. Жвачкинъ проглотилъ сразу то и другое.

— Попроси сюда на минутку Самойловича! сказалъ онъ стоявшему у дверей половому, а самъ хоть провались.

Половой вышелъ и, чрезъ минуту, явился Самойловичъ.

— Что вашей милости, Кузьма Савичъ, угодно-съ? — спросилъ онъ.

— А вотъ что, любезный мой Михайло Самойловичъ... Но, прежде, дай мнѣ слово, что ты исполнишь то, о чемъ я тебя попрошу.

— Коли можно, — отчего же?

— Да не коли, а ты напрямикъ говори.

— Не знаю сударь, Кузьма Савичъ, о чемъ вы будете просить.

— Пустякъ для тебя — увѣряю!

— А коли пустякъ, такъ зачѣмъ же и дѣло стало? Сказывайте.

— Будь другомъ Михайло Самойловичъ; одолжи мнѣ пожалуйста дня на два, или на три 50 рублей. Повѣрь на вѣкъ останусь тебѣ благодарнымъ...

Михайла Самойловича покоробило: онъ, на практикѣ, зналъ чѣмъ пахнутъ подобныя полицейскія одолженія: безъ отдачи значитъ, да и отказать-то ему прямо было не ловко: „какой ни на есть народъ, думалъ онъ себѣ, а все-таки, можетъ быть, когда нибудь пригодится, тѣмъ паче—полицейскіе“.

— Съ удовольствіемъ бы, Кузьма Савичъ,—проговорилъ онъ; но вѣрьте Богу—не могу: въ наличіи собственныхъ-съ денегъ не имѣю. Есть—да все хозяйскія: что въ выручкѣ то и есть.

— Да какъ нибудь, дружище, извернись пожалуйста! А коли не вѣришь, такъ я тебѣ, пожалуй, оставлю залогъ, вотъ эту свою хорьковую шубку—гляди, рублей сто двадцать стоитъ. Возьми, подержи ее маленько, а я день-два и въ пальто прошмыгаю.

И, говоря это, Жвачкинъ снималъ съ себя хорьковую шубку, дѣйствительно рублей сто съ хвостомъ стоившую.

— На, братецъ, возьми,—добавилъ онъ, подавая

шубку Самойлычу, сдѣлай милость не откажи ужъ, выручь пріятеля: нужда, во, по горло пришла!.. Хоть изъ хозяйскихъ до субботы возьми: вѣдь ты по субботамъ выручку отдаешь?.. До той поры — поквитаемся...

Самойлычъ—пріободрился. Теперь подумалъ онъ, хоть денежки не пропадутъ: залогъ есть.

— Что съ вами, Кузьма Савичъ, будешь дѣлать? — сказалъ онъ, принимая шубку, волей-неволей, а надо дать: изъ хозяйскихъ — на себя, значитъ, возьму, только вы ужъ пожалуйста въ субботу денежки принесите...

— Непремѣнно, непремѣнно Михайло Самойловичъ! И не безпокойся! Какъ Богъ святъ денежки будутъ у тебя въ субботу, да и съ процентами, коли хочешь...

— Ну, уже, на счетъ процентовъ вы напрасно говорите, Кузьма Савичъ: я ефтимъ не занимаюсь, а только изъ угожденія—значитъ — вашей милости, вѣрьте Богу...

— Такъ неси же скорѣе! Мнѣ некогда: пьяныхъ въ кварталъ за драку привели, надо въ Часть спровадить.

— Сейчасъ. Извольте.

Самойлычъ пошелъ за выручку, вынулъ оттуда изъ собственныхъ денегъ пятидесятирублевую бумажку, принесъ и отдалъ Жвачкину; шубку, разумѣется, оставилъ у себя.

Вслѣдъ за симъ Жвачкинъ оставилъ заведеніе.

На другой день, рано утромъ, Жвачкинъ сидѣлъ уже въ конторѣ и ожидалъ выхода Петра Ивановича. Этотъ не замедлилъ явиться.

— Ну, что, какъ? спросилъ онъ.

— Ничего, Петръ Ивановичъ, начало уладилъ, отвѣтилъ Жвачкинъ.

— И эдакъ, знаешь, шито-крыто?..

— Разумѣется! А иначе какъ же?

— Ну, хорошо. Что онъ тебѣ?

— Ничего. Сначала, было, заартачился, не давалъ, а потомъ денежки выложилъ.

— Ладно. Теперь пиши — значитъ — объявленіе. Гербовая бумага у тебя есть?

— Кажись есть.

— Жвачкинъ отодвинулъ въ столѣ ящикъ, пошарилъ, пошарилъ тамъ и вынулъ оттуда двадцатикопѣечный листъ гербовой бумаги.

— Есть, сказалъ онъ, показывая листъ Петру Ивановичу.

— Такъ валяй же! проговорилъ Петръ Ивановичъ, и, когда напишешь, сейчасъ же отправляйся въ часть; дай входящему журналисту — чертъ съ нимъ — рубль, чтобъ скорѣе во входящій журналъ записалъ, а я какъ поѣду за бумагами, такъ и захвачу. Надо устроить такъ, чтобъ къ вечеру — все было готово.

Жвачкинъ исполнилъ все такъ по писанному: живой рукой написалъ онъ объявленіе, сбѣгалъ въ часть, подалъ приставу, подмазалъ входящаго жур-

налиста и, вечеромъ, того же дня былъ въ трактирѣ „Слѣпомъ“.

Пройдя буфетъ и поздоровавшись съ Самойловымъ, онъ кивнулъ ему пальцемъ въ извѣстную уже намъ маленькую комнатку съ перегородкой. Самойловичъ — послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, спасибо, Самойловичъ, за одолженіе! сказалъ Жвачкинъ, запуская руку въ лѣвой карманъ сюртука, когда они вошли въ комнату; давай шубку, получай деньги!..

Самойлычъ обрадовался потому, что не ожидалъ такой скорой и исправной отдачи.

— Покорно благодаримъ-съ, Кузьма Савичъ! Оченно благодарны-съ! Извольте. Сейчасъ принесу, заболталъ онъ, кланяясь Жвачкину.

— Неси же, и — деньги получай!

— Сію минуту-съ.

Самойлычъ — вышелъ. Шубка была немедленно принесена. Но Жвачкинъ почему-то медлилъ отдачею денегъ. Самойлычъ ждалъ, уложивъ шубку на стулъ.

Въ это же самое время, въ трактиръ „Слѣпой“— ввалился Петръ Ивановичъ, со всѣми атрибутами своего величія, т. е. городовыми и понятыми.

— Гдѣ буфетчикъ? спросилъ онъ грозно у половаго.

— Здѣсь, — отвѣчалъ половой.

— Позвать его!

Парень шмыгнулъ въ комнату, гдѣ были Жвачкинъ и Самойлычъ.

— Михайло Самойлычъ! Михайло Самойлычъ! заговоривъ онъ торопливо. Скорѣй! Надзиратель пришелъ! Васъ спрашиваетъ!

Самойлычъ — выскочилъ.

— Что прикажите, ваше в—бдіе?—шаркнулъ онъ, очутившись лицомъ къ лицу съ Петромъ Ивановичемъ.

— А вотъ сейчасъ узнаешь...

Петръ Ивановичъ полѣзъ въ портфель.

— Нашелъ, Петръ Ивановичъ! Нашелъ! Поличное нашелъ! кричалъ, между тѣмъ, Жвачкинъ, выходя изъ той же комнаты и волоча за собою, по полу, шубку. Вотъ она! Глядите!

Самойлычъ — выпучилъ на Жвачкина глаза.

— Чего глазищи-то выпучилъ? Не знаешь, что-ли? Это что? нагло произнесъ Жвачкинъ, потряхивая шубкой. Думалъ—не доищемся? Краденныя вещи продавать вздумалъ?..

Самойлычъ — одурѣлъ отъ удивленія: ничего не могъ сказать, а только растопырилъ руки и вытянулъ физіономію.

— Нечего тутъ притворяться, праведнаго корчитъ, —заговорилъ тутъ Петръ Ивановичъ, на-ко, прежде прочитай вотъ это, а потомъ сказывай—гдѣ шубку взялъ.

Петръ Ивановичъ сунулъ въ руки Самойлову объявленіе Жвачкина, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ, что у него, такого-то числа, во время его отсутствія изъ квартиры, неизвѣстно кѣмъ,

украдена, собственно ему принадлежащая, хорьковая шубка, крытая чернымъ сукномъ и что, по собраннымъ имъ, Жвачкинымъ, подъ рукою, свѣдѣніямъ, дознано, что шубка эта находится у буфетчика трактира „Слѣпой“ Самойлова, а потому Жвачкинъ проситъ — шубку отобрать отъ Самойлова, а съ нимъ, какъ воромъ, или передержателемъ краденнаго поступить по закону.

По мѣрѣ того, какъ Самойлычъ читалъ это объявленіе, дрожь въ рукахъ его становилась все сильнѣе и сильнѣе, физіономія, что называется, по градусамъ блѣднѣла, поджилки тряслись. Дѣло для него разъяснилось.

— Помилуйте, ваше в—бдіе!—завопилъ онъ, кончивъ чтеніе и обращаясь къ Петру Ивановичу. Я эвтова ничаво не знаю-съ! Кузьма Савичъ сами изволили принести ко мнѣ: подъ залогъ 50 рублей взяли...

— Вретъ онъ негодяй, Петръ Ивановичъ. Я ему никогда, ничего не приносилъ и никакихъ денегъ не бралъ! тѣмъ же наглымъ тономъ сказалъ Жвачкинъ, а узнавши, что украденная у меня шубка находится у него, я и пришелъ сюда, предъ вашимъ приходомъ, подъ предлогомъ купить ее: онъ мнѣ и показалъ...

— Что вы, что вы?! Господь съ вами, Кузьма Савичъ! перебилъ его Самойлычъ. Какъ вамъ не совѣстно и не грѣхъ такія слова говорить? Не вы-ли сами вчера шубку принесли?..

— Да что тутъ увертываться, любезный! подхватилъ Петръ Ивановичъ, подступая къ Самойлову. Знаемъ, эта старая воровская уловка — спихивать все на другихъ. Говори: гдѣ шубку взялъ?

— Кузьма Савичъ...

— Врешь! Кузьма Савичъ только подалъ объявленіе, что у него украдена шубка и—больше ничего. А ты чѣмъ докажешь?..

— Дѣло было наединѣ ваше в—бдіе: Богъ свидѣтель.

— Да Богъ, можетъ быть, свидѣтель и тому, что ты укралъ шубку, или знаешь вора... Говори—гдѣ взялъ?

Бѣдный Салойлычъ не зналъ, послѣ этого, что отвѣчать, на что рѣшиться.

— Помилуйте, ваше в— бдіе! взвылъ онъ, накажи меня Пресвятая Богородица, коли я неправду говорю!..

— Погоди. Накажетъ: не божись напрасно.,. Эй, городовой! позвать сюда хозяина заведенія.

Городовой вытянулся, проговорилъ обычное „слушаю-съ“, повернулся на каблукахъ и вышелъ!

— А ты, любезный, продолжалъ Петръ Ивановичъ, сдавай буфетъ и—съ нами... Жвачкинъ! Пиши актъ о поличномъ.

Жвачкинъ принялся писать актъ. У Самойлыча голова закружилась.

— Хозяина нѣту дома! доложилъ возвратившійся городовой.

— Ну, все равно и безъ него обойдемся! сказалъ Петръ Ивановичъ. Сдавай буфетъ! повторилъ онъ Самойлову.

Тутъ Самойлычъ положительно убѣдился въ своемъ безсиліи противъ этого грабежа и — рѣшился искать спасенія въ мировой сдѣлкѣ.

— Ваше в—бдіе! Сдѣлайте милость—нельзя-ли всю эту исторію прикончить? началъ онъ умоляющимъ тономъ. Вѣрьте Богу—отъ своихъ отступаюсь, лишъ бы только грѣха не видать.

— Это не мое, братецъ, дѣло. Мое—преслѣдовать преступленіе, а не скрывать его.

— Сдѣлайте милость!

— Я ничего не могу тутъ сдѣлать. Проси г. Жвачкина: коли онъ проститъ, я, пожалуй, согласенъ.

Самойлычъ подошелъ къ Жвачкину.

— Кузьма Савичъ! Покорнѣйше васъ прошу нельзя ли тово... такъ... чтобъ ничаво евтаво не было?..

— Можно. А сколько мировыхъ дашь? прежнимъ наглымъ тономъ отвѣтилъ Жвачкинъ.

— Бога вы не боитесь! вырвалось у Самойлыча. Вѣдь 50 получили; я долгу не ищу...

— Что-о?! Опять за старую пѣсню взялся. Какой долгъ?!..

Самойлычъ прикусилъ языкъ.

— Знаешь что, продолжалъ Жвачкинъ, я тебѣ скажу? дашь 50 рублей, такъ — дѣло кончу.

— Помилуйте! За что же? только могъ проговорить Самойлычъ.

— За то, чтобъ я дѣло прикончилъ. А, впрочемъ,—какъ знаешь. Петръ Ивановичъ! Актъ — готовъ: подписывайте!

Петръ Ивановичъ подошелъ къ столу, гдѣ шли эти переговоры.

— Ну, чтожъ? Ты не хочешь — значитъ дать должное удовлетвореніе г. Жвачкину? спросилъ онъ Самойлыча.

— Не соглашается, — подхватилъ Жвачкинъ.

— Такъ не пеняй же на насъ, любезный! добавилъ Петръ Ивановичъ... Городовой! Позвать сюда свидѣтелей! Сосчитаемъ выручку, опечатаемъ, а его, голубчика,—въ Часть. Что тутъ долго съ нимъ растабаривать...

Петръ Ивановичъ отвернулся. Но не успѣлъ еще городовой привести въ исполненіе его приказанія, какъ Самойлычъ, окончательно побѣжденный этою обстановкою и не видя впереди ничего, кромѣ потери мѣста и позора,—не вытерпѣлъ и ударился съ Жвачкинымъ въ переторжку: давалъ 25 — нѣтъ; давалъ 30—нѣтъ; давалъ 40 наконецъ — Жвачкинъ стоялъ на одномъ: „дай 50 рублей и баста“. Дѣлать было нечего. Пошелъ Самойлычъ за выручку, вынулъ сѣренькую и отдалъ Жвачкину.

— Ну, вотъ, теперь, покончимъ, — заговорилъ Жвачкинъ, укладывая въ боковой карманъ сюртука деньги.

Написали, разумѣется, послѣ этого, мировую подписку, что дескать Самойлычъ купилъ шубку у неизвѣстнаго человѣка незавѣдомо краденную и въ удовлетвореніе г. Жвачкина безпрекословно отдать ее согласился, а Жвачкинъ, съ своей стороны, никакой претензіи къ Самойлычу не имѣетъ и проситъ дѣло производствомъ прекратить. Подписали. Взяли шубку, актъ изорвали, — тѣмъ и кончили. Ушли.

— Ахъ, нехристи проклятые! Жидоморы анафемскіе! И за что сто рублей взяли? завылъ Самойлычъ у себя, въ заведеніи, по уходѣ властей. Хоть бы вамъ ни дна, ни покрышки! Вотъ именно правда—отъ чертей хоть открестишься, а тутъ ни крестомъ, ни пестомъ — ничего не подѣлаешь... А все изъ-за хозяина. Сколько разовъ я говорилъ, что надо посылать праздничные! Такъ нѣтъ; заладилъ одно: „не-за что“, а тутъ изволь своей шкурой отдѣлываться... Ванюшка!—крикнулъ онъ стоявшему у буфета мальчишкѣ, узнай — хозяинъ дома? Коли дома, такъ попроси сюда.

Мальчишка побѣжалъ. Минутъ чрезъ пять явился хозяинъ заведенія—толстопузая купчина. Самойлычъ разсказалъ ему всю исторію.

— А все изъ-за васъ, Калина Ермолаевичъ, заключилъ онъ, что праздничныхъ не велите посылать.

— И не пошлю никогда! Не стоятъ! А вотъ я про все ефто, поѣду, да начальству поразскажу, такъ тогда тово... увидимъ...

— Чертъ съ ними, не вяжитесь.

— Нѣтъ, ввяжусь.

— Все равно ничего не выиграете: они — увернутся, только себя посрамите.

— А вотъ, тово... увидимъ...

— Ну, Жвачка, давай-ка сюда сѣрухъ! говорилъ, между тѣмъ, Петръ Ивановичъ Жвачкину, идя по улицѣ. Тебѣ четвертной будетъ?

— Пожалуй будетъ,—отвѣчалъ Жвачкинъ, подавая Петру Ивановичу деньги.

— Въ конторѣ размѣняю — получишь. А славную мировую мы ему задали! Будетъ, шельмецъ, помнить: о праздничныхъ, по-неволѣ, подумаетъ.

— Да. Не забудетъ, — отвѣтилъ, подсмѣиваясь, Жвачкинъ, послѣ третьяго Рождества за ухомъ почешетъ.

Не знаю — ѣздилъ ли Калина Ермолаевичъ жаловаться начальству; но, кажется, что нѣтъ: послушался Самойлыча и, спустя недѣлю послѣ этого происшествія, отдалъ ему приказаніе на счетъ праздничнаго визита.

— Только больше пяти рублей на всѣхъ, тово... не посылать! заключилъ онъ, тово... стоятъ...

II

РАЗСКАЗЫ ИСПРАВНИКА.

1.

БЕЗОБРАЗНИКЪ.

А то въ бытность мою исправникомъ К—скаго уѣзда, К — ской губерніи, жилъ у меня, въ уѣздѣ, въ сорока верстахъ отъ губернскаго города, одинъ помѣщикъ, корнетъ въ отставкѣ, стараго закалу, нѣкто Иванъ Степановичъ Рыжиковъ, — человѣкъ ужъ не молодой, лѣтъ за 50, вдовецъ; изъ семьи у него только и было, что сынишка, годовъ 25, дылда какая-то, недоросль при батюшкѣ, кажись, весь вѣкъ свой и прожилъ, нигдѣ и не учился даже, да дочка, хорошенькая дѣвушка, лѣтъ 16, изъ ученія въ то время откуда-то пріѣхала: воспитаніе въ пансіонѣ кончила, значитъ, и—больше никого не было; состояніе Иванъ Степановичъ имѣлъ очень достаточное: богаче его никого во всемъ уѣздѣ не было. Чего-бы, кажись, человѣку этому нужно было? „Живи себѣ, по пословицѣ, да Богу молись". Такъ нѣтъ, сударь вы мой, не проходило, бывало, и мѣсяца, не говоря уже о годахъ и полугодахъ, чтобъ онъ не сочинилъ какой-либо исторіи и не затѣялъ дѣла: то, бывало, своего же брата, сосѣда—помѣщика къ

себѣ залучитъ, да на конюшкѣ выпоретъ, то затравитъ чужой скотъ, то дочку у кого увезетъ и изнасилуетъ; разъ просвирню къ колокольнѣ привязалъ и въ набатъ ударилъ, другой—двухъ пьяныхъ бабъ на кладбищѣ распялъ на деревьяхъ, а тѣ, проснувшись ночью, такой ревъ подняли, что всю деревню, было, всполошили: всѣ думали, что воскресеніе мертвыхъ, свѣтопредставленіе настало, — просто, я вамъ скажу, на весь уѣздъ безобразничалъ, одними слѣдствіями замучилъ...

Такъ вотъ такимъ-то образомъ бѣсился, бѣсился Иванъ Степановичъ, да и задумай, въ добавокъ всѣхъ своихъ безобразій, поставить у себя, въ деревнѣ, шлагбаумъ. На что онъ въ деревнѣ—скажите пожалуйста?.. Но ужъ коли Иванъ Степановичъ что задумалъ, такъ никто ему не указъ,—ничѣмъ, бывало, его не урезонишь, коломъ дури изъ головы не вышибешь. Ну, ладно. Вырылъ ямы, поставилъ столбы и перекладину, назначилъ караульнаго, отдалъ приказъ: „послѣ 9 часовъ вечера, кромѣ почты, никого не пропускать“ и — дѣло съ концомъ: шлагбаумъ живо закрасовался. А нужно вамъ сказать, что чрезъ деревню его пролегалъ почтовый трактъ. Разумѣется, въ силу такого приказа Ивана Степановича, почта проѣзжала безпрепятственно во всякое время ночи, зато проѣзжающіе послѣ 9 часовъ принуждены были объѣзжать деревню кругомъ. Узналъ я объ этомъ, пріѣзжаю къ Ивану Степано-

вичу убѣдить его въ его самодурствѣ и приказать снять шлагбаумъ. Иванъ Степановичъ — дома.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ меня, какъ-то нахально.

Я объяснилъ ему причину своего пріѣзда.

— Не ваше дѣло! отвѣтилъ онъ.

— Какъ не мое? Я исправникъ! Это моя обязанность!

— Знаю, что вы исправникъ. Но деревня—моя и земля — моя: что хочу, значитъ, на ней, то и дѣлаю.

— Однако права ваши на землю не даютъ еще вамъ, по закону, права стѣснять проѣзжающихъ своимъ шлагбаумомъ, тѣмъ болѣе, что дорога у васъ казною окуплена. Я принужденъ буду мѣрами полиціи уничтожить ваше рукодѣліе, если вы добровольно снять шлагбаума не согласитесь.

— Фью, фью, фью! Попробуйте-ка! Такъ я на васъ всю деревню выгоню, собаками, съ позволенія сказать, затравлю.

— Я начальнику губерніи о вашихъ дерзостяхъ и своеволіи донесу! Роту гарнизона потребую!..

— Ха, ха, ха!.. Можете!.. Не запрещаю!.. Скажете тогда „гопъ, какъ подскочете“, а теперь — прощайте: мнѣ некогда.

И, засвиставъ какую-то пѣсню, въ родѣ „камаринской“, — Рыжиковъ повернулся и пошелъ чрезъ гостинную въ садъ.

Что мнѣ оставалось съ такимъ чортомъ дѣлать?

Начать исторію самому—не стоило, да и не въ силахъ я былъ: всего можно было отъ этого подлеца ожидать,—такъ я, плюнувъ ему, какъ говорится, въ хату, уѣхалъ къ себѣ домой и того же числа донесъ объ этомъ по начальству.

Но неуспѣло еще донесеніе мое, по расчету времени, и дойти по назначенію,—какъ случись въ ту пору проѣзжать чрезъ деревню Ивана Степановича, по пути изъ Крыма въ С.-Петербургъ, одному знатному барину, нѣкоему г. Юрсулову. Время подходило къ 9 часамъ вечера, когда коляска его, запряженная четвернею почтовыхъ, подъѣзжала къ деревнѣ Рыжикова. Ямщикъ бойко сидѣлъ на козлахъ и, ободряя усталыхъ лошадокъ, приговаривалъ обычное: „эхъ вы, родимыя, копайси“; лакей Юрсулова торчалъ на запяткахъ; самъ онъ дремалъ въ коляскѣ. Подъѣхали къ шлагбауму, отстоявшему, кстати сказать, отъ деревни не болѣе какъ на пятьдесятъ саженей.

— Стой! — раздалось вдругъ предъ носомъ лошадей.

Ямщикъ осадилъ четверку. Крикъ пробудилъ Юрсулова.

— Что тамъ такое? — спросилъ онъ, высунувшись изъ коляски.

— Нельзя ѣхать! — было отвѣтомъ караульнаго при шлагбаумѣ.

— Почему?

— Девять часовъ пробило: пропускать никого не приказано.

— Это что за новость?! Кто не приказалъ?

— Баринъ.

— Какой баринъ?

— Нашъ баринъ, Иванъ Степановичъ Рыжиковъ.

Караульный взялся за веревку, чтобъ спустить шлагбаумъ.

— Пошелъ! — крикнулъ Юрсуловъ ямщику, находя лишнимъ входить въ дальнѣйшіе переговоры съ этимъ буцефаломъ.

Ямщикъ—провелъ по всѣмъ по тремъ: коляска двинулась. Но едва только лошади перескочили черту шлагбаума, какъ караульный со всего размаху—бацъ шлагбаумъ внизъ и тутъ же, на мѣстѣ, положилъ ямщика, и не пикнулъ несчастный, такъ кувыремъ съ козелъ и повалился — мертвый значитъ. Пошла тревога. Выскочили Юрсуловъ и лакей изъ экипажа и, на первыхъ порахъ, не знали, что говорить, за что и приняться: до того случай этотъ поразилъ ихъ; караульный стоялъ тутъ же, какъ дуракъ на пнѣ. Юрсуловъ очнулся первый.

— Что ты, мерзавецъ, надѣлалъ?— сказалъ онъ караульному.

Караульный только промычалъ что-то въ замѣшательствѣ.

— Га—а! Такъ вотъ чѣмъ вы тутъ занимаетесь?.. Чья деревня?

— Ивана Степановича Рыжикова.

— Называется какъ?

— Село Рыжиково.

— А ты кто?

— Крестьянинъ Иванъ Курдюкъ.

— Ну, хорошо. Мнѣ съ вами толковать нечего... Я знаю теперь, что съ тобою, любезный, и бариномъ твоимъ дѣлать.

И, сказавъ это съ сердцемъ, Юрсуловъ съ помощію своего лакея, стащилъ убитаго ямщика въ коляску, самъ сѣлъ съ лакеемъ на козлы и—маршъ въ г. К... прямо къ губернатору.

Пріѣхалъ часовъ въ двѣнадцать ночи. Доложили. При одной фамиліи Юрсулова губернаторъ не заставилъ себя дожидаться, мигомъ одѣлся и вышелъ, хотя уже собирался на покой. Юрсуловъ разсказалъ ему, по порядку, все дѣло. Тужъ минуту наряженъ былъ чиновникъ особыхъ порученій, съ жандармами, для преслѣдованія этого преступленія на мѣстѣ происшествія. Юрсуловъ остался у губернатора.

Я ничего тогда объ этомъ не зналъ, да и гдѣ было знать: деревня Рыжикова отстояла отъ моей квартиры на 15 верстъ,—вдругъ на разсвѣтѣ, опрометью, прискакалъ ко мнѣ изъ стана сотскій. Разбудили меня.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Пожалуйте ваше в—бдіе! Въ селѣ Рыжиковѣ

вчера у какого-то барина шламбаумомъ ямщика убили...

— Такъ и есть! Я такъ и думалъ, что этотъ анафемскій шлагбаумъ чего нибудь да понадѣлаетъ. Ахъ ты подлецъ-разбойникъ Иванъ Степановичъ!..

— Пожалуйте, немедля, ваше в—бдіе, — повторилъ сотскій, тамъ ужъ и чиновникъ губернатора съ лакеемъ и убитаго ямщика привезли обратно на слѣдствіе значитъ...

— Что ты, что ты?!

— Точно такъ.

— Живо! Лошадей!

— Лошади готовы.

— Лети же поскорѣе впередъ. Я сейчасъ буду ..

„Хорошо, думаю себѣ, что я донесеніе объ этомъ проклятомъ шлагбаумѣ, по начальству, послалъ, а то, пожалуй, самъ въ бѣду попался-бъ.“

Чрезъ минуту я уже мчался въ село Рыжиково во весь исправничій карьеръ.

Между тѣмъ до пріѣзда моего туда, въ селѣ этомъ происходило слѣдующее:

Чиновникъ губернатора, торопясь выполнить возложенное на него порученіе, прибылъ въ село съ убитымъ ямщикомъ и лакеемъ Юрсулова предъ разсвѣтомъ, предполагая въ расплохъ накрыть все. Пріѣхали — послали въ тоже время нарочнаго дать о пріѣздѣ своемъ знать въ станъ. Объѣздили, за-

тѣмъ, всю деревню; но шлагбаума нигдѣ не оказывалось. Лакей, взятый для указанія мѣста нахожденія его и разъясненія обстоятельствъ убійства ямщика — совершенно растерялся.

— Гдѣ-жъ, наконецъ, шлагбаумъ?—спросилъ его чиновникъ губернатора.

— По большому тракту былъ, а теперь гум!..

Лакей — замолчалъ.

— Да не ошибаешься ли ты, братецъ мой, та ли это самая деревня, чрезъ которую вы съ бариномъ проѣзжали?..

— Та самая, ваше в — бдіе: вонъ и колодецъ, близь котораго шлагбаумъ находился, я это хорошо примѣтилъ.

— Тфу ты пропасть! Что-жъ это значитъ?..

— И самъ не знаю, ваше в—бдіе...

Чиновникъ губернатора положительно сталъ въ тупикъ.

Въ это время подоспѣлъ я къ нимъ на помощь, а за мною на тройкѣ хромыхъ обывательскихъ прикатилъ и становой. Уже разсвѣло; но въ деревнѣ еще было тихо. Завидя меня чиновникъ губернатора, слѣзъ съ почтовой телѣги; я — тоже сдѣлалъ; сошлись оба; поздоровались.

— Очень радъ васъ видѣть,—проговорилъ онъ. Скажите мнѣ пожалуйста — это ли село Рыжиково?

— Да, оно самое и есть.

— Кому оно принадлежитъ?

— Помѣщику Ивану Степановичу Рыжикову.

— Такъ. Вамъ, вѣроятно извѣстно, что вчера вечеромъ, часовъ въ 9, произошло здѣсь убійство ямщика шлагбаумомъ?

— Да. Сегодня только узналъ, по дальнему разстоянію отъ мѣста происшествія.

— Не въ томъ дѣло. Вы раньше и не могли знать.

Тутъ чиновникъ въ короткихъ словахъ передалъ мнѣ явленіе Юрсулова къ губернатору съ убитымъ ямщикомъ.

— Теперь я присланъ его пр — вомъ, продолжалъ онъ, разслѣдовать это дѣло; но вотъ выѣздилъ всю деревню кругомъ и никакого шлагбаума нигдѣ не нашелъ. Не знаю, что и предполагать...

— А я доложу вамъ просто. Этотъ Рыжиковъ— первѣйшій во всемъ уѣздѣ мошенникъ! Шлагбаумъ дѣйствительно еще вчера въ деревнѣ здѣсь былъ и сутки тому назадъ я принималъ мѣры къ уничтоженію его; но этотъ разбойникъ мало того, что не послушалъ меня, но еще хотѣлъ собаками затравить, а потому я вчера и донесъ объ этомъ его пр—ву. Теперь же, въѣзжая въ село, я самъ шлагбаума не нашелъ: съ одной стороны дороги, гдѣ онъ стоялъ, Рыжиковъ успѣлъ уже вспахать землю, а съ другой—поставить сарай. Неугодно-ли, потрудитесь, поглядите...

— Сдѣлайте милость...

Мы отправились, по моему указанію на то мѣсто, гдѣ былъ шлагбаумъ и нашли все, какъ я го-

ворилъ, только все-таки принадлежностей его не видно было и слѣдовъ — никакихъ.

— Теперь пойдемте, сказалъ чиновникъ губернатора, тревожить хозяина; дѣло серьезное — мѣшкать нечего.

Поставили мы караулъ около телѣги съ убитымъ ямщикомъ, подъ надзоромъ становаго, одного жандарма и сотскаго, чтобъ, пожалуй, Иванъ Степановичъ не выкинулъ и тутъ штуки и отправились въ барскій домъ, взявъ съ собою остальныхъ трехъ жандармовъ. Это было около 6 часовъ утра: народъ уже вездѣ закопошился. Приходимъ. Въ домѣ царствовала мертвая тишина, только собаки, заслыша шумъ и говоръ, подняли страшный лай, пробудившій прислугу. Эта, въ лицѣ одного заспаннаго гайдука, вышла на крыльцо. Увидя насъ — гайдукъ вытаращилъ свои буркалы.

— Разбуди барина, коли онъ спитъ, сказалъ я ему, и доложи, что чиновникъ губернатора и исправникъ пріѣхали, имѣютъ къ нему очень важное дѣло.

— Господъ никого дома нѣту,—отвѣтилъ на это гайдукъ.

— Какъ нѣту?

— Нѣту-съ. Вчера вечеромъ старый, значитъ, баринъ, послѣдній, куда-то уѣхали.

— Куда?

— Не знаю-съ.

— Какъ не знаешь?

— Не знаю: они никогда и никому не сказываютъ куда уѣзжаютъ, даже молодому барину и барышнѣ.

— И молодаго барина нѣтъ дома?

— Никого нѣтъ-съ. Молодой баринъ еще третьяго дня уѣхали, а барышня—съ недѣлю тому назадъ въ гости, значитъ, уѣхали.

— А не знаешь ли скоро старый баринъ обратно будетъ?

— Не знаю.

— Врешь шельмецъ!

— Коли не вѣрите — спросите всю дворню.

— Хорошо. Подай сюда всѣхъ напоказъ!

Гайдукъ живо повернулся и скрылся. Мы усѣлись, тутъ же, на крыльцѣ. Вскорости высыпала къ намъ дворня, человѣкъ двѣнадцать. Давай мы ихъ тормошить. Сняли съ нихъ показанія: всѣ — относительно отсутствія своего барина—одно твердили, что и гайдукъ, только на счетъ шлагбаума добавляли, что онъ дѣйствительно на селѣ у нихъ былъ, но куда онъ дѣвался — коли только дѣвался, потому что еще вчера видѣли его — не знаютъ и кто его снималъ, когда и по чьему приказанію — тоже не вѣдаютъ. Словомъ мы тутъ ничего резоннаго не узнали... Послали за сторонними свидѣтелями, осмотрѣли барскіе покои, которые не были запертыми—никого не нашли,—тѣмъ исторію здѣсь и кончили.

Отсюда пошли на мѣсто, гдѣ шлагбаумъ стоялъ.

Тамъ увидѣли мы караульнаго Курдюка, арестованнаго становымъ, по данному ему прежде сего приказанію, съ помощію сотскаго и нѣкоторыхъ крестьянъ, который на спросъ нашъ, разсказавши предварительную исторію шлагбаума, отозвался, что никакого намѣренія убить ямщика не имѣлъ, а по несчастію и неосторожности это дѣло случилось; но послѣ убійства баринъ Рыжиковъ, узнавъ отъ него объ этомъ, только засмѣялся: „такъ и слѣдуетъ! молодецъ братъ, говоритъ, что вѣрно службу правишь“! Рубль серебромъ на водку далъ; велѣлъ снять шлагбаумъ; землю на одной сторонѣ дороги взборонить, а на другую стащить Кирюхинъ амбаръ, подъ которымъ столбы и теперь находятся; причемъ Курдюкъ показалъ и на лицъ, которыя боронили землю и тащили амбаръ. Призвали и этихъ мужиковъ—они подтвердили слова Курдюка, не ручаясь, впрочемъ, въ умышленномъ или неумышленномъ съ его стороны убійствѣ.

Стащили мы огуломъ амбаръ и нашли подъ нимъ зарытую рыхлою землею яму и перекладины. Составили объ этомъ, разумѣется, подробный актъ. Курдюка подъ арестомъ, вмѣстѣ съ шлагбаумомъ, справадили въ станъ, впредь до разслѣдованія дѣла формальнымъ порядкомъ и поимки Рыжикова, а ямщика тутъ же предали землѣ безъ вскрытія, такъ какъ причина его смерти была очевидна и уже въ сумерки уѣхали каждый по своимъ мѣстамъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого предпи-

сано было особо составленной для сего коммисіи, членомъ которой назначенъ и я, произвести по этому дѣлу строгое слѣдствіе. Загорѣлось дѣло.

Снарядилась и засѣла наша коммисія въ земскомъ судѣ. По случаю моего откомандированія, исправлять мою должность назначенъ становой приставъ 1 стана Карловъ. Въ это время дошло до нашего свѣдѣнія, что Рыжиковъ возвратился уже въ свою деревню. Вотъ мы, передопросивъ арестанта Курдюка и принялись за него. Хорошо. Напишемъ это мы, бывало отношеніе правящему должность исправника Карлову — арестовать немедленно Рыжикова и представить въ коммисію для дачи отвѣтовъ по дѣлу объ убійствѣ ямщика. Напишемъ и пошлемъ. Пошло отношеніе. Но, пока дѣло доходило до Рыжикова, онъ, чортъ его знаетъ какими судьбами, уже зналъ содержаніе нашего отношенія: знать былъ какой нибудь измѣнникъ въ нашемъ отечествѣ,—ну и удиралъ изъ деревни. А не то такія штуки выкидывалъ: жилъ онъ, извольте видѣть, на границѣ двухъ уѣздовъ, только рѣка раздѣляла одинъ уѣздъ отъ другаго. Ну-съ, такъ мы пошлемъ, бывало, такое же какъ и прежде, отношеніе тому же Карлову; Карловъ съ отношеніемъ—къ Рыжикову, а Рыжиковъ возьметъ да и переѣдетъ себѣ на лодочкѣ въ другой уѣздъ; ну Карловъ и не смѣетъ, по закону, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ

соваться и доноситъ, вслѣдствіе сего, коммисіи, что Рыжиковъ изъ его уѣзда выбылъ въ такой-то. Пошла, значитъ, бумага обратно къ намъ. Мы другому исправнику о томъ же пишемъ, а Рыжиковъ оттуда, на лодочкѣ, въ уѣздъ Карлова переѣдетъ; тотъ исправникъ въ свою рядь доноситъ, что Рыжикова на жительствѣ у него въ уѣздѣ нѣтъ, а былъ, да выбылъ въ уѣздъ Карлова. Мы опять Карлову и т. д. Было и то, что писали обоимъ исправникамъ вмѣстѣ— представить Рыжикова въ коммисію, дакъ онъ, совсѣмъ куда нибудь въ другое мѣсто изъ деревни удеретъ. Такъ мучилъ онъ насъ, шельмецъ, мѣсяцевъ шесть. Время шло; бумаги ходили взадъ и впередъ, а толку все было мало. Наконецъ новая проказа его помогла нашему горю.

Въ то самое время, какъ мы вели переписку о поимкѣ Рыжикова, прибѣжавшая, ночью, въ К... къ губернатору дочь его, просила защиты у его пр—ва отъ истязаній отца.

— Бога ради, ваше пр — во, говорила она, въ слезахъ, отрекомендовавшись, какъ начальника губерніи и человѣка, прошу васъ спасите меня отъ тиранства отца!..

Дѣвушка не могла продолжать дальше—залилась слезами...

— Успокойтесь. Садитесь, сдѣлайте одолженіе.

Скажите, что такое съ вами случилось?— говорилъ, въ свою очередь генералъ, усаживая ее на стулъ.

— Совѣстно сказать, ваше пр—во... Вѣрите-ли я изъ конюшни, почти изъ-подъ кнутовъ вырвалась и не пріѣхала, а просто пѣшкомъ прибѣжала...

Дѣвушка — опять залилась слезами.

— Успокойтесь, прошу васъ... Говорите, что было съ вами дальше, что послужило поводомъ?

— Объ этомъ спросите у отца: я объяснить не въ состояніи...

Изъ этихъ словъ губернаторъ понялъ, что тутъ кроется что-то очень нечистое.

— Неужели вашъ батюшка такой варваръ?

— Я не судья отцу; но прошу васъ удостовѣриться въ справедливости словъ моихъ и принять меня подъ свое покровительство, то есть чтобъ отецъ не касался до меня — больше мнѣ ничего не нужно.

— Даю вамъ слово: что отъ меня будетъ зависѣть—все сдѣлаю. Успокойтесь. Прошу покорно со мной!

И, взявъ дѣвушку за руку, генералъ повелъ ее на половину своего семейства. Въ короткихъ словахъ передалъ женѣ ея положеніе и просилъ любить и жаловать. Жена и дѣти приняли дѣвушку съ радостію и участіемъ.

На другой день, чуть свѣтъ, мчался уже чиновникъ особыхъ порученій губернатора въ село Рыжиково къ Ивану Степановичу. Пріѣхалъ, вошелъ—въ передней ни души. Онъ — въ зало и наткнулся на самаго Рыжикова. Этотъ не нашутку всполохнулся, увидѣвъ предъ собою оффиціальное лицо: думалъ, что вотъ цапнутъ, да и увезутъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ, смутившись.

— Рекомендуюсь—чиловникъ особыхъ порученій губернатора, такой-то.

У Рыжикева — забарабанило подъ лѣвымъ бокомъ.

— Очень радъ... Прошу покорно садиться... Чему обязанъ? — проговорилъ онъ не твердымъ голосомъ.

— Я къ вамъ съ порученіемъ отъ его пр—ва.

— Какимъ?—спросилъ Рыжиковъ робко.

— А вотъ извольте прочесть вотъ эту бумагу.

Говоря это, чиновникъ особыхъ порученій вынулъ изъ боковаго кармана своего мундира оффиціальную бумагу и подалъ Рыжикову.

Рыжиковъ взялъ—развернулъ; но по мѣрѣ того какъ онъ ее читалъ, лицо его становилось все яснѣе и яснѣе—робость куда и дѣвалась.

— Да! это правда, что тутъ написано!—сказалъ онъ уже съ форсомъ, кончивъ чтеніе. Я дѣйствительно хотѣлъ ее высѣчь — не отказываюсь и какъ отецъ, имѣлъ на это полное право потому, что она

развратнаго поведенія: я хотѣлъ ее исправить. Такъ и его пр—ву передайте, да и скажите, что не его дѣло вмѣшиваться въ права родителей надъ дѣтьми, на это есть судъ духовный. Вотъ вамъ!

— Мнѣ этого мало. Потрудитесь написать его пр—ву все подробно: это необходимо для обсужденія дѣла.

— Извольте. За этимъ дѣло не станетъ. Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ.

Пошли въ кабинетъ. Тутъ Рыжиковъ присѣлъ и написалъ губернатору письмо, что, молъ, дочь его развратница, что она, съ давнихъ поръ, ведетъ себя скверно и что онъ терпѣлъ, терпѣлъ ея проказы, наконецъ не вытерпѣлъ, да и повелъ на конюшню, по праву отца драть, чтобъ исправить; но она изъ конюшни бѣжала и скрылась, а потому — просилъ выслать ее къ нему въ деревню, поэтапу, и не совѣтовалъ его пр—ву принимать участія въ такой подлянкѣ.

Запечаталъ—отдалъ. Чиновникъ особыхъ порученій, взявъ письмо, отправился обратно, а Рыжиковъ, по отѣздѣ его, занялся поркою прислуги за то, что о появленіи чиновника не дали своевременно ему знать.

Вечеромъ, того же дня губернаторъ, съ видимымъ сожалѣніемъ, попросилъ къ себѣ въ кабинетъ, на аудіенцію, дочь Рыжикова. Та явилась. Усѣлись.

— Вы просили моей защиты и покровительства? — сказалъ онъ ей.

— Да,—отвѣчала робко дѣвушка, предчувствуя вѣроятно развязку дѣла.

— Скажите пожалуйста, что я послѣ этого могу для васъ сдѣлать? Возьмите—прочтите...

И съ этимъ генералъ подалъ дѣвушкѣ письмо отца ея.

Эта взяла, прочитала и—слезы у бѣдняжки градомъ покатились изъ глазъ; письмо выпало изъ рукъ; голова—наклонилась, губернаторъ молчалъ, не желая нарушить этого торжественнаго страданія. Прошло минутъ пять. Дѣвушка пришла въ себя, собралась съ духомъ.

— Знаете что, генералъ?—сказала она съ глубокимъ вздохомъ. Послѣ этого письма, хоть и тяжело мнѣ, но я вынужденною нахожусь высказать вамъ то, что узнала бы, можетъ быть, одна только моя могила.

— Я слушаю васъ и—жалѣю. Продолжайте.

— Слушайте-жъ. Я въ короткихъ словахъ разскажу вамъ все. Оставшись послѣ смерти матери пятилѣтнею сиротою, я была пріючена родною своею теткою, жившею въ 13 верстахъ отъ имѣнія отца моего и до семилѣтняго возраста находилась у нея. Отецъ не заботился и не думалъ обо мнѣ. На восьмомъ году тетка отвезла меня въ Москву и помѣстила въ одинъ изъ лучшихъ тамошнихъ институтовъ на свой счетъ. Я жила, росла и училась. Тетка меня, по возможности, навѣщала. Наконецъ

я кончила курсъ и пріѣхала къ теткѣ, намѣреваясь навсегда поселиться у ней, потому что отца своего я почти не знала; но къ несчастію моему, недѣли чрезъ двѣ послѣ моего пріѣзда, тетка заболѣла и вскорости скончалась. Пріѣхалъ мой отецъ и тутъ-то онъ узналъ, что я—его маленькая Софи и есть. Обрадовался. Тетку похоронили. Имѣніе ея взяли въ опеку. Я переѣхала къ отцу. Прошла недѣля—другая жизни моей у него, я ничего не замѣчала: всѣ ласки и поцалуи, которыми онъ меня часто надѣлялъ, принимала въ чувство родительской любви, а между нѣмъ, послѣдствія показали, что тутъ были другіе виды. Она передала губернатору въ немногихъ словахъ всю свою жизнь въ домѣ отца, допущенное имъ насиліе, съ истязаніемъ и заключила, какъ она изъ конюшни успѣла скрыться, перескочивъ чрезъ плетень въ сосѣдній садъ, а оттуда то рвами, то огородами выбралась на большую дорогу и — теперь у него.

— Ахъ, ты, Господи, что дѣлается! — проговорилъ губернаторъ, выслушавъ разсказъ. Теперь, сударыня, вы смѣло можете надѣяться, что находитесь подъ личнымъ моимъ покровительствомъ.

— Благодарю васъ душевно, генералъ!

— Но только скажите мнѣ: не можете ли вы припомнить, въ какое именно время было первое преслѣдованіе васъ отцомъ? Это мнѣ необходимо для нѣкоторыхъ соображеній.

— Мѣсяца и числа не припомню; но помню, что

исторія эта была весною: послѣ того вскорости у насъ, въ деревнѣ, ямщика шлагбаумомъ убили.

— Ахъ! Да! да! Я и... Помню, помню это дѣло!.. Ну-съ, теперь я васъ не удерживаю. Можете идти къ моимъ пѣть, играть, веселиться, въ надеждѣ на все хорошее,—добавилъ губернаторъ, только о томъ, что здѣсь, между нами, говорено было — никому ни слова.

Дѣвушка еще съ чувствомъ поблагодарила его и — вышла изъ кабинета.

Оставшись одинъ, начальникъ губерніи призвалъ правителя своихъ дѣлъ и велѣлъ справиться и донести ему, въ какомъ положеніи находится дѣло объ убійствѣ ямщика, а также написать нашей коммисіи предписаніе, произвести строжайшее слѣдствіе о поступкахъ Рыжикова съ дочерью, согласно показанію ея, а самаго его немедленно арестовать.

Но, когда на другой день, я, вслѣдствіе требованія губернаторской канцеляріи, явился къ его пр—ву и доложилъ, что дѣло о ямщикѣ длится собственно за укрывательствомъ Рыжикова: что онъ то на лодочкѣ ѣздитъ, то изъ деревни совсѣмъ бѣгаетъ; то меня тутъ же, какъ исправника того уѣзда, гдѣ имѣніе Рыжикова находится и члена надъ нимъ коммисіи,—снарядили въ командировку. Снабдили открытымъ предписаніемъ, дали въ помощь шесть

жандармовъ и велѣли во чтобы-то ни-стало захватить его и представить въ судъ.

— Доколѣ, наконецъ, человѣкъ этотъ будетъ дѣлать зло безнаказанно! — говорилъ губернаторъ, отпуская меня.

„Постой же, шельмецъ, думалъ я, идя въ канцелярію за разъѣздными деньгами, теперь ты отъ меня не уйдешь! Я тебя — доканаю теперь".

Вскорости деньги были выданы; тройка — подана; жандармы — готовы и я — покатилъ.

Пріѣзжаю въ село Рыжиково — спрашиваю:

— Баринъ дома?

— Нѣту, — говорятъ.

— Врете подлецы! Одна шайка! Жандармы! Занять всѣ выходы и входы и никого не выпускать!

Жандармы исполнили приказаніе.

— Гдѣ-жъ онъ? — продолжалъ я допросъ.

— Уѣхалъ.

— Когда?

— Съ полчаса тому назадъ.

— Куда?

— Не знаемъ.

— Говорите, шельмецы, не то всѣхъ перепорю!

— Ей-богу, ваше в — бдіе не знаемъ... Развѣ они намъ сказываютъ, куда ѣдутъ?

— Ваше в—бдіе!—вызвался тутъ одинъ мужикъ. Погодите маленечко: баринъ, уѣзжая, забылъ — извольте видѣть — шубу, такъ, въ догонку, съ нею

поскакалъ верьховой; скоро долженъ быть — вотъ онъ, можетъ, и скажетъ куда баринъ уѣхалъ, по крайности по какому трахту...

Дѣйствительно, не успѣлъ еще мужикъ докончить своей фразы, какъ за воротами показался верьховой. Я—сейчасъ его подъ допросъ.

— Куда баринъ уѣхалъ?

— Взапрямъ—не знаю, а, надо-быть въ П—скую губернію: тутъ одинъ трактъ.

— Да, не врешь-ли?.. Смотри у меня... худо будетъ!..

— Лопни моя утроба! Животы мои выворoти!— божился мужикъ.

— Ну, ладно. Жандармы — маршъ!

Мигомъ сѣли и поскакали во весь карьеръ дальше. На первой же станціи напали на слѣдъ. Цѣлыя сутки гнались за шельмецомъ; наконецъ, не доѣзжая четырехъ верстъ до границы П—ской губерніи, нагнали его. Аттаковали. Я показалъ ему предписаніе губернатора: баринъ нашъ растерялся; туда-сюда бросился, просить началъ дозволить ему хоть до постоялаго двора добраться. А постоялый, нужно вамъ сказать, стоялъ уже за границей нашей губерніи въ полуверстѣ.

„Врешь, любезный!—думаю себѣ. Я, вѣдь, старый воробей, меня на мякинѣ не надуешь“.

— Нѣтъ, Иванъ Степановичъ, говорю я, тутъ не рѣчка и не лодочка, а твердый материкъ! Знаю я: пусти васъ за черту губерніи, такъ вы оттуда,

пожалуй, намъ кукишъ покажете, мое предписаніе не будетъ имѣть въ другой губерніи силы, а можетъ у васъ и другое что на умѣ есть. Лучше велите-ка своему кучеру поворачивать назадъ, тѣмъ болѣе, что вы — арестантъ.

— Увѣряю васъ, у меня никакихъ замысловъ нѣтъ, а для васъ — это ничего не стоитъ.

— Не могу и не смѣю. Кучеръ—поворачивай!

Кучеръ—поворотилъ оглобли.

— Послушайте!—сказалъ Рыжиковъ, видя мою настойчивость. Вѣдь четыре тысячи деньги?

— Знаю.

— Такъ возьмите ихъ, но только позвольте мнѣ доѣхать до постоялаго.

— И восьми не возьму! Это предложеніе и доказываетъ, что вы хотите улизнуть, иначе для чего-бы вы его дѣлали? Очень дорого за четыре версты...

— Допустимъ и это... Но для васъ, вѣдь, выгоднѣе будетъ отпустить меня, нежели задержать: казна вамъ за мой арестъ такого куша не предложитъ.

— Я этого и не ищу, а исполняю долгъ службы... Впрочемъ вы напрасно ведете эти переговоры. Прошу васъ выйти изъ экипажа: мнѣ нужно его осмотрѣть, нѣтъ ли съ вами какихъ либо вещей и документовъ, относящихся къ дѣлу, по которому я командированъ.

— Это зачѣмъ?

— Я вамъ сказалъ уже зачѣмъ. А за дѣйствія свои — отвѣчаю.

Рыжиковъ — поблѣднѣлъ. Видите ли рядомъ съ нимъ въ экипажѣ видна была его огромная, окованная желѣзомъ, шкатулка, въ которой хранились всѣ его секреты.

— По крайней мѣрѣ хоть шкатулки моей не опечатывайте, — сказалъ онъ, выходя изъ экипажа: тамъ есть нужныя для меня, въ дорогѣ, вещи.

— Не могу этого сдѣлать; да и — согласитесь сами — оно лучше и для васъ: сохраннѣе все будетъ.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, хоть этого не дѣлайте

— Повторяю, напрасно меня просите.

И, говоря это, я принялся опечатывать шкатулку. Рыжиковъ весь затрясся: въ шкатулкѣ-то этой и заключалась его погибель.

— Возьмите себѣ отъ нея ключъ, только не опечатывайте,—сказалъ онъ.

— Ключъ — возьму, а все-таки опечатаю.

— Двѣ тысячи благодарности!

— И двухсотъ не возьму. Попусту хлопочете.

— Вы — просто неумолимы!

— Всему есть границы, Иванъ Степановичъ.

Шкатулка была опечатана. Рыжиковъ—опустилъ руки.

Вслѣдъ засимъ — мы повернули въ обратную. День и ночь я не спалъ — все караулилъ своего

арестанта, чтобы онъ, какъ нибудь, не далъ тягу. По дорогѣ заѣхали къ нему въ деревню, опечатали его имущество и — маршъ въ К... Пріѣхали. Сдалъ я его по начальству, донесъ губернатору. Засадили голубчика.

Когда по околодку узнали, что Рыжиковъ въ тюрьмѣ — жалоба за жалобой такъ и посыпались. Закидали коммисію просьбами. Явилось много обиженныхъ. Явилось много изувѣченныхъ. Явилось много ограбленныхъ и опозоренныхъ, которые прежде боялись, было, подъ страхомъ мести, жаловаться на него. Всѣ стали лицомъ къ лицу съ Рыжиковымъ. Въ шкатулкѣ у него между бумагами нашли вскрытый денежный конвертъ, на имя одного господина, въ двѣ тысячи рублей, который, какъ по наведенной въ почтовомъ вѣдомствѣ справкѣ оказалось, находился въ числѣ корреспонденціи разграбленной когда-то почты и много другихъ вещей. Усилили составъ коммисіи на три отдѣленія. Пошли спросы и допросы. Рыжиковъ сначала отъ преступленій своихъ и отъ соучастія въ нихъ отпирался. По дѣлу объ убійствѣ ямщика онъ сваливалъ все на караульнаго Курдюка, сознаваясь только въ томъ, что онъ дѣйствительно устроилъ въ своей деревнѣ шлагбаумъ, но приказаній, какъ распоряжаться имъ—никакихъ ему не давалъ. По дѣлу дочери—положительно отъ взводимыхъ на него обвиненій отрекся. По всѣмъ прочимъ, открывшимся

при слѣдствіи дѣламъ, сдѣлалъ тоже самое. Но потомъ, когда мы принялись за него общими силами—спутался, чего намъ только и нужно было, чтобъ довести его до убѣжденія, что онъ запирается напрасно. Вотъ какую мы подставили ему ловушку. Допрашивали мы его обыкновенно такъ: каждый день приводили его на допросы къ шести производителямъ, у которыхъ, у каждаго, было по особому дѣлу Рыжикова. Производители допрашивали: тотъ—по своему, тотъ — по своему, а тотъ—по своему. На другой день они дѣлами смѣнялись и Рыжиковъ по одному и тому же дѣлу долженъ былъ давать вторичное показаніе уже другому производителю, а чрезъ нѣсколько дней—третьему и т. д. Оно и вышло, что если не у одного, такъ у другаго, или третьяго производителя онъ въ показаніяхъ своихъ сбивался, или противурѣчилъ совсѣмъ, тѣмъ болѣе, что у него отняты были всѣ средства записывать показанія свои для себя, а дѣлъ было множество. Такимъ-то образомъ какъ просмыкали мы его на допросахъ и очныхъ ставкахъ года полтора, онъ видитъ—бѣды не миновать, такъ, чтобъ скорѣе кончить исторію,—возьми, да и сознайся въ своихъ прегрѣшеніяхъ. На очной ставкѣ съ дочерью, просилъ даже, въ присутствіи коммисіи, у нея прощенія; та, конечно, простила и просила не судить за нее отца. Но дѣло было не одно и—законъ неумолимъ. Курдюка еще прежде сего освободили изъ-подъ стражи на поруки, какъ неумышленнаго убійцу, подлежащаго лишь цер-

ковному покаянію, а дѣло закончили производствомъ слѣдствія и представили на рѣшеніе судебнаго мѣста.

Прошло послѣ этого два года. Рыжиковъ все сидѣлъ. Дѣло въ это время разсматривалось, рѣшалось, переносилось изъ инстанціи въ инстанцію и—наконецъ рѣшилось. Курдюка приговорили къ заключенію въ монастырѣ за неумышленное убійство, а Рыжикова, за всѣ содѣянныя имъ преступленія — сказано было въ рѣшеніи — лишивъ всѣхъ правъ состоянія, чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ и, затѣмъ, поселить навсегда въ Сибири.

Но не пришлось только ему видѣть ее. Слѣдуя вскорости, послѣ объявленія ему рѣшенія, къ мѣсту своего назначенія, Рыжиковъ не выдержалъ и, не доходя Казани, въ одной татарской деревушкѣ и умеръ.

Дочь Рыжикова, получивъ слѣдующую ей часть отцовскаго имѣнія и, по вскрытому уже впослѣдствіи духовному завѣщанію тетки двадцать тысячъ чистоганомъ,—нашла себѣ достойную партію, вышла за-мужъ и живетъ себѣ, можетъ быть и теперь, припѣваючи: о прошломъ и помину нѣтъ.

А сынишко Рыжикова, Богъ его знаетъ, взболтался, пролатрыжничалъ все свое состояніе и, кажись, чуть-ли не пустился промышленникомъ по карманной части.

„Не все бываетъ, значитъ, сударь вы мой, коту масляница — бываетъ и великій постъ“.

2.

УРОКЪ ДЛЯ МНОГИХЪ.

Ну-съ... А то много лѣтъ тому назадъ, служилъ я, исправникомъ въ С — скомъ уѣздѣ, В — ской губерніи, гдѣ, вмѣстѣ со мною, состоялъ также на службѣ въ тамошнемъ земскомъ судѣ, засѣдателемъ отъ дворянства, въ чинѣ губернскаго секретаря, нѣкто Петръ Савичъ Колтузинъ—человѣкъ молодой, изъ себя видный, шестьсотъ родовыхъ, чистыхъ, незаложенныхъ душъ имѣлъ, да и чистоганомъ, въ опекунскомъ совѣтѣ, тысяченокъ двадцать, чего же больше?.. Прослужилъ онъ въ нашемъ судѣ одно трехлѣтіе, да и задумалъ попытать счастія въ Питерѣ. Человѣкъ богатый—что ему? Это не то, что нашему брату, бѣдняку, собираться въ дорогу, а онъ себѣ взялъ, сѣлъ, да и уѣхалъ...

Прошелъ послѣ этого годъ, другой и третій, о Савичѣ нашемъ ни слуху, ни духу, словно умеръ человѣкъ да и только. Между тѣмъ, въ то время, и мои домашнія обстоятельства тянули меня въ Питеръ. Въ тамошней, видите-ли, гражданской палатѣ

производилось дѣло о раздѣлѣ имѣнія, оставшагося послѣ смерти одного богатаго нашего родственника; такъ хотѣлось, знаете, самому дѣло повести. Ну-съ, такъ я, не долго думая, взялъ отпускъ, свалилъ въ телѣгу свой хламъ, какой тамъ былъ, самъ—на хламъ, да и—маршъ въ Питеръ.

Пріѣхалъ — остановился въ Ямской. На другой день въ гражданскую палату сходилъ; кое-что разузналъ и бреду себѣ обратно въ Ямскую. Только вышелъ на площадь, что у Синяго моста, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, какъ снѣгъ на голову—Петръ Савичъ—прямо на меня; выпучилъ глаза, я—тоже; узнали другъ друга, поздоровались, какъ водится, по пріятельски; онъ меня давай спрашивать: „какими, молъ, судьбами и зачѣмъ?“ Я его въ свою очередь: „какъ живешь, говорю, можешь, гдѣ послуживаешь?“

— Слава Богу, живу себѣ, говоритъ служу въ N министерствѣ и уже, братъ, женился.

— Доброе дѣло, говорю, дай Богъ счастья!

Словомъ наши тары-бары, на первый разъ, кончились тѣмъ, что Савичъ тутъ же завербовалъ меня къ себѣ обѣдать, а время шло уже къ тому: часа четыре было и червячекъ таки больно пошевеливалъ мою утробу. Жилъ онъ на Вознесенскомъ, недалеко отъ площади,—стало—мигомъ докатили.

Приходимъ. Оглянулся я туда-сюда, ничего: Савичъ мой живетъ, дай Богъ всякому такъ: вездѣ ковры, люстры да зеркала, баринъ-бариномъ живетъ,

Вскорости вышла и хозяйка его. Гляжу — бабенка лѣтъ восемнадцати, бѣленькая такая, пухленькая, розовенькая, ароматомъ такъ отъ нея и несло. Раскланялись мы. Петръ Савичъ отрекомендовалъ меня, что, молъ, я его другъ и пріятель старинный... исправникъ того уѣзда, гдѣ его имѣніе находится; бабенку свою тоже, что, молъ, это его дрожайшая половина, Христиною Ивановною называется. Ну и ничего—ладно. „Очень пріятно, очень пріятно“,— говоримъ мы оба и—еще разъ раскланялись: она— по своему, а я — по своему; перекинулись, затѣмъ, словомъ-другимъ и хозяйка попросила насъ въ столовую. Сѣли за столъ — отобѣдали. За обѣдомъ я порядочную муху урѣзалъ; но, однако, сошло: не первый разъ — дѣло было по натурѣ. Послѣ обѣда мы съ Петромъ Савичемъ вошли къ нему въ кабинетъ, выкурили по сигаркѣ, какой у насъ и въ цѣлой губерніи не найдешь; покалякали о семъ о томъ; напился я у нихъ кофею, простился и отправился во свояси, обѣщаясь Петру Савичу навѣщать его какъ только можно будетъ.

Спустя нѣсколько времени — завернулъ я опять къ Петру Савичу, потомъ—опять, ихъ къ себѣ пригласилъ, они не отказались; были у меня разъ, два, три—такъ, значитъ, между нами пріятельство и завелось... Вскорости дѣло мое въ гражданской палатѣ поспѣло: нужно, стало-быть, было ѣхать въ уѣздъ, гдѣ находилось имѣніе покойнаго родича, дѣлать

полюбовное размежеваніе. Простился я съ Петромъ Савичемъ и супружницею его, сѣлъ и уѣхалъ.

Въ уѣздѣ таки мѣсяца съ четыре пришлось мнѣ похороводиться. Съѣхались, это, наслѣдники-родственники на полюбовное размежеваніе, да такое межеваніе задали, что чуть было уѣзднаго землемѣра каменіемъ не побили, чуть до драки не дошло; былъ тутъ юноша въ отставкѣ — тоже наслѣдникъ, такъ онъ такія штуки выкидывалъ, предъ другими наслѣдниками, что—просто срамъ сказать, до того ужь безобразничалъ, до того срамился, что принуждены были стащить его мѣрами полиціи и запереть въ избу какъ свинью, прости Господи. какую. Однако кое-какъ мѣстный исправникъ уладилъ дѣло, урезонилъ всѣхъ. Помирились. Кончили межеваніе и, по порядку, отправились всѣ гурьбой къ сосѣду наслѣднику межеваніе запить. Кончили тутъ исторію. Я вижу—дѣлать здѣсь мнѣ больше нечего, собрался и отправился обратно въ Питеръ.

Первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ, было—навѣстить Петра Савича. Спрашиваю прислугу: „кто былъ у меня въ мое отсутствіе?“

— Никого не было,—говоритъ мнѣ Семенъ, человѣкъ мой, а только Петръ Савичъ раза два какъ-то заходили да спрашивали — не пріѣзжали-ль вы,

а затѣмъ лакей ихній Федоръ, раза три приходилъ, да просилъ васъ къ своему барину.

— А давно Федоръ приходилъ?

— Да, послѣдній разъ—третьево дня... Сказывалъ, когда пріѣдете, такъ чтобъ безпримѣнно пришли: больно очинно нужно, говоритъ.

— Ладно.

Съ дороги пообѣдавши и всхрапнувши знатно, я, вечеромъ, отправился къ Петру Савичу.

Прихожу—Савичъ дома. Сидитъ себѣ въ кабинетѣ, пригорюнившись и половины того нѣтъ, чѣмъ былъ прежде: весь блѣдный такой, разстроенный, самъ на себя непохожъ; не слыхалъ даже, какъ я и вошелъ къ нему.

— Наше почтеніе пану хозяину!—заговорилъ я.

Савичъ быстро поднялъ голову, какъ бы очнувшись отъ тяжкаго сна.

— А-а!.. Здравствуй, Кузьма Фомичъ, здравствуй!—отозвался онъ, наконецъ-то тебя принесло!..

— Здорово, Савичъ, здорово!—говорю. Что съ тобой? Хвораешь что ли?..

— Не хвораю, а хуже того,—отвѣтилъ Савичъ и тяжко—протяжно вздохнулъ.

— Чтожъ такое случилось?

— Да бѣда, братецъ мой, и при томъ такая, что и поправить трудно.

— Чтожъ именно?

— А то, что жена сбѣжала...

— Ну, эта бѣда еще не велика: сбѣжала, такъ

опять прибѣжитъ, поершились, знать, одинъ противъ другаго...

— Нѣтъ не то... не то... сбѣжала — совсѣмъ и самъ не знаю куда.

— Что ты, что ты?!

— Хочешь вѣрь, хочешь — нѣтъ, а я говорю правду?

— Да кудажъ и какъ?

— Я ужь тебѣ сказалъ, что — не знаю; знаю только, что сбѣжала съ однимъ молодцомъ.

— Немо-о-жетъ быть!

— Да... къ несчастію—это вѣрно...

— Какимъ же манеромъ? Да не шутишь ли ты?

— Чего мнѣ шутить?.. А коли не вѣришь, такъ садись и слушай—я тебѣ все, по порядку разскажу.

И, сказавъ это, Савичъ—опустился въ кресло и задумался. Я тоже сѣлъ. Послѣ двухъ-трехъ минутъ Савичъ продолжалъ:

— Женился я на ней, какъ тебѣ уже извѣстно, только съ годъ тому назадъ. По любви ли она за меня выходила, или нѣтъ—это ея секретъ; но, по крайней мѣрѣ, показывала видъ, что меня любитъ. Взялъ я ее круглою сиротою, что называется, въ одной сорочкѣ: все ея достояніе заключалось въ честномъ имени и прекрасномъ образованіи, которое покойные родители успѣли, за жизни, дать ей. Послѣ сватьбы мы, нѣсколько времени, жили мирно, безмятежно; я ничего не думалъ, ничего не подозрѣвалъ; самъ видишь и знаешь—окружилъ ее всѣмъ, чего

только душа ея желала, жертвовалъ положительно и собою и своимъ состояніемъ,—словомъ любилъ... лелѣялъ... И чтожъ? Не прошло и полгода послѣ этого, какъ сталъ я замѣчать, что жена моя начала дѣлать частыя отлучки безъ меня, чего прежде не случалось: то по магазинамъ, то по тѣатрамъ и все норовила въ такое время, когда я или службой былъ занятъ, или чѣмъ либо, обязательнымъ для меня, другимъ,—слѣдовательно не имѣлъ возможности ѣхать съ нею вмѣстѣ. Сначала я ничего въ этомъ худаго не видѣлъ: „мало ли чего, думаю себѣ, бабѣ захочется"; но къ счастію, или несчастію—не знаю какъ и сказать—одинъ случай открылъ мнѣ глаза. Это было въ понедѣльникъ на масляной недѣлѣ. Вышелъ я изъ должности раньше обыкновеннаго, такъ часа въ два; обѣдать было еще рано, такъ я и думаю: „дай пройдусь, маленько погуляю"; повернулъ въ Морскую; вышелъ на Невскій. Только что дошелъ до Полицейскаго моста, какъ вдругъ гляжу, откуда ни возьмись, на встрѣчу мнѣ, какъ звѣрь, несется сѣрый жеребецъ... сани... въ саняхъ—молодой человѣкъ, а рядышкомъ съ нимъ... кто бы ты думалъ?..

— Гм!..

— Жена моя!

— Будто бы?!—невольно проговорилъ я.

— Вѣрно! Слушай дальше. Сани промчались... Какъ громомъ это меня поразило; въ жилахъ кровь застыла. Однако оправился кое-какъ и, какъ потерянный, побрелъ нога за ногою домой. Прихожу—спрашиваю прислугу: „барыня дома?" „Дома",—го-

ворятъ. „Гдѣ она?“ „У сосѣдки, говорятъ, полковницы, что на верху живетъ“. Ладно. Поднялся я къ сосѣдкѣ: знаю, что жена у ней бывала, да и она къ намъ похаживала. Прихожу—дверь отперта и въ передней—никого. Я—въ зало. Вхожу, гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю: жена моя сидитъ на диванѣ съ молодымъ человѣкомъ и цалуются... Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ. Точно сумашедшій бросился, было, на соблазнителя; но тотъ успѣлъ скрыться, чрезъ гостиную, заднимъ ходомъ; туда же убѣжала и жена... Что дальше было и какъ я очутился въ своей квартирѣ—совершенно не помню. Всю ночь, какъ послѣ мнѣ сказывали, въ бреду лежалъ. На другой день съ трудомъ поднялся. Спрашиваю жену—говорятъ: „нѣтъ“. „Гдѣ-жъ она?“ „Они и дома, говорятъ, не ночевали; вчерась только на полчаса заходили, когда вы спали“. Этого только, къ моему горю, недоставало!.. Побродилъ, побродилъ я по комнатамъ какъ шальной; тоска взяла невыносимая, хожу, осматриваю и самъ не знаю, что и для чего; заглянулъ въ гардеробъ жены — ничего нѣтъ, весь забранъ; поглядѣлъ въ коммоды и бюро—тоже ничего нѣтъ: всѣ дорогія вещи какъ то браслеты, кольца, бриллiанты и прочее — все взято; въ бюро не нашелъ двухъ ломбардныхъ билетовъ въ 15 тысячь; только на письменномъ столѣ у нея, въ кабинетѣ, нашелъ письмо, вотъ оно—на читай!..

Петръ Савичъ, говоря это, вынулъ изъ ящика письмо и подалъ мнѣ.

Взялъ я—читаю: „Милостивый государь, написано тамъ, вчерашній вашъ поступокъ съ человѣкомъ, котораго я—извините за откровенность—отъ души люблю и уважаю, заставилъ меня навсегда оставить васъ. Я съ нимъ, на дняхъ, уѣзжаю изъ Петербурга. Не ищите и не преслѣдуйте меня—будетъ напрасно. Желаю вамъ всего лучшаго. Прощайте“. Подписано „Христина“.

— Ну, такъ и ты плюнь на нее!—говорю Савичу, отдавая письмо. Погоди, братъ, порыщетъ, порыщетъ съ молодчикомъ, да такою же и будетъ: повѣрь мнѣ—хвостъ назадъ повернетъ.

— Тогда ужъ поздно будетъ, да и она мнѣ не понадобится,—проговорилъ какъ то грустно Савичъ.

— Чего не понадобится? Ничего, братъ, поживешь. И моя, прежде, дрожайшая половина вздумала, было, въ молодые годы, хвостомъ вилять, да еще какъ надула. Когда нибудь разскажу, но потомъ какъ шелковая стала. Такъ и ваше дѣло—можетъ—обмелется.

— Нѣтъ, наше—врядъ ли,—сказалъ Савичъ.

— Ну, такъ Богъ съ нею. Забудь ее.

— Легко сказать...

— Пустяки, братъ! Развлечься можешь: балы... театры... не малодушествуй...

— Самъ же ты говорилъ, что сердце не камень. А кромѣ этого—позоръ одинъ чего стоитъ?..

—Такъ... такъ... Но—побереги себя: авось перемелется—мука будетъ.

Савичъ не отвѣчалъ на это, но только глубоко вздохнулъ. Жаль мнѣ его стало. Чуть не заполночь утѣшалъ я его всякимъ манеромъ, какъ только умѣлъ. Савичъ, казалось, маленько пріободрился эдакъ и усмѣхнулся даже. Наконецъ пробило половина перваго и я—оставилъ его.

Дня черезъ два послѣ этого, я только что, вечеркомъ, думалъ, было, идти въ Савичу,—какъ доложили мнѣ, что пришелъ Федоръ — человѣкъ его.

— Зачѣмъ?

— Не знаемъ, говорятъ, къ вашей милости.

— Такъ позвать сюда!

Чрезъ минуту явился Федоръ.

— Что скажешь?—спрашиваю.

— Баринъ приказали долго жить, — отвѣтилъ Федоръ.

— Что-о?!

— Долго жить приказали: часъ тому назадъ застрѣлились.

У меня—дыбомъ волосъ сталъ.

— Господи твоя воля!... Царство небесное!.. невольно проговорилъ я, крестясь. Какъ же это такъ?..

— Не знаемъ-съ батюшка, Кузьма Фомичъ: никого изъ насъ въ ту пору въ комнатахъ не было... Теперь Прошка побѣжалъ дать знать полиціи, а я вотъ къ вашей милости пришелъ. Пожалуйте, сдѣ-

лайте милость, Кузьма Фомичъ къ намъ: ума не приложимъ, что таперь и дѣлать.

— Хорошо. Ступай. Сейчасъ буду.

Федоръ—ушелъ. Я, мигомъ, по уходѣ его, одѣлся и отправился къ Савичу.

— Гдѣ онъ?—спрашиваю Федора по приходѣ.

— Тамъ... въ кабинетѣ,—говоритъ.

Вошелъ я въ кабинетъ. Тамъ на кушеткѣ увидѣлъ я Савича, лежавшаго лицомъ вверхъ, съ простреленною грудью прямо въ сердце, уже охладѣвшаго; лицо его выражало какъ будто онъ надъ чѣмъ подсмѣивался; въ одной рукѣ держалъ онъ, закостенѣвшими пальцами, пистолетъ, а въ другой—какую-то бумажку. Невольно сотворилъ я крестное знаменіе и наклонился къ Савичу.

— Угомонился — таки, не послушалъ... не выдержалъ... Эхъ, Савичъ, Савичъ!...

Но что дѣлать? Знать такъ было ему на роду написано.

Не считая себя вправѣ дѣлать какое-либо распоряженіе до прихода полиціи,—я однако, изъ любопытства, вынулъ изъ рукъ его бумажку. То была предсмертная его записка, въ которой онъ прощалъ все своей Христинѣ, дѣлалъ ее наслѣдницею всего своего состоянія и никого, кромѣ себя, въ смерти своей не винилъ.

Пришла, за симъ, полиція. Описала, опечатала все, что только въ квартирѣ Савича было и, по просьбѣ моей, предоставила мнѣ распорядиться похоро-

нами его, выдавъ на этотъ предметъ изъ капитала Савича 200 рублей. И похоронилъ я Савича на Голодаѣ.

Хорошо. Прошло, послѣ этого, лѣтъ пять. Я оставилъ службу въ провинціи и перебрался въ Петербургъ: занялъ должность становаго пристава въ одномъ изъ лучшихъ становъ уѣзда С.-Петербургской губерніи. Хоть и не нуждался я въ службѣ, особенно послѣ полученія наслѣдства; но все-таки какъ-то не ловко, скучно было мнѣ безъ нея: знаете, по пословицѣ „привыкла собака за возомъ бѣгать, такъ и за санями побѣжитъ“,—такъ и со мною случилось. Дѣло свое—могу сказать—исправлялъ добросовѣстно.

Только одинъ разъ, сударь вы мой, сижу я себѣ дома, лѣтомъ у окна, на диванчикѣ, попиваю чаекъ да трубочку покуриваю; время было вечернее—часовъ шесть,—какъ вдругъ гляжу—входитъ ко мнѣ сотскій.

— Что скажешь?—говорю ему.

— Оказея, ваше в-бдіе.

— Какая оказія?

— Убимство, говоритъ.

— Что-о?!

— Убимство.

— Гдѣ?

— На дачѣ Лоскина.

— Кого убили?

— Бабу какую-то.

— Тфу, ты провалъ васъ возьми!

— Ктожъ убилъ?

— А Богъ его знаетъ. Сказываютъпріѣзжій, что ѣздилъ значитъ къ ней.

— А баба-то кто?

— Барыня какая-то. На дачу изъ Питера жить переѣхала.

— Ну, лети сейчасъ же къ уѣздному врачу и судебному слѣдователю — дай имъ объ этомъ знать. Скажи, чтобъ немедленно пожаловали въ станъ.

Сотскій—поскакалъ, а я принялся снаряжаться. Врачъ и слѣдователь не замедлили явиться, и мы гурьбой отправились на мѣсто происшествія. Приходимъ. Въ передней комнатѣ встрѣтили мы молодаго человѣка, тревожно шагавшаго по комнатѣ, а у дверей второй, на диванѣ, увидѣли мертвую женщину... Чуть взглянулъ я на бабу—дрожь по кожѣ такъ меня и подрала: она, какъ есть она—жена Савича.... Однако я скрѣпился, чтобъ не показать никакого виду.

— Рекомендуюсь—становой приставъ здѣшняго уѣзда!—сказалъ я господину.

— Очень радъ. Прошу покорно, — отвѣтилъ онъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?—обратился я вновь къ нему.

— Въ отставкѣ дворянинъ Браиловъ.

„Э, такъ это ты, голубчикъ и есть“, — подумалъ я.

— Вы постоянно здѣсь и живете?

— Нѣтъ. Я только пріѣзжаю. Квартира принадлежитъ вотъ этой несчастной, моей двоюродной сестрѣ.

И Браиловъ показалъ на покойницу.

„Какъ же... двоюродной“?—„Толкуй кто откуль“—опять подумалъ я.

— А кто она?—позвольте спросить.

— Она?... Вдова коллежскаго секретаря Колтузина.

— А имя какъ?

— Христина.

— Такъ. Позвольте мнѣ ея паспортъ.

— Не знаю, право, гдѣ онъ. А, кажись, въ коммодѣ.

Браиловъ полѣзъ въ коммодъ и вынулъ оттуда паспортъ. Разглядѣлъ я его: такъ она, я не ошибся,—она, моя голубушка и засвидѣтельствованіе на паспортѣ имѣется, что мужъ ея на Голодаѣ погребенъ.

— Ну-съ, хорошо,—говорю Браилову скрывая отъ него, по прежнему, всѣ обстоятельства. Не знаете-ли вы, какъ родственникъ, кто убилъ ее, или не имѣете-ли на кого-либо подозрѣнія?

— Ни на кого рѣшительно, потому что я виновникъ ея смерти.

— Какъ?! Вы?!

— Да. Я убилъ ее...

Сказавъ это, Браиловъ упалъ въ кресло и за-

крылъ платкомъ глаза, показывая видъ, что будто плачетъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Чтожъ васъ къ этому понудило? — спросилъ я его, собираясь въ тоже время объявить ему, что онъ ниходится подъ арестомъ.

— Ничто не понуждало. Одно несчастіе и—больше ничего.

— Потрудитесь объясниться.

— Нечаянность... Это можетъ засвидѣтельствовать вся прислуга, которая здѣсь находится.

— Какимъ-же образомъ;—скажите пожалуста?

— Прошу покорно садиться, я вамъ все разскажу.

Мы сѣли. Браиловъ продолжалъ:

— Пріѣхалъ я сегодня навѣстить ее часовъ въ 11 утра; покойница была уже вставши, сидѣла вотъ тутъ около столика и вышивала что-то бисеромъ; чрезъ полчаса мы пофрыштыкали; послѣ фрыштыка я закурилъ сигару и пошелъ въ зало, а она съ работой вышла на балконъ; я этого не видалъ. Войдя, чрезъ нѣсколько времени, въ гостиную, я замѣтилъ, что она сидитъ на балконѣ и притомъ въ легкомъ платьѣ, а погода, какъ и сами видите не очень-то благопріятная; вышелъ и я на балконъ и посовѣтовалъ ей, для сохраненія здоровья, пойти лучше въ комнаты; она не противорѣчила—согласилась; вошла и сѣла около того же столика и продолжала свою работу; я ходилъ тутъ же; оба мы молчали. Только, чрезъ нѣсколько минутъ, она по-

просила меня подать ей коробочку съ бисеромъ, находящуюся гдѣ-то въ спальнѣ; не зная гдѣ эта коробочка стоитъ, я отказался услужить ей въ этомъ, а, въ свою очередь, попросилъ ее потрудиться самой. Посуливъ мнѣ „лѣнтяя“, — она встала и пошла чрезъ столовую въ спальню; но какъ дверь въ столовую—поглядите сами — на довольно крѣпкой, дверной пружинѣ: ее слѣдуетъ только туда нажать, а оттуда она сама затворялась,—то я и понажалъ ее, чтобъ пройти сестрѣ. Но случись-же такъ! Чуть ступила она между двумя половинками дверей,—какъ тутъ же уронила свою работу и нѣсколько нитокъ бисеру и наклонилась ихъ собирать; я все стоялъ эдакъ рычагомъ, придерживалъ дверь, чтобъ она не прихлопнулась. Въ это самое время, чертъ знаетъ откуда ни возьмись степной оводъ, завертѣлся, зажужжалъ, да — прямо мнѣ въ глазъ; я—въ сторону, дверь—хлопъ и—по вискамъ несчастную; и не пикнула, тутъ же осталась на мѣстѣ, даже слова не выговорила. Это видѣли: Филатка лакей ея, поливавшій, въ это время, въ комнатахъ цвѣты и горничная Аксинья, убиравшая столовую и спальню. На крикъ мой сбѣжались они; подняли мы ее: думали, по началу, что отъ ушиба только—обморокъ; но послѣдствія—какъ видите—совсѣмъ другое показали... Вотъ вамъ все, что я могу сказать.

— Хорошо,—говорю я. Сотскій! Позвать сюда Филатку и Аксинью!

Тѣ сейчасъ же явились.

Осмотрѣли мы трупъ и нашли, что у покойницы на обоихъ вискахъ синебагровыя полосы; осмотрѣли дверную пружину—она дѣйствительно такого сорта, какъ объяснялъ Браиловъ; допросили, засимъ, Аксинью и Филатку—эти подтвердили показаніе его. Составили, разумѣется, объ этомъ полицейскій и медицинскій, объ осмотрѣ тѣла, акты. Врачъ и слѣдователь взялись было за шапки...

— Нѣтъ, не все еще,—говорю имъ.

— Чтожъ еще?

— А вотъ сейчасъ докончимъ.

Я зналъ, что у покойной должно быть состояніе, перешедшее къ ней отъ Савича: нужно, стало быть, было все опечатать.

— Скажите пожалуста, обратился я къ Браилову, дѣйствительно ли покойница—сестра вамъ приходится?

Браиловъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Да... двоюродная,—сказалъ онъ.

— Правда-ли?

— По крайней мѣрѣ я такою ее до сихъ поръ считалъ.

— Не знали ли вы мужа ея Петра Савича Колтузина?

— Нѣтъ, не зналъ.

Браиловъ замялся и потупилъ глаза въ землю.

— Какъ же вы говорите, что не знали, когда жена его приходится вамъ сестра?

— По очень простой причинѣ: когда онъ женился и умеръ, меня здѣсь не было, я былъ въ походѣ.

— И причины смерти его не знаете?

Браиловъ—вздрогнулъ.

— Причины—не знаю; но покойница, какъ-то, мнѣ говорила, что онъ застрѣлился.

— Полно вамъ притворяться! Вѣдь у покойной и родни-то совсѣмъ не было, не только двоюродной, но и троюродной. Вы увезли ее отъ мужа и разстроили чужое счастіе—вотъ вамъ правда?

— Вы почему знаете?

— Потому, что я бывшій другъ Петра Савича Колтузина, землякъ, знаю всю подноготную и даже похоронилъ его.

— Ну, коли пошло на откровенность, такъ—ваша правда! Я виноватъ! Она мнѣ не сестра, а именно увезенная мною жена Колтузина. Берите и казните меня...

— Не намъ казнить васъ: Богъ вамъ судья.

— Такъ позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ, отдать умершей послѣдній долгъ—похоронить ее.

— Это вы можете сдѣлать безпрепятственно... Но, скажите пожалуста — какимъ образомъ вы съ нею познакомились?

— Въ маскарадѣ. А потомъ она меня посѣщала, когда мужъ былъ на службѣ, или чѣмъ другимъ былъ занятъ, и послѣ случившейся въ квартирѣ од-

ной волковницы катастрофы,—совсѣмъ отъ мужа бѣжала.

— Знаю... Гдѣ же вы все это время съ нею были?

— Блуждалъ по разнымъ странамъ: за границей былъ, на Кавказѣ и наконецъ—здѣсь.

— Гм!.. Однако вы говорите, что здѣсь не живете и что квартира эта—ея,—слѣдовательно и все, что въ ней находится—тоже ея.

— Да, кромѣ двухъ безъимянныхъ банковыхъ билетовъ въ 200 тысячъ.

„Губа не дура“,—подумалъ я.

— По закону, движимое имущество составляетъ принадлежность того, у кого оно находится, а потому позвольте ужъ намъ опечатать все. Тамъ, въ судѣ, можете доказывать права свои.

Браиловъ облизался: ему больно хотѣлось подцѣпить билетики.

Описали и опечатали мы имущество Колтузиной и ушли. Дорогою я разсказалъ врачу и слѣдователю исторію Савича.

—Поквитались, значитъ,—сказалъ слѣдователь.

— Наказалъ—таки Господь: кровь Авеля вопіяла,—добавилъ врачъ.

— Чѣмъ-то Браиловъ кончитъ?—заключилъ я.

Черезъ два дня похоронили Христину Ивановну. Я былъ на похоронахъ и, не въ стыдъ будь сказано, горько заплакалъ, когда опускали въ могилу гробъ...

Но не прошло и году послѣ похоронъ Христины Ивановны узналъ я, что и Браиловъ нашъ судился и — пошелъ, кажись, чуть-ли не по Владимiркѣ...

По дѣломъ вору и мука.

III.

РАЗСКАЗЫ ЧИНОВНИКА.

1.

ЖЕНИТЬБА.

Въ одинъ пасмурный и дождливый день, весною, въ воскресенье, проклиная жизнь и обстоятельства, сидѣлъ въ своей лачугѣ, въ захолустьѣ, гдѣ-то на Пескахъ, и курилъ папироску фабрики Соколова въ 4½ коп. десятокъ, одинъ чиновникъ, нѣкто Иванъ Савичъ Бобковъ; мужчина онъ былъ лѣтъ за 25; изъ себя—видный, имѣлъ высокій стройный ростъ, красивую наружность. Получивъ воспитаніе въ среднемъ учебномъ заведеніи, онъ, по выходѣ оттуда, поступилъ на службу канцелярскимъ въ одно судебное мѣсто и, такъ какъ родители его давно предъ симъ умерли, не оставивъ ему никакого состоянія и Иванъ Савичъ не имѣлъ у себя тетушки, которая бы, по службѣ, ему ворожила, то, не смотря на то, что онъ былъ, отъ природы, малый не глупый и, притомъ, усердный къ службѣ, — все-таки сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, безъ повышенія, и получалъ въ мѣсяцъ 9 руб. 73 коп. При такой обстановкѣ, само-собою разумѣется, Иванъ Савичъ былъ бѣденъ какъ осиновый пень: засаленный вицъ-мун-

диръ, истрепанные брюки, грязное бѣлье, поношенные, съ заплатами, сапоги и старая фуражка,—вотъ все, что составляло и парадный и домашній его туалетъ; было, правда, у него прежде, когда-то, пальто, но, благодаря хорошимъ обстоятельствамъ Ивана Савича—ушло на толкучку. Въ комнатѣ Ивана Савича, или, вѣрнѣе сказать, лачугѣ, которую онъ занималъ у одной старушонки, вдовы-мѣщанки, съ платою по 3 рубля въ мѣсяцъ, только и находилось, что ломаный диванъ, на немъ—грязная подушка и какая-то тряпка вмѣсто одѣяла, столъ и два плохонькихъ стула; на столѣ валялись огрызки чернаго хлѣба и селедки; обои на стѣнахъ — изорванные, въ плѣсени.

Иванъ Савичъ, какъ я раньше сказывалъ, сидѣлъ на диванѣ и курилъ папироску. Раздумье горькое, участь бездольная—бороздили физіономію его. Вдругъ, какъ-будто, что-то его кольнуло. Бросивъ, съ сердцемъ, объ полъ окурокъ папироски, Иванъ Савичъ быстро всталъ съ дивана и зашагалъ по комнатѣ.

— Ну, жизнь! проговорилъ онъ, нечего сказать, хуже каторги!.. Невезетъ! да и невезетъ! Вотъ ужъ сколько лѣтъ корплю на 9 рубляхъ, что подѣлаешь?.. Другіе все-таки, кое-какъ, подымаются, лѣзутъ вверхъ: вонъ хоть, напримѣръ, племянникъ нашего секретаря — грамотѣ, шельмецъ, не знаетъ, а 17 съ полтиною получаетъ, а ты хоть тутъ лопни— все 9 да 9... Не знаю на что и рѣшиться?.. Гм!

Жениться развѣ?.. нехудо. Да на комъ?.. Богатая за меня—не пойдетъ, а бѣдной — самому не резонъ брать: безъ того срамъ на себя посмотрѣть — весь оборванъ, а то еще бабу въ лохмотья наряжай... Тфу—ты, провалъ тебя возьми!.. Развѣ?..

Не успѣлъ еще Савичъ окончить послѣдней фразы, какъ вошла къ нему въ комнату квартирная его хозяйка.

— Вы, Иванъ Савичъ, дома?—спросила она.

— Какъ видите—дома, отвѣтилъ Иванъ Савичъ.

— Къ вамъ какая-то женщина пришла.

— Какая-такая женщина? Не та ли, что въ послѣдній разъ ко мнѣ приходила, когда я жалованье получалъ? Если та, то скажите, что меня нѣтъ дома: не до амуровъ, теперь, безъ гроша.

— Нѣтъ, батюшко, не та: та была молодая, а эта—моихъ лѣтъ, старуха.

— Ну, коли старуха, такъ — просите, что ей тамъ нужно?

Хозяйка вышла. Вслѣдъ за нею въ комнату Ивана Савича ввалилась, пыхтя точно кузнечный мѣхъ, претолстѣйшая старушище, по русски повязанная платкомъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Взошла. Три раза въ уголъ перекрестилась. Поклонилась хозяину.

— Здравствуй батюшко!

— Здравствуй матушка!—отвѣтилъ Иванъ Савичъ, что скажешь?

— А вотъ батюшко... но... погоди маленько... дай, напервось, крохотку маленько отдохнуть, а тогды

дѣло скажу... Охъ, батюшко, какъ у тебя высоко: лѣстница-то чуть не подъ небеса ведетъ... совсѣмъ измаялась... пуфъ, пуфъ, пуфъ...

И старуха, недожидаясь приглашенія Ивана Савичи, рухнулась всѣмъ своимъ корпусомъ на диванъ, такъ что тотъ съ разу далъ двѣ трещины. Вскрикнувъ: „охъ“! она быстро, на сколько тучность ея тому позволяла, вскочила съ дивана и пересѣла на стулъ, извиняясь предъ Иваномъ Савичемъ въ причиненномъ изъянѣ. Иванъ Савичъ, изъ приличія, проговорилъ: „ничего“—сталъ предъ старухой, вытянулся. Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи: старуха—отпуфкалась.

— Ну, родимой, теперь, пожалуй, и за дѣло примемся,—заговорила она. Я пришла къ тебѣ за добрымъ дѣломъ.

— За какимъ?

— Не хочешь ли ты, батюшко, жениться?... У меня хорошая невѣста есть, красавица собой, благороднаго роду...

— Жениться-то, пожалуй, я непрочь и желалъ-бы даже,—отвѣтилъ Иванъ Савичъ, да знаешь что старуха?.. Въ моемъ житьѣ-бытьѣ, какъ видишь, жены одной мало; надо подумать и о приданомъ: не нищихъ же плодить...

— Ну, батюшко, за приданымъ у насъ дѣло не станетъ. Будетъ, все будетъ!..

— А примѣрно какъ?

— Да такъ... Тысяченокъ тридцать дядюшка даетъ...

— Что ты, что ты, матушка?! Не врешь-ли?

— Что мнѣ врать-то: самъ увидишь, только сказывай—хочешь-ли?

Ивана Савича—въ жаръ бросило, сердечко такъ и забарабанило.

— Какъ тутъ не хотѣть, матушка, такой благодати, помилуй! коли правду говоришь; это—просто... просто... просто...

— Только вотъ что,—сказала старуха.

— Да что тутъ! Знаю, знаю!—перебилъ ее Иванъ Савичъ, ты объ себѣ хочешь сказать? Не безпокойся! Будешь довольна: двѣ тысячи чистоганомъ, за хлопоты, дамъ...

— Не объ томъ рѣчь, кормилецъ, не объ томъ.

— А о чемъ же?

— А вотъ объ чемъ: все, что я сказала тебѣ на счетъ приданаго—все это тебѣ дадутъ, только ужъ невѣста—не жена тебѣ должна быть: чуть изъ церкви—врознь,..

Иванъ Савичъ—выпучилъ на старуху глаза.

— Это почему-жъ? спросилъ онъ.

— Уговоръ такой, батюшко, долженъ быть, уговоръ.

— Зачѣмъ же такой уговоръ?

— А затѣмъ, что безъ этого уговору мы-бы за графа красавицу нашу выдали-бъ.

— Гм!.. Теперь я смѣкаю... Дядюшка, знать,

про котораго ты сказывала,—не дядюшка, а... Богъ знаетъ кто...

— Ну, можетъ, и не отгадалъ. Однако мнѣ нѣкогда; говори скорѣе—хочешь?

Иванъ Савичъ—призадумался.

— А о прочемъ, продолжала старуха, тутъ дѣло любовное: хочешь — любишь, не хочешь — какъ хочешь; не ты, такъ другаго найдемъ: за денежки—все можно...

Иванъ Савичъ—молчалъ. Нищета и чувство собственнаго достоинства боролись въ немъ съ позоромъ предлагаемаго ему богатства; но однако, послѣднее искушеніе взяло верхъ.

— Дѣлать нечего! — проговорилъ онъ со вздохомъ, махнувъ рукой, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ! Согласенъ старуха!

— Давно-бы такъ! Не будешь каяться голубчикъ: обживется, сможется...

— Такъ-то, такъ... Ну, да это дѣло, ужъ—рѣшено... Теперь на счетъ приданаго какъ тебѣ сказывали: передъ или послѣ сватьбы?

— Самъ говорилъ, что—передъ.

— То-то же... А то послѣ какъ разъ, пожалуй, надуютъ.

— Бывалое дѣло; но тутъ не то.

— Такъ—значитъ—какъ?

— Да вотъ какъ: я отъ тебя къ самому сейчасъ махну, а тамъ извѣщу когда тебѣ къ нему прійти; остальное ужъ твое дѣло; поговори съ нимъ хоро-

шенько: баринъ податливый — можетъ —и задатку дастъ, да не забудь и меня старухи... Прощай кормилецъ!

Старуха—двинулась.

— Прощай, матушка! Будь покойна; въ накладѣ отъ меня не останешься,—говорилъ Иванъ Савичъ, провожая ее.

Старуха еще разъ распрощалась съ Иваномъ Савичемъ и—ушла.

— Ну, коли все это совершится, такъ и мы поживемъ, значитъ,—забурлилъ Иванъ Савичъ самъ съ собою, по уходѣ старухи. Оно хоть и скверно маленько—продать себя за деньги, но—дѣлать нечего, нужда не свой братъ, противъ нее устоять трудно, да, знать, мнѣ и на роду такъ написано...

Говоря это Иванъ Савичъ—подошелъ къ развалившемуся дивану, сколотилъ его кое-какъ, легъ—растянулся и замечталъ во всю ивановскую...

Между тѣмъ, пока шли эти переговоры свахи съ Савичемъ; на невскомъ, въ одномъ изъ богатѣйшихъ домовъ всего населенія, полулежалъ на роскошномъ диванѣ, въ богатоубранной своей квартирѣ, одинъ господинъ преклонныхъ ужъ лѣтъ, изможденной наружности, сухощавый, длинновязый, бывшій когда-то откупщикомъ, нѣкто Федоръ Гавриловичъ Милліоновъ. Шитый золотомъ, темнозеленаго цвѣту, бархатный халатъ - окутывалъ длинную его фигуру; въ рукахъ

держалъ онъ пѣнковую трубку; у ногъ его лежала большая, черная, сибирская собака. Милліоновъ—былъ одинъ. Время отъ къ времени онъ чему-то прислушивался и, казалось, кого-то ждалъ. Прошло, такимъ образомъ, съ часъ времени. Милліоновъ позвонилъ. Явился человѣкъ.

— Никто не приходилъ? спросилъ онъ отрывисто, не шевелясь на диванѣ.

— Никого не было,—отвѣчалъ лакей.

— Когда придетъ старуха, которая давича приходила—сейчасъ же мнѣ доложить.

— Слушаю-съ.

Федоръ Гавриловичъ махнулъ рукой — человѣкъ вышелъ.

— Черезъ нѣсколько времени тотъ же лакей доложилъ Федору Гавриловичу, что старуха явилась.

— Проси! Пока старуха здѣсь, у меня,—никого не принимать.

— Слушаю.

Лакей—вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ предстала предъ свѣтлыя очи Милліонова извѣстная уже намъ толстуха.

— Здравствуй Аринушка, здравствуй!—проговорилъ Федоръ Гавриловичъ, двигаясь съ дивана и идя къ ней на встрѣчу. Что скажешь новаго? Чѣмъ порадуешь?

— Да что, батюшко, чѣмъ тебя порадовать? Дѣла—слава Богу! Пометалась таки порядкомъ по

городу, но все же Господь не оставилъ — помогъ найти твоей ненаглядной женишка.

— Да?

— Да, батюшко, да!

— Кто-жъ онъ?

— Чиновный, какъ надо быть, чиновный.

— Иначе и не могло быть. Да чинъ какой?

— Спрашивала у дворника — тотъ по домовой книгѣ справлялся, говоритъ—третій, колѣскій секлетарь значитъ, да и до четвертаго, знать, скоро доберется.

— Ну, ладно. Что-жъ ты ему сказала?

— Да, все, что нужно было: мнѣ не учиться стать и—молодчикъ сдался.

— И то сказала?.. Ну,—сама знаешь что...

— Какъ же, батюшко, какъ же, сказала.

— Что-жъ онъ?

— А ничего. Спервоначалу, было, заартачился, а потомъ—согласенъ, говоритъ, старуха, на все согласенъ, лишь-бы — значитъ — на счетъ приданаго правда была.

— Ну, объ этомъ ему безпокоиться нечего.

— Такъ, стало быть, назначь только, батюшко, время, когда его привезти и—все тутъ.

— Хорошо. Сегодня у насъ—воскресенье; завтра—тоже праздникъ... А онъ гдѣ нибудь служитъ?

— Служитъ, какъ же служитъ въ министеріи какой-то, ужъ и забыла... дворникъ сказывалъ въ какой...

— Ну, такъ самое лучшее—завтра: въ праздникъ, значитъ, ему свободнѣе будетъ.

— А въ которо время прикажешь?

— Да хоть часовъ въ 5 вечера. Я буду дома и—буду ждать.

— Ладно кормилецъ. Засимъ прощенія просимъ!

Старуха поклонилась и повернулась къ выходу.

— Стой, погоди Аринушка! обозвалъ ее Федоръ Гавриловичъ... На, вотъ тебѣ на извозчика.

Милліоновъ вынулъ изъ бюро сторублевую и подалъ старухѣ.

— Покорнѣйше благодаримъ сударь... Такъ я ужъ безпримѣнно, завтра, съ нимъ, въ 5 часовъ буду.

Да, да! Въ пять часовъ.

— Старуха—раскланялась и не то, что вышла, а—выкатилась отъ Федора Гавриловича.

Ровно въ пять часовъ вечера, на другой день, старая двухмѣстная, запряженная парою извощичьихъ калѣкъ четвероногихъ, карета, остановилась у подъѣзда дома Милліонова. Изъ нея вышли Аринушка и Иванъ Савичъ Бобковъ въ томъ же самомъ костюмѣ, въ какомъ мы видѣли его въ его квартирѣ то-есть, старомъ вицъ-мундирѣ, плохихъ брюкахъ и фуражкѣ съ кокардой.

Швейцаръ отворилъ имъ дверь—пропустилъ на лѣстницу.

— Ты съ нимъ, батюшко, посмѣлѣй дѣйствуй. Не давайся въ обманъ, коли вздумаетъ хвостомъ вилять,—говорила старуха Ивану Савичу, подымаясь по лѣстницѣ.

— Небось Аринушка — знаемъ свое дѣло: уговоръ, говорятъ добрые люди, пуще денегъ, отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

Съ этимъ они вошли въ покои Федора Гавриловича. Федоръ Гавриловичъ встрѣтилъ ихъ, по прежнему въ халатѣ.

— Вотъ тебѣ, батюшко, заговорила первая старуха, и товаръ на лицо, женишокъ самъ и есть.

— Очень радъ, очень радъ! отозвался Федоръ Гавриловичъ, приближаясь къ Савичу, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Колежскій секретарь Иванъ Савичъ Бобковъ.

— Прошу покорно садиться!

Иванъ Савичъ сѣлъ.

— Ну-съ, дорогой мой, Иванъ Савичъ, продолжалъ Федоръ Гавриловичъ. — вамъ, вѣроятно, извѣстна причина настоящаго вашего визита; такъ, поэтому, мы лишнія объясненія отложимъ въ сторону, а прямо приступимъ къ дѣлу: скажите — вы согласны жениться на той особѣ, о которой вамъ старуха говорила?

— Согласенъ.

— И на тѣхъ условіяхъ?

— На тѣхъ условіяхъ.

— Однако еще вотъ что я долженъ вамъ добавить: невѣсты вы до самаго вѣнца—не увидите.

— Пустое обстоятельство, послѣ первыхъ двухъ условій.

— Прекрасно. Значитъ одинъ пунктъ конченъ. Теперь другой: приданаго за невѣстою вы знаете сколько?

— Знаю. Тридцать тысячъ, говорили мнѣ.

— Да. А какъ вы думаете?..

— Да, такъ, что мнѣ-бы теперь, какъ сами видите, необходимо имѣть тысячъ пять: надо приготовиться къ вѣнцу.

— Хорошо. Я вамъ даю ихъ. Остальныя—двадцать пять получите передъ вѣнцомъ. Только и вы, съ своей стороны, теперь же, дадите мнѣ письменное обязательство, при свидѣтеляхъ, въ томъ, что отъ брака этого, ни подъ какимъ предлогомъ, неоткажетесь, сознавая себя знаете кѣмъ?..

— Догадываюсь. Извольте. И на то согласенъ.

Милліоновъ позвонилъ.

— Подать сюда,— сказалъ онъ, явившемуся на звонокъ, лакею, перо, бумагу и чернилицу, да пригласить ко мнѣ, на минуточку, Степана Фомича и Кузьму Карповича.

— Слушаю-съ,—было отвѣтомъ человѣка.

Чрезъ минуту, неболѣе, явились въ комнату, гдѣ происходилъ договоръ, друзья Милліонова: Степанъ Фомичъ и Кузьма Карповичъ и принесены бы-

ли канцелярскіе снадобья. Федоръ Гавриловичъ— объяснилъ имъ въ чемъ дѣло.

— Теперь пишите, сказалъ онъ, затѣмъ, Ивану Савичу обязательство, а я, пока, займусъ финансовою частью. Нареченную вашу зовутъ Евгенія Петровна Быстрорукова, дочь умершаго титулярнаго совѣтника.

Иванъ Савичъ присѣлъ и написалъ актъ такого рода, что онъ обязывается и сознаетъ себя обязаннымъ, въ непродолжительномъ времени, непозже, впрочемъ, мѣсяца, вступить въ законный бракъ съ дочерью умершаго титулярнаго совѣтника дѣвицею Евгеніею Петровною Быстроруковою и отъ брака этого ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ отказываться, развѣ только тогда, когда не будетъ выдано ему условледныхъ тридцати тысячъ, предназначенныхъ ей въ приданое. Подписалъ. Вскорости пришелъ и Федоръ Гавриловичъ, держа въ рукахъ пачку радужныхъ. Прочиталъ обязательство.

— Однако, сударь, вы, какъ видно, осторожны,—сказалъ онъ съ улыбкою, кончивъ чтеніе обязательства.

— Подражаю вамъ, — отвѣтилъ Иванъ Савичъ, да, впрочемъ, осторожность—мое правило.

— Прекрасное правило—уважаю его... Такъ извольте теперь на оборотѣ обязательства росписаться, что вы пять тысячъ въ зачетъ условленныхъ денегъ—получили.

Савичъ взялъ деньги и—росписался.

— Ну, теперь, васъ, господа, прошу подписаться свидѣтелями того, что вы здѣсь видѣли и слышали,—обратился, затѣмъ, Федоръ Гавриловичъ къ Степану Фомичу и Кузьмѣ Карповичу.

Тѣ подписались.

— Благодарю васъ! сказалъ Милліоновъ имъ. Теперь за вами очередь Иванъ Савичъ: скажите—какъ скоро вы можете приготовиться къ сватьбѣ то-есть взять дозволеніе отъ своего начальства и справиться съ дѣлами?

— На это много времени не понадобится, недѣли—я думаю—будетъ довольно.

— И прекрасно. Значитъ въ будущее воскресенье, поутру, я васъ жду; покончимъ расчеты, а вечеромъ—сватьба; тѣмъ же временемъ я распоряжусь окличкой въ церкви и другими приготовленіями, сопряженными съ этимъ дѣломъ.

— Отлично.

— Такъ поторопитесь же.

— Постараюсь.

— Мое почтеніе!

— Мое почтеніе!

Федоръ Гавриловичъ, съ чувствомъ, пожалъ руку Ивану Савичу. Савичъ — ушолъ. Аринушка осталась тамъ.

Что между ними было, о чемъ они толковали,—этого я не знаю, да и полагаю, что разговоръ ихъ

не представлялъ ничего новаго. Только, спустя нѣсколько времени по уходѣ Савича, Аринушка брела отъ Федора Гавриловича, по невскому, съ пачкою сѣренькихъ, а самъ онъ на своихъ рысакахъ мчался въ садовую улицу.

Въѣхавъ въ эту улицу, карета его остановилась предъ богатымъ подъѣздомъ одного дома. Выбѣжавшій чуть не опрометью швейцаръ принялъ его въ свои объятія.

— Дома?—спросилъ Федоръ Гавриловичъ швейцара.

— Дома-съ,—отвѣтилъ тотъ.

И Федоръ Гавриловичъ побрелъ по роскошно убранной цвѣтами лѣстницѣ.

На второй площадкѣ — дверь предъ нимъ распахнулась и Федоръ Гавриловичъ, въ буквальномъ смыслѣ, очутился въ раю Магомета: такъ было тамъ все хорошо, такъ отъ всего вѣяло нѣгой и покоемъ... Въ гостиной встрѣтила его очаровательной наружности дѣвушка, лѣтъ 18 или 19 и, послѣ первыхъ лобзаній, продолжавшихся, впрочемъ, довольно долго, осыпала его упреками за долгое отсутствіе.

— Что это, Федоръ Гавриловичъ, вы меня совсѣмъ забыли?—говорила она. Вотъ ужъ пять дней, какъ васъ невидно. Что это значитъ?

И красавица—надула губки.

— Не сердись Женя; не сердись душа моя... Занятъ былъ: хлопоталъ, все для тебя же хлопоталъ.

— Я думаю?!

— Да, да, именно для тебя: исполнилъ твое давнишнее желаніе выйти замужъ, покрыть только голову и, коли не вѣришь, такъ вотъ тебѣ и обязательство жениха... въ воскресенье—сватьба...

Федоръ Гавриловичъ показалъ Евгеніѣ Петровнѣ обязательство Ивана Савича. Эта взяла, прочитала и—повисла Федору Гавриловичу на шею.

— Милый мой, добрый мой!—лепетала она, цалуя въ лобъ и щеки своего благодѣтеля, чѣмъ мнѣ благодарить тебя?..

У Федора Гавриловича и слюнки потекли.

— То-то же, то-то же,—ворчалъ онъ на поцалуи своей возлюбленной, обѣщалъ — такъ и сдѣлалъ... ну довольно, будетъ... Пойдемъ лучше туда, къ тебѣ, подальше, поговоримъ откровеннѣе.

Иванъ же Савичъ, тѣмъ временемъ, какъ Федоръ Гавриловичъ амурился съ Евгеніей Петровной,—бѣгалъ по городу какъ угорѣлая кошка: богатство его отуманило. Онъ бросился по всѣмъ магазинамъ; закупалъ все, что подъ руку ни попадало, лишь бы только ему нравилось; метался по портнымъ, сапожникамъ, ювелирамъ, заказывалъ, приказывалъ, — словомъ до того засуетился, что и не замѣтилъ какъ приблизилось время къ десяти часамъ. Вскрывъ верхнюю доску, только что купленнаго имъ, дорогаго хронометра, Иванъ Савичъ посмотрѣлъ на стрѣлку: стрѣлка показывала—ровно 10.

— Ну, сегодня довольно, — сказалъ онъ самъ себѣ. Чего не успѣлъ — сдѣлаю завтра, да къ тому же нужно хорошенько и обдумать чего мнѣ не хватаетъ... Эй, извозчикъ!

Извозчикъ подъѣхалъ.

— Куда прикажете?

— На Пески, въ 8 улицу.

— Четвертачекъ-бы надо,

— Прибавлю другой, только поѣзжай хорошенько.,. Пошолъ!

Извозчикъ помчалъ Иванъ Савича на сколько духу только у клячи его хватало.

Иванъ Савичъ—ѣхалъ самъ не свой.

— Здравствуй хозяюшка! Добрый вечеръ бабушка!—заговорилъ Иванъ Савичъ, пріѣхавши домой и вваливаясь въ комнату своей хозяйки—старушки.

— Здравствуй Иванъ Савичъ, здравствуй! Какъ Господь тебя милуетъ? Какъ дѣлишки батюшко?

— Беретъ, бабушка, беретъ!

— Ой-ли?

— Такъ, бабушка, такъ!.. Но, погоди, объ этомъ—послѣ. Теперь, на радостяхъ, сведемъ прежде счеты. Сказывай: сколько я тебѣ за квартиру долженъ?

— Да, сколько? Самъ знаешь: два съ полтиной за прошлый мѣсяцъ недоплатилъ: хе, хе, хе... да за этотъ—три. Считай!

— Ну, такъ и выходитъ: три, да два съ пол-

тиной—пять съ полтиной. Бери, бабушка, двадцать рублей не въ зачетъ будущихъ! Спасибо!

Иванъ Савичъ вынулъ изъ кармана пачку денегъ и швырнулъ на столъ двадцатипяти рублевую.

Старуха—глаза вытаращила.

— Бери, бабушка, бери!—повторилъ Иванъ Савичъ. Я тебѣ многимъ обязанъ: ты меня какъ роддаго берегла... Что-жъ дѣлать что и у самой—бѣдность... Теперь я богатъ.

— Значитъ, батюшко, вы дѣло-то совсѣмъ уже уладили? сказала старуха, взявши деньги.

— Совсѣмъ, бабушка, совсѣмъ. Пять тысячъ и задатку получилъ, остальныя двадцать пять — передъ вѣнцомъ.

— Ну и слава тебѣ Господи! А сватьба когда?

— Въ будущее воскресенье, бабушка. Приготовляй ноги.

— И—и, куда мнѣ батюшка! Шутникъ ты какой! хе, хе, хе...

— Однако, бабушка, — мнѣ ѣсть хочется: какъ собака проголодался; такъ на, вотъ тебѣ рублишко, да приготовъ хорошенькій ужинъ, а, правда—пойди, лучше, въ трактирѣ два ужина возьми, а я, пока за водочкой сбѣгаю, вотъ мы съ тобой, моя старушенція, и—могарычъ запьемъ.

Какъ сказано, накъ и сдѣлано. Не прошло и полчаса, какъ на столѣ, въ комнатѣ Ивана Савича, стояли уже и два ужина и полштофъ очищенной. Усѣлись наши пріятели. Выпили они по рюмочкѣ

другой—третьей, отужинали, допили, на радостяхъ остаточки и—Иванъ Савичъ завалился спать. Старуха убрала посуду и, напѣвая подъ хмѣлькомъ: „калинушку-малинушку“, побрела въ свою кануру.

На другой день Иванъ Савичъ отправился въ должность и подалъ рапортъ о дозволеніи ему вступить въ законный бракъ.

— Что это вы, Бобковъ, женитесь? спросилъ его начальникъ.

— Думаю, ваше пр—во.

— Что вамъ за фантазія пришла? Вѣдь вы всего девять рублей съ чѣмъ-то жалованья получаете: чѣмъ же вы будете жену содержать?

— Найду чѣмъ, ваше пр—во: Богъ не безъ милости.

— Да не думаете-ли вы пособія просить?!

— Нѣтъ, ваше пр—во. Надѣюсь на свои средства.

— Какія? Знать приданое за женою берете?

— Да, ваше пр—во.

— И много?

— Да хватитъ на мой вѣкъ: можетъ быть и службу придется оставить.

— А—а! Вотъ какъ!.. Въ такомъ случаѣ—разрѣшаю. А я думалъ, что вы пособія...

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше пр— во! Будьте покойны,

утруждать объ этомъ васъ не стану, только прошу—уволить меня на недѣлю отъ службы.

— Можете, можете... причина уважительная... Такъ велите экзекутору изготовить и выдать вамъ, на бракъ, свидѣтельство,—съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Покорно благодарю, ваше пр—во!

Того же дня Иванъ Савичъ получилъ свидѣтельство и пустился хлопотать о приготовленіи къ вѣнцу.

Къ субботѣ—все было готово. Оставалось—подыскать шафера и, по обычаю предковъ, справить холостецкую. Шаферъ — мигомъ нашолся и, вечеромъ того дня, у Ивана Савича, въ той же самой его квартирѣ, было собраніе братіи, состоявшее изъ двухъ—трехъ человѣкъ его товарищей. Пошла попойка...

— За здоровье выбывающаго!—кричалъ шаферъ Кирьяковъ, осушая стаканъ вина.

— За здоровье невѣсты!—оралъ Маклаковъ, не зная обстоятельствъ женитьбы Савича.

— Изъ строю вонъ! Вонъ изъ строю, гарнизонное пузо! Въ гвардію нашу теперь ты ужъ не годишься!—дралъ глотку охмѣлѣвшій Пьянчужкинъ,—въ баню его, господа, въ баню!

— Да, да въ баню! Драть!—подхватили Кирьяковъ и Маклаковъ—тоже находившіеся подъ дѣйствіемъ наливочнаго возліянія. Слышь Иванъ Са-

вичъ? Въ баню! Какъ хочешь — въ баню! не то— силою потащимъ!

И Кирьяковъ, Маклаковъ и Пьянчужкинъ бросились, было, къ Ивану Савичу; но Иванъ Савичъ— остановилъ ихъ.

— Извольте, господа, извольте! Я согласенъ,— сказалъ онъ, только надо же о каретѣ распорядиться: на извозчикахъ неловко.

— Я пойду привезу! вызвался Пьянчужкинъ. Въ баню, господа, въ баню!

Съ этимъ словомъ онъ почти вылетѣлъ изъ комнаты.

Чрезъ четверть часа карета—была готова. Поѣхали въ баню. Тамъ — ужъ извѣстное дѣло—первое—выпили, второе—помылись, третье—напились, четвертое — выдрали Ивана Савича вѣниками и — разъѣхались. Пьянчужкинъ до того нарѣзался, что насилу его изъ бани выволокли.

Наконецъ наступило воскресенье. Поутру Иванъ Савичъ съѣздилъ къ Милліонову, покончилъ съ нимъ разсчеты и въ 7 часовъ вечера, одѣтый просто, но со вкусомъ, во фракѣ работы Шармера, штиблетахъ—Гозе, стоялъ уже съ своимъ шаферомъ на паперти одной церкви и—ждалъ невѣсты. Все было готово: паникадила — зажжены, два хора пѣвчихъ—стояло на клиросѣ; духовенство, въ облаче-

ніи, — ждало невѣсты, чтобъ начать священнодѣйствіе. Наконецъ въ половинѣ 8 часа, цугомъ запряженная, карета подкатила къ паперти; изъ нея высадили Евгенію Петровну. Завидя карету Иванъ Савичъ вошелъ въ церковь. Вскорости, въ сопровожденіи своей свиты, явилась туда и Евгенія Петровна. Хоръ дружно грянулъ: „гряди отъ Ливана невѣсто“! и—все въ церкви вдругъ пришло въ движеніе. Иванъ Савичъ сталъ на подножки, даже невзглянувъ на свою нареченную. Евгенія Петровна—окинула его, быстро раза два, съ ногъ до головы и—огонь пробѣжалъ у ней по жилкамъ. Началось бракосочетаніе. Когда священникъ спросилъ Савича: по желанію ли и доброму согласію онъ беретъ себѣ жену,—онъ твердо отвѣчалъ „да“! Тоже самое было и со стороны невѣсты.

Кончилось бракосочетаніе. Новобрачные поцаловались. Холодно, точно статую, цаловалъ Иванъ Савичъ Евгенію Петровну, хотя и пораженъ былъ ея красотою; но за то поцалуй послѣдней — былъ совсѣмъ не то, выражалъ совсѣмъ другое...

Приложились къ образамъ. Вышли изъ церкви. Вѣрный своему условію съ Милліоновымъ, Иванъ Савичъ довелъ невѣсту до кареты, усадилъ ее и хотѣлъ, было, уйти, броситься въ свою щегольскую наемную коляску и умчаться куда попало; но вдругъ дѣло приняло другой оборотъ. Предосторожность Милліонова ни къ чему не повела.

— Вы куда?—сказала Евгенія Петровна дрожа-

щимъ и вмѣстѣ повелительнымъ тономъ, схвативъ Савича за руку. Садитесь со мною!

Эта неожиданность такъ озадачила Ивана Савича, что онъ совсѣмъ растерялся и, почти машинально, сѣлъ въ карету. Дверцы—хлопнули и карета—помчалась... Милліоновъ стоялъ тутъ же, все это видѣлъ: недоумѣніе, въ высшей степени, выразилось на лицѣ его. Въ толпѣ—пошли толки...

Между тѣмъ карета новобрачныхъ мчалась все дальше, да дальше... Въ первую минуту молодые молчали: быстрота впечатлѣній — связывала обоимъ языкъ. Наконецъ Евгенія Петровна—первая собралась съ духомъ.

— Вы куда, мил. госуд., хотѣли отъ меня бѣжать? - спрашивала она Ивана Савича. Развѣ вы не знаете правъ мужа и правъ жены? Развѣ, послѣ того, что надъ нами только что совершилось, вы не убѣдились еще, что, кромѣ васъ, я не должна и не имѣю права принадлежать никому другому?

Иванъ Савичъ молчалъ.

— Чтъ-жъ вы молчите? — повторила Евгенія Петровна.

— Извините, проговорилъ, наконецъ, онъ, взглянувъ на Евгенію Петровну, вамъ вѣроятно, извѣстны условія моего брака съ вами, такъ...

— Никакихъ условій я не признаю!—перебила его съ энергіей Евгенія Петровна. Знаю только то, что вы мнѣ—мужъ, а я вамъ—жена и—больше ничего...

*

Иванъ Савичъ, въ другой разъ, взглянулъ на нее и сердечко у бѣдняги заекало: такъ хороша, въ это время, была Евгенія Петровна.

Между тѣмъ карета подъѣзжала къ дому Милліонова.

— Велите кучеру ѣхать къ вамъ,—сказала Евгенія Петровна: я этого хочу!

Тутъ еще разъ взглянулъ на нее Иванъ Савичъ и—вся внутренность у него закипѣла — словомъ, здѣсь ужъ онъ не выдержалъ себя, бросился цѣловать жену...

— Перестаньте... перестаньте... послѣ... послѣ... велите скорѣе кучеру,—лепетала Евгенія Петровна, прижимаясь сама къ его груди подъ вліяніемъ своей безграничной любви къ нему.

Савичъ—совсѣмъ одурѣлъ. Какъ ошеломленный крикнулъ онъ кучеру: „въ 8 улицу на Пески“! и карета туда помчалась.

— Чтожъ это я сдѣлалъ?.. Зачѣмъ на Пески—сказалъ вдругъ, опомнясь, Савичъ.

— Куда же?!.. Не назадъ-ли къ Милліонову?!—съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ упрекомъ, произнесла Евгенія Петровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя! Совсѣмъ не то.

— Такъ что же?

— Да просто—мнѣ совѣстно ѣхать въ теперешнюю мою квартиру, а порядочной, за хлопотами, не успѣлъ еще завестить.

— Ничего. Поѣзжайте!

— Не лучше ли намъ будетъ поселиться гдѣ-либо на время, пока, завтра?...

— Не нужно!—перебила его Евгенія Петровна. Мнѣ хочется видѣть вашу холостую жизнь и провести ночь въ вашей квартирѣ, а завтра успѣемъ всѣмъ распорядиться... Вы сколько получили отъ Милліонова за мою руку? — вдругъ спросила она Савича.

Савичъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Къ чему это?

— Просто такъ... Знать хочу.

— Если такъ, то — извольте: тридцать тысячь.

— Ну, такъ вотъ вамъ еще—сто.

Евгенія Петровна вынула изъ кармана подвѣнечнаго платья два банковыхъ билета по пятидесяти тысячь каждый и подала ихъ Савичу.

— Возьмите и сохраните ихъ, — добавила она: это я отъ себя даю вамъ приданое; я его нарочно берегла и—сама не понимаю—какое-то особенное предчувствіе заставило меня взять билеты эти, съ собою, въ церковь... Надѣюсь—съ такимъ состояніемъ безъ горя проживемъ. Что же касается до мебели моей, сервиза и гардероба, находящихся въ той квартирѣ, то—пусть они остаются тому, кто ихъ и пріобрѣлъ: все это я теперь ненавижу... Нате! Возьмите!..

Савичъ—машинально взялъ билеты.

Въ это время карета поровнялась съ домомъ, гдѣ жилъ Савичъ.

— Стой!—закричалъ онъ, оглянувшись, кучеру.

Карета—остановилась. Молодые вышли. Поднялись на лѣстницу. Здѣсь встрѣтила ихъ старушка, хозяйка Савича.

— Ну вотъ, бабушка, я съ женой къ тебѣ!—заговорилъ Савичъ. Готовь хоромы: пировать будемъ!

Старуха и—ротъ разинула, до того извѣстіе это опѣшило ее: она положительно знала условія брака своего жильца. По второй командѣ Ивана Савича, она что-то прошамшила и бросилась открывать двери и принимать гостей.

— Свѣтъ, ты, мой ненаглядный! Голубушка, ты, моя!—говорила старушка Евгеніѣ Петровнѣ, когда ей объяснили дѣло, знать ужъ Господь вамъ такъ судилъ... Богородица святая оглянулась! Садись мое золото, садись ненаглядная... вотъ тутъ... вотъ тутъ... помягче...

И старуха усаживала молодую на диванъ Савича, потерпѣвшій почти совершенное крушеніе послѣ холостецкой, особенно отъ дебоширства Пьянчужкина. Савичъ, въ это время вышелъ на дворъ, далъ кучеру Милліонова на чай красненькую, велѣлъ ѣхать домой и передать Федору Гавриловичу душевную благодарность его и Евгеніи Петровны.

Кучеръ—уѣхалъ. Началась свадебная пирушка. Никого посторонняго—небыло, кромѣ подъѣхавшаго шафера Савича, Кирьякова, отъ души поздравлявшаго новобрачныхъ и во очію невѣрившаго совершившемуся; но, однако, пирушка эта продолжа-

лась недолго: нетерпѣніе молодыхъ укоротило ее. Пробило двѣнадцать—шаферъ уѣхалъ. Тогда старушка, кое какъ, устроила новобрачнымъ постель и они—улеглись.....

Переночевали. По утру сдѣланы были всѣ распоряженія о наймѣ квартиры, покупкѣ мебели и т. п. и къ вечеру того же дня Иванъ Савичъ и Евгенія Петровна переселились на новую, удобную и приличную квартиру, наградивъ, разумѣется, какъ слѣдуетъ, добрую старушку—хозяйку Савича.

Вскорости послѣ этого Савичъ подалъ въ отставку, купилъ себѣ домъ и живетъ теперь съ Евгеніей Петровной припѣваючи, душа въ душу, одинъ на другаго неналюбуются. О прошломъ, и—помину нѣтъ.

Милліоновъ же, послѣ этой исторіи, погрызъ, погрызъ себѣ пальцы, даже клокъ волосъ, отъ досады и ревности, на головѣ у себя вырвалъ, да съ тѣмъ и остался....

2.

ПОМѢШАННЫЙ.

Къ одной изъ лечебницъ, принадлежащихъ частному лицу въ Петербургѣ, часовъ въ десять утра, подкатила щегольская, двухмѣстная карета. Изъ нея вышла дама немолодыхъ ужъ лѣтъ, но съ остатка-

ми прежней красоты, разодѣтая по послѣдней модной картинкѣ.

— Будьте любезны докторъ,—сказала она, войдя въ лечебницу и обращаясь къ доктору Геру, хозяину заведенія, примите участіе въ моемъ несчастномъ мужѣ. Онъ страдаетъ умопомѣшательствомъ. На васъ, какъ спеціалиста по этой части,—вся моя надежда.

— Чѣмъ могу служить, — извольте, — отвѣтилъ докторъ. Гдѣ онъ? здѣсь? съ вами?

Нѣтъ. Я предварительно одна пріѣхала съ вами переговорить.

— На чемъ же онъ помѣшанъ, позвольте узнать?

— На какихъ-то брилліантахъ. Все только и твердитъ, что у него взяли брилліанты и ни ихъ, ни денегъ за нихъ ему не отдаютъ. Вѣрите-ли до нельзя мнѣ этимъ надоѣлъ...

— Привезите его ко мнѣ: я посмотрю...

— Но какъ это сдѣлать докторъ? — Право незнаю.

— Что-жъ?

— Видите-ли: его изъ дому трудно куда-нибудь вытащить, а чтобъ силою взять,—такъ онъ еще не достигъ такой степени умопомѣшательства...

— Употребите хитрость какую нибудь.

— Незнаю, что придумать.

— Подумайте.

— Гм!... Развѣ вотъ что?... Я его брилліантами сюда заманю.

— Какъ знаете. Принаровитесь...

— Когда же позволите мнѣ привезти его?

— Когда вамъ будетъ угодно. Я постоянно здѣсь.

— Хорошо. Очень вамъ благодарна. До свиданія докторъ.

— Мое почтеніе.

Барыня—уѣхала.

Спустя полчаса послѣ этого, карета ея остановилась въ Гороховой улицѣ, близь адмиралтейской площади, около одного богатаго магазина золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Услужливый хозяинъ, обрусѣвшій нѣмецъ, Карлъ Ивановичъ, растворилъ передъ нею дверь.

— Что вамъ угодно мадамъ? — спросилъ онъ, вѣжливо расшаркиваясь предъ барынею.

— У васъ брилліантовыя ожерелья есть?

— Есть.

— Потрудитесь показать: мнѣ ихъ нужно нѣсколько нитокъ.

Карлъ Ивановичъ—полѣзъ въ шкафъ, вынулъ оттуда пять-шесть футляровъ и раскрылъ ихъ передъ барынею.

— Извольте... Какихъ угодно? — добавилъ онъ.

Барыня перебрала нѣсколько нитокъ, отложила—шесть.

— Что все это будетъ стоить?—сказала она.

— Какъ? Всѣ вмѣстѣ?

— Да.

— Тридцать тысячь.

— Дорого. Я этой цѣны дать не могу.

— Какъ угодно. Такъ возьмите другаго сорта, вотъ этого напримѣръ... этого... этотъ дешевле будетъ: двадцать тысячь можно взять и—тоже хорошія, полныя, нитки.

И, говоря это, Карлъ Ивановичъ указывалъ на другіе сорты нитокъ.

— Нѣтъ, эти мнѣ ненравятся, а вотъ тѣ... Уступите, если можете, я у васъ ихъ покупаю...

— Извольте. Вся уступка, какую только могу сдѣлать—это 1000 рублей, никакъ не больше: бриллiанты очень хороши, взгляните сами... вода... отдѣлка...

— Да, ваша правда. Значитъ 29 тысячь?

— Да, мадамъ.

— Дѣлать нечего—я беру ихъ. Только вы ужъ потрудитесь или сами, или послать кого нибудь со мной за деньгами: я сегодня не думала этой покупки сдѣлать, а потому съ собою и не взяла, да къ тому же и мужу хочу прежде показать.

— Хорошо. Извольте. Это все равно.

Карлъ Ивановичъ—отложилъ въ сторону купленные футляры съ нитками, остальные положилъ въ шкафъ, позвалъ жену, одѣлся, взялъ футляры подъ мышку...

— Я готовъ, мадамъ.

— Такъ ѣдемте.

Барыня и Карлъ Ивановичъ вышли, сѣли и—карета покатилась.

Между тѣмъ какъ барыня наша Мина Федоровна Цугъ (такъ звали ее) каталась по городу,—въ одномъ изъ домовъ на Невскомъ, лежалъ на кушеткѣ въ богато-отдѣланной, если не роскошно, то со вкусомъ, квартирѣ, одинъ господинъ среднихъ лѣтъ, красивой наружности и то и дѣло чего-то все вздрагивалъ... Богъ его знаетъ, что гнѣздилось въ головѣ его. Время отъ времени онъ приподымался съ кушетки; бралъ себя обѣими руками за голову, задумывался и—все ворчалъ:

— Эхъ, кабы мнѣ эти брилліанты!.. Тогда-бъ... тогда-бъ... чортъ знаетъ, что бы я сдѣлалъ!.. Крезомъ, просто Крезомъ бы былъ... Оборотъ... Капиталъ бы нажилъ...

Вдругъ размышленія эти были прерваны приходомъ посланнаго.

— Пожалуйте баринъ,—заговорилъ онъ, барыня прислали сказать вамъ, чтобы вы немедля пріѣхали къ Амаліѣ Федоровнѣ, сестрицѣ ихней: туда, сказывали они, брилліанты привезутъ...

— А! Брилліанты! Значитъ и деньги!.. Ладно. Ступай. Сейчасъ буду...

Баринъ нашъ быстро вскочилъ съ кушетки, живо одѣлся и, не прошло и десяти минутъ по уходѣ посланнаго, какъ онъ уже мчался по Невскому проспекту къ церкви Знаменія. . . . . .

Вслѣдъ за симъ въ лечебницу Гера явилась Мина Федоровна въ сопровожденіи мущины. Войдя въ пріемную, она усадила мущину на стулѣ, а сама, не дожидаясь хозяина, влетѣла прямо къ нему въ кабинетъ.

— Я пріѣхала докторъ. Извините, что вошла безъ доклада, — заговорила она скороговоркой. Паціентъ вашъ—на лицо. Насилу ухитрилась—привезла. Будьте добры — займитесь имъ; оставляю вамъ его на полное ваше попеченіе. Надѣюсь, что вы употребите всѣ средства, чтобы привести его въ сознаніе...

— Что отъ меня, сударыня, будетъ зависѣть— все употреблю,—проговорилъ Геръ.

— Такъ теперь, значитъ, больше ничего—какъ отдать вамъ за леченіе деньги.

— Небезпокойтесь. Это еще успѣется.

— Нѣтъ ужъ сдѣлайте одолженіе: я во всемъ люблю порядокъ тѣмъ болѣе, что знаю правила вашей лечебницы.

Говоря это Мина Федоровна вынула изъ портъмоне сторублевую бумажку и положила на столъ доктору.

— Вотъ вамъ, пока за мѣсяцъ,—добавила она. По возможности я буду навѣщать васъ, съ увѣренностію, что вы приложите къ этому несчастному свою опытность и знаніе... Но вотъ что докторъ: какъ бы это сдѣлать такъ, чтобъ онъ не видалъ моего ухода? Иначе онъ отъ меня не отстанетъ, или

надѣлаетъ, пожалуй, непріятностей пока вы успѣете принять какія-либо мѣры: видите—у меня съ собою приманка, на которой онъ помѣшанъ.

Мина Федоровна показала изъ-подъ своего бурнуса футляръ съ бриллiантами.

— Понимаю. Но это очень просто устроить,— сказалъ Геръ. Вы пожалуйте не чрезъ эту дверь, а вотъ чрезъ ту—въ гостиную, а изъ гостиной мимо пріемной, въ зало, а оттуда—въ переднюю: онъ васъ и не увидитъ.

— Прекрасно. Только Бога ради докторъ!... Я на васъ надѣюсь и вполнѣ довѣряю...

— Будьте покойны. Насколько наука въ этомъ дѣлѣ сильна—все будетъ употреблено и надѣюсь оправдать ваше довѣріе.

— Очень вамъ благодарна.

— Теперь позвольте мнѣ знать званіе вашего мужа,—это необходимо.

— Помѣщикъ, корнетъ въ отставкѣ Степанъ Петровичъ Фыркаловъ.

— Хорошо.

Геръ записалъ фамилію эту въ свою больничную книгу.

— Больше ничего ненужно? — спросила Мина Федоровна.

— Нѣтъ, ничего.

— Такъ до свиданія докторъ! Я съ вами не прощаюсь: скоро опять увидимся.

— Мое почтеніе. Будьте здоровы.

Геръ проводилъ Мину Федоровну, другимъ ходомъ, чрезъ гостиную, изъ лечебницы и, вскорости, карета ея скрылась изъ глазъ.

Возвратясь къ себѣ Геръ тотъ-часъ вышелъ въ пріемную къ больному.

— Здравствуйте мусье!—сказалъ онъ, подходя къ паціенту.

— Мое почтеніе,—отвѣчалъ тотъ, раскланиваясь.

— Какъ себя чувствуете?

— Ничего, слава Богу, хорошо.

— Гм!.. Позвольте вашъ пульсъ!

Паціентъ—вытаращилъ на докто, а глаза.

— Пульсъ вашъ,—повторилъ Геръ.

Паціентъ машинально протянулъ ему руку.

— Ничего... небольшой жаръ... холодную ванну?..

— Напрасно вы, докторъ, безпокоитесь, перебилъ его паціентъ: я совершенно здоровъ.

— Да это вы говорите, а можете-ли за то ручаться?

— Положительно.

— А я вамъ скажу, что—нѣтъ. Вамъ необходимо полечиться.

— „Здороваго лечить—только портить“.

— Пословица хороша, а все-таки вамъ нужна медицинская помощь.

— Оставимте толковать объ этомъ докторъ! Вамъ, кажется, извѣстно, что я совсѣмъ не затѣмъ

къ вамъ пріѣхалъ, чтобы лечиться, а — деньги получить за бриллiанты, которые у меня взяты.

„Начинается“,—подумалъ Геръ.

— Хорошо. Потрудитесь подождать. Сейчасъ,— сказалъ онъ и—вышелъ,

Выйдя изъ пріемной Геръ отправился на больничную половину лечебницы, велѣлъ прислугѣ убрать особенный нумеръ для новаго паціента, фельдшеру— приготовить инструменты и—возвратился обратно, Паціентъ сидѣлъ на стулѣ.

— Пожалуйте за мной!—сказалъ ему Геръ.

Паціентъ всталъ со стула и быстро послѣдовалъ за докторомъ. Прошли корридоръ—повернули къ нумеру. Паціентъ шелъ, дивясь совершающемуся.

— Вотъ сюда прошу покорно, — сказалъ Геръ, растворяя предъ паціентомъ дверь нумера.

— Этотъ перешагнулъ порогъ. Докторъ послѣдовалъ за нимъ, притворивъ за собою дверь. Въ нумерѣ стоялъ фельдшеръ и два служителя.

— Ну-съ, милостивый государь, — продолжалъ Геръ, обращаясь къ паціенту, надѣюсь, что вамъ здѣсь будетъ и удобно и покойно.

— Къ чему все это докторъ? — въ недоумѣніи спросилъ послѣдній. Кажется отдать деньги и безъ этихъ приготовленій можно.

— Да, да, можно. И вы ихъ получите. Только извините у меня ужъ такъ заведено, такіе порядки...

— Да мнѣ ждать некогда! Если вамъ не нравятся бриллiанты, такъ возвратите мнѣ ихъ назадъ!

— Все, все будетъ сдѣлано.

— Пожалуста не держите меня!

— Хорошо, хорошо.

Докторъ—наблюдалъ за паціентомъ. Паціентъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на доктора. Прошло съ минуту времени.

— Скоро-ли докторъ? Увѣряю васъ мнѣ нѣкогда! Деньги или брилліанты — для меня все равно!..

— Успокойтесь. Все будетъ сдѣлано.

— Да когда же?

— Сію минуту, сію минуту.

Геръ—не двигался съ мѣста.

— Что жъ это значитъ докторъ?! Вы шутите со мною что-ли?! —сказалъ ужъ серьезно паціентъ.

— Нисколько.

— Такъ что жъ? Пожалуйте деньги, или брилліанты! я, наконецъ вами не интересуюсь!..

— Успокойтесь—прошу васъ.

— Что вы совѣтуете мнѣ успокоиться, когда сами выводите изъ терпѣнія.

— Потерпите.

— Наконецъ я подыму тревогу! Потребую полицію!

— Напрасно себя безпокоите.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! Да въ правѣ ли вы говорить мнѣ подобныя вещи? Деньги, повторяю, или брилліанты!

Паціентъ уже не говорилъ, а кричалъ: глаза его сверкали, лицо горѣло, весь онъ дрожалъ.

— Слушайте, докторъ! Послѣдній разъ говорю вамъ—деньги, или бриллiанты? Иначе я за себя не ручаюсь, — добавилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, подступая къ Геру.

Геръ — не отвѣчалъ, а только пристально посмотрѣлъ на него.

— Съумасшедшія рукавицы! — крикнулъ онъ фельдшеру и служителямъ.

Тѣ—мигомъ бросились къ паціенту и, не смотря на всѣ его усилія, въ одно мгновеніе раздѣли, надѣли на руки рукавицы, свалили на кровать и привязали...

— Караулъ! караулъ! Рѣжутъ! Грабятъ!—оралъ что есть мочи паціентъ.

Но на крикъ его, жалобы и говоръ—никто не обращалъ вниманія.

— Теперь оставьте его, — сказалъ Геръ хладнокровно фельдшеру, а когда успокоится—приготовить холодную ванну и дать мнѣ знать.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ фельдшеръ.

Геръ—ушелъ. За нимъ вышли изъ номера фельдшеръ и служители. Дверь затворилась. Долго послѣ этого слышны были крики, стоны и проклятія въ номерѣ паціента.

Вечеромъ сдѣлали нашему пріятелю новую операцію: силою, не взирая на резоны, которые онъ представлялъ, втащили его въ холодную ванну, проморили тамъ съ полчаса, надѣли съумасшедшую рубашку: до того ужъ онъ бѣсился на доктора и

окружавшихъ его; потомъ опять положили его въ кровать и — ушли. Проклятія за ними — дробью полетѣли...

— Ты смотри, внимательнѣй за нимъ присматривай,—сказалъ Геръ фельдшеру, уходя.

Фельдшеръ—утвердительно кивнулъ головою.

Тѣмъ временемъ, какъ это происходило въ лечебницѣ Гера,—въ домѣ, у церкви Знаменія, въ квартирѣ прилично меблированной, сидѣли, за столомъ, три персоны. Это были: Мина Федоровна, сестра ея Амалія и господинъ въ усахъ. На столѣ лежали футляры съ брилліантами. Мина только-что пріѣхала.

— Ну, Мина, разскажи, — сказала, улыбаясь, Амалія, какимъ образомъ ты все это обдѣлала?

— И разсказывать нечего,—отвѣтила Мина, какъ говорено было, такъ и сдѣлала. Сперва поѣхала я къ доктору, предупредила его, что привезу ему, на излеченіе, мужа, помѣшаннаго на брилліантахъ, а потомъ поѣхала къ ювелиру, купила вотъ эти ожерелья и повезла его за деньгами къ доктору, сказавъ ему, что докторъ — мнѣ мужъ. Пріѣхавши въ лечебницу, я оставила нѣмца въ пріемной, а сама, взявъ брилліанты, вошла къ доктору, дала ему сто рублей за мѣсяцъ и вышла другимъ ходомъ, увѣривъ доктора, что это необходимо потому, нѣмецъ—мужъ мой—ха, ха, ха!—отъ меня не отстанетъ. Док-

торъ повѣрилъ и даже проводилъ меня самъ. Нѣмецъ остался тамъ. Я его назвала помѣщикомъ Фыркаловымъ. Вотъ и все. Я—здѣсь...

— Ха, ха, ха!—загрохоталъ сидѣвшій на диванѣ господинъ, тотъ самый, котораго мы видѣли въ домѣ у Казанскаго Собора, молодецъ Минушка! Дай, мой другъ, я тебя за это поцалую!

Любовники—поцаловались.

— Что-то нѣмецъ теперь подѣлываетъ? — продолжалъ усачь. Вѣрно пилюли, аль ванну холодную принимаетъ... ха, ха, ха!.. А докторъ-то, докторъ! Вотъ въ дураки съигралъ, такъ съигралъ! Го, го, го!.. Охъ, батюшки!.. Ну, умора!.. Ха, га-а-а!..

— Да перестань гоготать!—перебила Мина. Лучше подумай, что съ брилліантами теперь дѣлать.

— Го, го, го! Нѣмецъ-то, нѣмецъ.

— Полиція—вѣрно здѣсь рыскать будетъ.

— Продалъ брилліанты, чортъ побери! Нажилъ! Ха, ха, ха!.. Уфъ!.. Объ этомъ ты не безпокойся: я въ Москву завтра ѣду и тамъ ихъ если не разомъ, такъ по зернышку сбуду. Достать—умудриться надо, а сбыть—фью, фью!.. плевое дѣло... тфу!.. Давай-ка лучше выпьемъ, закусимъ и отправимся покутить за городъ, чортъ съ нимъ и съ нѣмцемъ! Ты Амалія съ нами поѣдешь?

— Отчего же не поѣхать? — отвѣчала Амалія. Ѣду. Только надо за моимъ послать.

— Конечно! Бредетъ.

Вскорости къ компаніи нашей присоединилось

*

четвертое лицо—толстый нѣмецъ, съ кучею дорогихъ перстней на рукахъ. Пріятели закусили, сѣли въ карету и помчались на Крестовскій...

Спустя дня два послѣ этого жена Карла Ивановича, выбѣгавшая почти весь городъ, всѣ Части, всѣ больницы, отыскала, наконецъ, мужа въ лечебницѣ Гера... Тутъ дѣло объяснилось, что Карлъ Ивановичъ—вовсе не съумасшедшій, что онъ—вовсе не помѣщикъ Фыркаловъ, что привезшая его дама въ лечебницу—вовсе не жена ему, но что она, назвавъ и его и доктора своими мужьями, — только обманула и того и другаго, и — можете себѣ представить сцену, какая произошла при этомъ открытіи!.. Геръ—вытянулъ физіономію на три аршина, Карлъ Ивановичъ — изъ здороваго сдѣлался просто съумасшедшимъ: бѣгалъ, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, жена—заливалась слезами... Общими силами бросились, было, на розыски, заявили полиціи, искали, ходили, бѣгали, шныряли вездѣ; но всѣ поиски — остались напрасными: бриллiантозыя ожерелья были, въ то время, уже въ Москвѣ...

Карлъ Ивановичъ—въ самомъ дѣлѣ, послѣ этой катастрофы, рехнулся. Не знаю—вылечился-ли?

3.

СЕКРЕТАРЬ.

Былъ у меня знакомый, прежде когда-то сослуживецъ по одному присутственному мѣсту, а теперь губернскій секретарь въ отставкѣ—не болѣе, нѣкто Исай Филатычъ Павловъ. Это былъ человѣчишко маленькаго роста, колченогій, горбатый, съ какою-то орангутангскою физіономіею и, въ добавокъ сказать, на дѣлѣ — глупъ какъ пробка, за то на словахъ — какъ на органахъ: брешетъ, бывало, не заикнется. Бросилъ Исайка службу не по собственному желанію, а просто-таки его выгнали за то,что взялъ съ просителя гривенникъ за скорѣйшую выдачу отсрочки въ то время когда ему пообѣдать не на что было. Ну выгнали—пошелъ бродить Исайка по городу. Родни у него никакой не было, гдѣбы онъ могъ пріютиться, а потому, проживъ всѣ свои вещишки, какія тамъ были, Исайка явился ко мнѣ.

— Сдѣлай милость братецъ,—сказалъ онъ, по старой службѣ — позволь мнѣ нѣсколько времени прожить у тебя, покуда какое-нибудь мѣстечко пріищу! Ей-Богу ночевать негдѣ, а объ ѣдѣ ужъ и говорить нечего!..

Дѣлать нечего—принялъ я къ себѣ Исайку: вижу, что исходу человѣку нѣтъ, хоть и то нужно сказать, что и самъ кое-какъ перебивался, на 17 рублей жалованья жилъ. Ну-съ хорошо. Живетъ мой Исайка у меня недѣлю—другую, мѣсяцъ, полгода, годъ живетъ, каждый Божій день рыщетъ по городу, ищетъ мѣстечка; но, какъ на грѣхъ, нигдѣ, бѣднягѣ, не удавалось: все сулили, обѣщали, но никто ничего не дѣлалъ. Такъ прошелъ годъ съ лишнимъ. Исайка всю бумагу у меня исписалъ на докладныя записки къ разнымъ должностнымъ лицамъ и мѣстамъ, а все толку не было. Отчаялся мой Исайка...

Только одинъ разъ—это было зимою—пришелъ я изъ должности, отобѣдалъ и засѣлъ что-то переписывать, ужъ теперь и не помню что, Исайки не было дома, — какъ вошла ко мнѣ моя квартирная хозяйка.

— Иванъ Павлычъ! Кульеръ кого-то изъ васъ спрашиваетъ,—сказала она.

— Какой курьеръ?

— А Богъ его знаетъ. Съ бумагою пришелъ.

— Зовите его сюда.

Вслѣдъ за симъ явился курьеръ.

— Вы г. Павловъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не я.

— А они здѣсь живутъ?

— Здѣсь, только его нѣту дома.

— Да какъ же быть?

— А что?

— Имъ пакетъ есть: надо росписаться.

— Откуда пакетъ?

— Изъ N. Департамента.

— Все равно, давай, я роспишусь, а потомъ передамъ ему, когда придетъ.

— Сдѣлайте милость, ваше б-діе!

И, говоря это курьеръ раскрылъ передо мною разсыльную книгу. Взялъ я пакетъ; на пакетѣ — надпись: „его в-дію Исаю Филатовичу Павлову"; росписался въ принятіи; курьеръ—вышелъ...

„Что-бы это такое ему?—подумалъ я, оставшись наединѣ. Не благодать-ли какая?"

Сначала я не рѣшался вскрыть пакета: но, потомъ, любопытство взяло верхъ—вскрылъ; гляжу—бланокъ N... Департамента; читаю бумагу: „N... Департаментъ, написано тамъ, извѣщаетъ васъ, мил. государь, что вы на должность секретаря Департамента опредѣлены, а потому проситъ завтрашняго дня вступить въ отправленіе этой должности".

— Э-э, такъ вотъ что! Вотъ какъ наши! Ай-да Исайка!—невольно проговорилъ я. Браво! Ишь хитрая какая шельма и не сказалъ мнѣ ничего! Браво, ей-богу браво! Ну погоди жъ я тебя за это хоть маленько помучаю...

Вскорости колесомъ привалилъ Исайка весь въ снѣгу, до костей промокшій. Я пакетъ спряталъ.

— Ну, что новаго? Гдѣ былъ?—спрашиваю.

— Да ходилъ ужъ чортъ знаетъ и куда, самъ

не знаю! Просто съ толку сбился! Заходилъ вотъ къ этому купцу первой гильдіи, что на нашемъ углу, на лоткѣ, рубцами торгуетъ, просилъ, за прежнія благодѣянія, хоть полтинникомъ ссудить, такъ и то отказалъ, каналья: „нѣту-ти“ говоритъ; думалъ хоть косушку, съ горя, разломить...

— И только?

— Только.

— Ой, брешешь?

— Что мнѣ врать-то: нечего.

— Нѣтъ, братъ, я замѣчаю, что ты передо мною начинаешь скрытничать.

— Какъ скрытничать?

— Да такъ скрытничать: хитрить значитъ.

— Полно пустяки городить!

— А хочешь—докажу?

— Чѣмъ?

— Найду чѣмъ.

— А чѣмъ?

— Вотъ чѣмъ! На- а, прочти...

Тутъ я вынулъ изъ-подъ подушки пакетъ и подалъ Исайкѣ. Исайка взялъ, прочиталъ и — глаза вытаращилъ отъ удивленія и радости.

— А что, говорю, попался!

Исайк —молчалъ.

— Вотъ и секретарь Департамента теперь! — продолжалъ я. Честь имѣемъ поздравить! Не забудьте и насъ грѣшныхъ своими милостями!..

Исайка проковылялъ раза два по комнатѣ.

— Гм!—проговорилъ онъ, неожиданно, право неожиданно... Правда я просилъ тамъ одного человѣка похлопотать о моемъ опредѣленіи, даже прошеніе подалъ на канцелярскую вакансію; но такой благодати—признаюсь—не ожидалъ.

— Ну, ожидалъ, или не ожидалъ, говорю—это все равно. Однимъ словомъ ты секретарь теперь и—кончено!

Исайка самодовольно улыбнулся и съ гордой осанкой прошелся по комнатѣ.

— Вотъ оно, что значитъ — секретарь: уже и запузырился,—сказалъ я. Нечего тутъ дуться какъ мышь на крупу! Посылай-ка лучше, на радостяхъ, за водкой: съ тебя литки...

— Я непрочь отъ этого; но гдѣ взять денегъ?

— Спроси у хозяйки. Объяви ей, что ты теперь уже не Исайка, а Исай Филатычъ Павловъ секретарь Департамента, да-съ.

— А и въ самомъ дѣлѣ.

Исайка полетѣлъ къ хозяйкѣ, наговорилъ ей кучу ерунды, прочиталъ бумагу Департамента, вымаклачилъ, въ силу этого, рубль, сбѣгалъ въ кабакъ и, вскорости, на столѣ у насъ красовался полуштофъ дешевки и селедка съ лукомъ.

— Все это, братецъ ты мой, хорошо,—заговорилъ Исайка, пропустивъ рюмки двѣ водки; но вотъ что скверно — не знаю, что и придумать, какъ и обойтись...

— А что?

— Въ чемъ я завтра въ Департаментъ явлюсь? Погляди самъ: брюки, пальто, вицъ-мундиръ, сапоги,—просто ни начто не похожи!..

— Это не бѣда.

— Какъ не бѣда? Срамъ явиться. Что обо мнѣ подумаютъ? Пьяница—скажутъ...

— Этому горю поможемъ: мое платье надѣнешь, хотя и не въ пору тебѣ, да какъ нибудь приладимъ: брюки повыше подвяжешь, сапоги получше ваксою наярь... сбредетъ!..

— Ну, спасибо братецъ! Дай только Богъ мнѣ укрѣпиться: я тебя никогда не оставлю, вытяну, по вѣкъ не забуду!..

Долго, чуть-ли не заполночь, бесѣдовали мы такимъ образомъ съ Исайкой. Исайка все строилъ воздушные замки, тѣшился надеждою будущихъ благъ. Наконецъ полштофъ былъ допитъ и — мы улеглись...

На другой день Исайка облачился въ мои ризы и ушелъ въ свой новый Департаментъ. Я—тоже на службу побрелъ. Прихожу въ четыре часа домой. Исайки—нѣтъ. Черезъ полчаса—является... Что, значитъ, подумаешь, счастіе?.. И узнать человѣка нельзя! Пришелъ мой Исайка домой такой живой, бойкій, и влаза не такъ глядятъ, и говоритъ-то уже иначе, и смѣется не по прежнему, и ходитъ какъ-то вытянувшись, важно,—словомъ переродился Исайка.

— Ну, что, какъ?—спрашиваю.

— Да ничего: начало, слава Богу, хорошо,— отвѣчалъ онъ, потирая съ самодовольствіемъ руки.

— Какъ же дѣло-то у васъ было?

— А вотъ какъ. Пришелъ я, знаешь, въ Департаментъ еще никого изъ начальствующихъ лицъ небыло, только канцелярія собралась; вскорости прикатилъ и правитель дѣлъ; я ему представился, отрекомендовался, что я, молъ, такой-то и подалъ ему повѣстку Департамента. „Очень пріятно, очень пріятно, — говоритъ, прошу покорно!“ и подвинулъ мнѣ стулъ. Я сѣлъ. Покалякали мы съ нимъ тутъ минутъ десять. Потомъ онъ меня по Департаменту повелъ, отрекомендовалъ всѣмъ служащимъ: „вотъ дескать, вамъ вашъ новый секретарь“; тѣ, конечно встали, всѣ мнѣ поклонились; затѣмъ мы пошли обратно въ канцелярію. Здѣсь правитель указалъ мнѣ на столъ, за которымъ я долженъ сидѣть и— усѣлся на свое мѣсто; я—тоже сдѣлалъ. На столѣ лежало нѣсколько дѣлъ и бумагъ, подлежащихъ моему просмотру; я взялъ ихъ, перелистовалъ всѣ, поглядѣлъ туда-сюда, да такъ и положилъ какъ были: чортъ ихъ знаетъ, братецъ ты мой,—ничего ровно въ нихъ не понимаю! Присутствія у насъ сегодня не было, да и завтра не будетъ: всего только три раза въ недѣлю и бываетъ, тогда и предсѣдатель пріѣжаетъ; ну-съ дакъ я, досидѣвши до четырехъ часовъ, простился съ правителемъ канцеля-

ріи и ушелъ. Вотъ тебѣ на первый разъ и все! Не знаю, что дальше будетъ?..

— Слава Богу и за это: начало доброе. А что касается дѣлъ, то привыкнешь, братъ, поймешь: „не все-жъ святые горшки лѣпятъ“...

— Да... конечно... присмотрюсь, а потомъ какъ по маслу...

— Ра-зу-мѣ-ется! Вникай только въ суть больше...

Въ такихъ тарахъ-барахъ вечеръ у насъ и прошелъ.

На утро Исайка опять отправился на службу... Приходитъ изъ службы домой.

— Что, какъ сегодня?—говорю.

— Ничего, попрежнему, — отвѣтилъ Исайка. Когда я пришелъ — въ присутствіи еще никого не было. Вотъ я перышки всѣмъ присутствующимъ и карандаши починилъ, подкладочки положилъ предъ каждымъ; потомъ по канцеляріи прошелся; всѣ встали, какъ и вчера мнѣ поклонились; я важно эдакъ съ ними раскланялся; вслѣдъ засимъ пришелъ правитель дѣлъ и кое-кто изъ членовъ; я поздоровался съ ними, членамъ — отрекомендовался; они пожали мнѣ, по пріятельски, руку и — усѣлись. Толковали о преобразованіи какихъ-то телегъ; что-то долго спорили, кричали—на лѣстницу даже слышно было, подавали мнѣнія—голоса; но никто ни съ кѣмъ не соглашался: ужъ что они хотѣли изъ головъ своихъ выложить—самъ чертъ не разберетъ,—съ тѣмъ

и разошлись, отложивъ споръ до завтра, до присутствія значитъ; за ними вышелъ и я. Только, братецъ ты мой, вотъ что меня сегодня взбѣсило...

— А что?

— Швейцаръ, подлецъ, при выходѣ, сильно на меня покосился. Ну, ужъ я ему этого никогда не забуду! Выгоню, непремѣнно выгоню! Как только до жалованья—расчетъ и—вонъ.

— Ну, съ швейцаромъ успѣешь еще справиться: онъ всегда въ твоихъ рукахъ. А дѣла-то какъ твои?

— Все также: лежатъ.

— Ты позаймись ими, а то пожалуй...

— Какъ же, какъ же, перебилъ Исайка, непремѣнно займусь! Дай только мнѣ маленько къ нимъ приглядѣться, а тамъ пойдемъ ворочать... Вотъ сегодня, напримѣръ, пришлось мнѣ требованіе экзекутору писать на канцелярскіе матеріалы; подали мнѣ росписаніе — чего, значитъ, и сколько нужно требовать; взялъ я росписаніе, вертѣлъ, вертѣлъ его, а написать требованія, братецъ ты мой, — и пасъ, хоть зарѣжь — не знаю какъ, ну, да спасибо тутъ одинъ канцелярскій подвернулся и подсунулъ мнѣ формочку какъ писать, вотъ я и написалъ, да и то три раза переписывалъ: все ошибался. Всего братецъ ты мой, съ разу не хватишь!

— Такъ... такъ... Помогай Богъ!.. Умудряйся...

Между тѣмъ какъ мы вели эти переговоры, въ одномъ изъ трактировъ близъ Адмиралтейской площади, собравшіеся человѣкъ пять-шесть канцелярскихъ чиновниковъ того Департамента, гдѣ служилъ уже теперь Исайка, толковали о немъ слѣдующее:

— Ну, выписали звѣря—нечего сказать!—говорилъ одинъ. И кто это позаботился?

— Извѣстно кто—генералъ... Обезьяна, чистая обезьяна!

— Орангутангъ изъ Бразиліи!

— Изъ Месопотаміи лягушка!

— Ни рожи, но кожи—никуда не годится!

— И, въ добавокъ, глупъ какъ пробка!—заключилъ послѣдній, тотъ самый, который подалъ Исайкѣ въ Департаментѣ формочку какъ писать экзекутору требованіе и тутъ же разсказалъ товарищамъ про эту исторію. Всѣ хохотали.

На четвертый день служебнаго поприща Исайки мнѣ, не помню ужъ вслѣдствіе чего, понадобилось пораньше выйти изъ службы. Вышелъ я. Это было около двухъ часовъ по полудни. Прошелъ по Садовой — повернулъ на Вознесенскій. Но только что дошелъ до вознесенскаго моста—гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю: ведутъ по ту сторону проспекта моего секретаря Исайку два будочника на веревочкѣ.

„Да не обознался-ли я?“—думаю.

Перешелъ проспектъ. Догналъ процессію. Такъ!.. не ошибся!.. Исайка, подлецъ! Идетъ себѣ, шельма, впереди только головою потряхиваетъ...

„Чтобы это значило?—подумалъ я... Вотъ тебѣ и служба! Вотъ тебѣ и секретарь! Ахъ, ты мерзавецъ“!..

Обогналъ я будочниковъ—поровнялся съ Исайкой

— Что съ тобой Исайка?--спрашиваю.

Исайку отъ этого вопроса съ панели такъ и поточило.

— Что съ тобой? — повторилъ я, подолжая шествіе.

Исайка взглянулъ на меня и покраснѣлъ какъ ракъ: до нельзя сконфузился.

— Ну, что жъ ты?..

— Ничего,—сухо отвѣчалъ Исайка.

— Да говори! Что такое?

— Видишь ведутъ, что жъ тебѣ еще?

— Куда и зачѣмъ?

— Въ часть, для удостовѣренія въ званіи и отдачи на поруки: я на тебя указалъ, что ты меня знаешь.

— Тфу-ты, чортъ тебя подери! Да въ чемъ дѣло-то скажи?

— А въ томъ, что я теперь больше не секретарь...

— Что жъ это значитъ? Подрался что-ли съ кѣмъ? выключили?..

— Было. Сторо у въ рыло влѣпилъ, когда меня начали выводить.

— Откуда?

— Извѣстно изъ Департамента.

— За что?

— За то, что я вовсе секретаремъ тамъ никогда небылъ и никто меня туда не опредѣлялъ.

— Какъ-такъ?

— Да такъ. Сегодня пришелъ другой Исай Филатычъ Павловъ, тоже губернскій секретарь, однофамилецъ, настоящій значитъ, котораго самъ генералъ опредѣлилъ... Отношеніе ко мнѣ, по ошибкѣ, попало...

— Что ты?!..

— Вѣрно. Да хорошо еще, что дѣло было до присутствія: предсѣдателя и членовъ еще не было, а то—просто посрамился-бъ.

— Ну?

— Ну, конечно, меня попросили выйти вонъ...

— За что жъ ведутъ тебя теперь на веревочкѣ?

— Я тебѣ сказалъ, что сторожу въ рыло далъ: когда я выходилъ, всѣ начали шикать и смѣяться, я не вытерпѣлъ, ну и съѣздилъ одного по сусаламъ, меня и отправили въ Часть. Теперь препровождаютъ въ нашу значитъ, гдѣ я живу.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Нѣтъ, ваше б—діе, — отозвался тутъ одинъ изъ будочниковъ, — они не все, значитъ, вамъ ска-

зываютъ... Когды сторожа вывели ихъ на улицу и позвали полицію, чтобъ взять и отправить въ Часть,— они и давай что есть мочи орать: „караулъ“! Мы подошли, начали брать; такъ куда тебѣ! И ногами и руками, словно мельницей, ихъ б—діе такъ и замололи: то и дѣло волчка то тому, то другому изъ насъ и давай пускать то въ грудь, то въ брюхо, сопротимленіе, значитъ, и учинили... И — это здѣся приписано.

Говоря это будочникъ, на ходу, раскрылъ разсыльную книгу и показалъ мнѣ отношеніе В... Части—въ нашу. Я мелькомъ пробѣжалъ бумагу. Тамъ между прочимъ, было сказано, что Исайка взятъ за нанесеніе удара сторожу, сопротивленіе полиціи и крикъ, безъ надобности, „караулъ“ и препровождается для удостовѣренія въ званіи и отдачи на поруки, если не встрѣтится къ тому законныхъ препятствій.

— Ахъ, ты проклятая Исайка!—проговорилъ я. Мало того, что въ дураки попалъ, еще и калабродить началъ! Ступай. Я, чрезъ часъ, буду.

И съ этимъ я отсталъ отъ кавалькады.

Чрезъ часъ мнѣ не удалось поспѣть, а вечеромъ—прихожу въ Часть. Исайка—въ арестантской. Я попросилъ дозволить мнѣ видѣться съ нимъ. Дозволили. Вызвали Исайку на верхъ, въ дежурную комнату.

— Ну, что, какъ?—спросилъ я.

— Ничего. Недавно допрашивали, — отвѣчалъ Исайка.

— О чемъ?

— Разумѣется по обстоятельствамъ дѣла.

— Что жъ ты показалъ?

— Извѣстно что показалъ. Показалъ, что я дѣйствительно съѣздилъ сторожа въ ухо, чтобъ несмѣлъ впередъ, подлецъ, скалить зубы предъ старшими себя, а на счетъ будочниковъ отперся—спасибо письмоводитель добрый человѣкъ научилъ—говорю: что я вовсе не кричалъ, безъ надобности, „караулъ“, а когда меня сторожа вывели изъ Департамента, я нанималъ извозчика и кричалъ: „извозчикъ, къ Покрову“!. а будочники, недослышавши, приняли это слово за „караулъ“; ну, конечно, я тутъ съ разу не позволилъ имъ съ собою распорядиться, огрызался только, но никакъ не сопротивлялся...

— Ха, ха, ха! Ахъ, ты подлецъ! Ну?

— Больше ничего.

Вслѣдъ за симъ вышелъ въ канцелярію приставъ—ему доложили дѣло. Посмотрѣлъ онъ пристально на Исайку, чуть не прыснулъ тутъ, прочитавши его показаніе и отдалъ мнѣ его на поруки впредь до окончанія съ сторожемъ дѣла.

— Что жъ ты теперь будешь дѣлать?—сказалъ я Исайкѣ, идя съ нимъ дорогою.

— Буду опять искать мѣста, — отвѣчалъ онъ:

авось и на самомъ дѣлѣ попаду куда нибудь секретаремъ.

— „Далеко, братъ, кулику до Петрова дня“.

И съ тѣхъ поръ Исайка попрежнему скитается по бѣлу свѣту, по прежнему ищетъ мѣста. Вотъ тебѣ и секретарь!..

4.

КАЗУСЪ.

(РАЗСКАЗЪ КВАРТАЛЬНАГО).

Въ одно время, сударь вы мой, проживала въ моемъ кварталѣ, одна барыня—актриса, то-есть не изъ тѣхъ попрыгунь, что чужими крохами питаются, а какъ есть — дама хорошаго поведенія, жалованье большое въ театрѣ получала, звали ее Катериной Петровной Горловой. Жила она одиночкою потому что вдова ужъ была: лѣтъ съ пять какъ мужа похоронила; изъ себя недурна была, молодая еще бабенка, такъ лѣтъ за 25; изъ прислуги никого больше не держала какъ только кухарку: эта замѣняла ей все и лакея, и повара и горничную; занимала она квартиру въ домѣ Тычкина въ четыре небольшихъ комнатки: зало, гостиная, столовая и спальня; служанка жила въ кухнѣ,—словомъ Катетерина Петровна жила у меня скромно, лишнихъ затѣй себѣ никогда не позволяла и ни съ кѣмъ изъ

мужскаго полу не валандалась, по крайней мѣрѣ никакихъ слуховъ про нее на этотъ предметъ не носилось. Ну-съ, хорошо...

Время было зимнее—декабрь мѣсяцъ, Въ шесть часовъ вечера Катерина Петровна отправилась въ театръ на спектакль. Кончилось тамъ представленіе. Въ половинѣ двѣнадцатаго возвратилась она обратно. Вошла къ себѣ—кухарка ее встрѣтила и заперла за нею дверь.

— Евфросинья (такъ звали кухарку),—сказала она въ передней, поставь-ка самоваръ: меня что-то жажда мучитъ, пить хочется, да приготовь послѣ чего нибудь закусить.

— Хорошо барыня,—сказала Евфросинья и, захлопнувъ другую наружную дверь, сняла съ Катерины Петровны салопъ, повѣсила тутъ же на вѣшалкѣ и отправилась въ кухню хлопотать около самовара.

Катерина Петровна—вошла въ комнаты, скинула шляпку, бросила куда попало прочую, какая тамъ была на ней, аммуницію, надѣла блюзу и, чрезъ спальню, вышла въ кухню отъ нечего дѣлать поболтать съ Евфросиньею...

Прошло полчаса — самоваръ поспѣлъ. Катерина Петровна напилась чаю; вслѣдъ засимъ—подзакусила, затворила въ спальнѣ дверь и улеглась. Евфросинья въ кухнѣ занялась уборкою и мытьемъ посуды.

Только не успѣла еще Катерина Петровна и вздремнуть порядкомъ,—какъ послышалось ей, что

въ гостиной кто-то прохаживается. Дальше начала прислушиваться—такъ, вѣрно, слышны чьи-то тихіе, на цыпочкахъ, шаги. Не думая, что это ходитъ Евфросинья, потому что та въ кухнѣ брякала еще посудою,—Катерина Петровна, не теряя, впрочемъ, присутствія духа, потихоньку встала съ постели и чуть слышно вышла въ кухню.

— Евфросинья,—сказала она шопотомъ: у насъ что-то не благополучно, кто-то въ гостиной и зало ходитъ...

— Что вы, барыня?! — прохрипѣла въ испугѣ Евросинья.

— Тсъ! Ни слова! Тутъ пугаться нечего, а надо съ толкомъ распорядиться. Вѣдь насъ тутъ только двѣ женщины: кто не захочетъ — обидитъ. Такъ ты ступай корридоромъ и запри въ зало дверь, а я—въ тужъ минуту запру изъ спальни: вору и некуда будетъ выйти, а затѣмъ какъ можно скорѣй бѣги за дворникомъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Заперли бабы двери и тотъ-часъ дали знать о случившемся дворнику. Вскорости прибѣжавшій въ управленіе квартала дворникъ заявилъ, что въ квартиру актрисы Горловой забрался мазурикъ и теперь тамъ сидитъ... поймали...

Дѣлать нечего — поднялся я. Это было уже въ часъ ночи. Взялъ двухъ-трехъ городовыхъ, дворниковъ человѣка два—прихожу. Въ передней встрѣтила меня Катерина Петровна съ Евфросиньей,

объяснила въ чемъ дѣло и какъ они въ этомъ случаѣ ухитрились...

— Отоприте дверь,—сказалъ я.

Катерина Петровна подала мнѣ оба ключа и отъ зало и отъ спальни. Отперъ я дверь въ зало. Вошли толпою. Осмотрѣлъ всѣ углы — никого нѣтъ. Пошли дальше въ гостиную. Съ перваго раза—никого не замѣтили; но, приглядѣвшись, увидѣли молодца, лежавшаго на кушеткѣ въ одномъ только нижнемъ платьѣ и сорочкѣ, притворившагося спящимъ. Около него на креслахъ лежало его верхнее платье, женская юбка и еще кое-что. Парень, повидимому, былъ не изъ простыхъ, а — бритыхъ, на барина смахивалъ. Подойдя къ кушеткѣ, я толкнулъ его въ бокъ. Молодецъ вскочилъ какъ-бы съ просонокъ и началъ протирать глаза.

— Вы зачѣмъ здѣсь милостивый государь? — спросилъ я.

Парень не отвѣчалъ, а только—зѣвнулъ во весь ротъ.

— Я васъ спрашиваю: зачѣмъ вы здѣсь? — повторилъ я.

— А вамъ какое дѣло?—отвѣчалъ онъ небрежно. Вы-то зачѣмъ?

— Вы не имѣете права меня спрашивать! Когда я здѣсь—значитъ по обязанности!..

— А-а!.. Если по обязанности, то — дѣлайте свое дѣло, а меня оставьте въ покоѣ.

— Дѣло касается васъ.

— Меня?

— Да.

— Чтожъ вамъ отъ меня нужно?

— А то, что вы забрались не въ свою квартиру.

— Совершенно съ вами согласенъ.

— Зачѣмъ?

— Опять таки скажу, что—не ваше дѣло.

Все это молодецъ говорилъ хладнокровно, сидя на кушеткѣ, свѣсивъ ноги.

— Вы играете со мною въ бирюльки? — проговорилъ я.

— И недумаю.

— Зачѣмъ же—скажите—вы пришли сюда?

— Не имѣю причины и надобности отвѣчать, пока, вамъ на это.

— Васъ обвиняютъ въ воровствѣ, или, по крайней мѣрѣ, намѣренiи сдѣлать кражу!..

— Кого?! Меня?! Кто обвиняетъ?—съ притворнымъ удивленiемъ спросилъ мазъ.

— Вотъ они.

Я указалъ на Катерину Петровну.

— Она?!

— Да.

— Что съ вами сударыня сдѣлалось? Въ умѣ ли вы?—обратился нашъ молодчикъ къ Катеринѣ Петровнѣ, по прежнему сидя на кушеткѣ въ одномъ нижнемъ платьѣ.

— Помилуйте, я васъ совершенно не знаю!—

отвѣчала та,—и не понимаю какимъ образомъ и зачѣмъ вы ко мнѣ забрались!..

— Хм!.. Вы не понимаете?—насмѣшливо проговорилъ мазъ. Зачѣмъ же вы приглашали меня сюда?..

— Я?! Васъ?! Боже мой!

— Да... вы... меня... Обратите г. надзиратель вниманіе вотъ на эту юбку—вотъ и можете догадаться зачѣмъ она меня приглашала.

Я взглянулъ на юбку: она лежала на платьѣ мазурика.

Вотъ шельма,—подумалъ я, такъ шельма, все подлецъ подготовилъ. Но увидимъ, что дальше будетъ.

— Вы безсовѣстно лжете!—перебила, съ краской на лицѣ и слезами на глазахъ, Катерина Петровна. Вы—просто воръ, мазурикъ!..

— Никогда такимъ не былъ и не буду!.. Ну, полно Катя! Чортъ знаетъ, что ты затѣяла—полицію еще звать: я-бы и такъ ушолъ.

— Боже мой!

— Признаться г. надзиратель я не много покапризничалъ: усталъ, не хотѣлось домой итти...

— Врешь ты бездѣльникъ! — выходя изъ себя закричала тутъ Катерина Петровна. Г. надзиратель! Потрудитесь спросить мою прислугу и тащите пожалуста этого мерзавца скорѣе вонъ!..

Опросилъ я Евфросинью—эта подтвердила слова барыни.

— Врутъ они мерзавки обѣ!—заговорилъ мазъ, вставая съ кушетки, когда я кончилъ допросъ Евфросиньи. Я бы никогда сюда не зашелъ, если бы она сама, по выходѣ изъ театра, меня къ себѣ не пригласила! Конечно, какъ человѣкъ холостой, я заинтересовался этимъ приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ перваго раза мнѣ показалось, что имѣю дѣло съ порядочной женщиной. Пріѣхавши, мы вотъ здѣсь, на этой кушеткѣ, съ часокъ таки пошалили... Просила впередъ къ ней заходить, только теперь—поскорѣе отправляться, потому что она ждетъ къ себѣ вскорости какого-то полковника; я — заупрямился, не хотѣлъ уступить новыхъ правъ своихъ, раздѣлся, легъ вотъ сюда, на кушетку и не помню какъ и заснулъ, а она тѣмъ временемъ распорядилась послать за полиціей... Неправда ли сударыня?—заключилъ онъ, оскаливъ Катеринѣ Петровнѣ зубы.

— Ахъ, Боже мой, какая мѣщанская наглость! Какая гнусная клевета!—проговорила Горлова въ слезахъ. Г. надзиратель! Прошу васъ избавьте меня поскорѣе отъ этой подлой пытки: я не могу далѣе переносить!..

— Нечего вамъ, сударь, басни разсказывать, православныхъ обморачивать!—сказалъ я подступая къ мазу. Г-жѣ Горловой не было никакой надобности посылать за полиціей, если бъ вы не забрались сюда съ какимъ-либо злымъ умысломъ: васъ

могли-бы вывести и съ помощію одного дворника. Одѣвайтесь! Сказывайте—вы кто?

Мазъ началъ одѣваться; но не отвѣчалъ. Я повторилъ вопросъ.

— Я?—произнесъ онъ. На что вамъ это?

— Нужно, чтобы знать съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

— Много чести.

— Да говорите! а иначе я представлю васъ въ Часть, какъ неизвѣстнаго званія человѣка: все равно добьются.

— Ну, извольте, такъ и быть! мѣщанинъ Буркаловъ, въ гимназіи учился...

— Ахъ, ты мошенникъ, шельмецъ!—ужъ не вытерпѣлъ я тутъ. Ишь свинья, вздумалъ еще бариномъ притворяться! Тоже на барскій дворъ затесался! Одѣвайся скорѣй свиное рыло! Нето... Гдѣ живешь идолъ? Сказывай!

— У товарища.

— А гдѣ квартира?

— Говорятъ вамъ у товарища живу: квартиры своей не имѣю.

— И, послѣ этого, ты, мошенникъ, говоришь, что не забрался сюда воровать?

— Никакъ нѣтъ,—сухо произнесъ мазъ.

— Обыскать его!

Городовые ощупали аммуницію мазурика. Въ карманахъ—ничего не нашли; но за обшлагомъ пальто нашли бриллiантовыя сережки и золотую, сдѣланную кольцомъ, плоскую браслетку.

— Вотъ, вотъ вамъ, г. надзиратель и доказательства, что онъ забрался сюда воровать, — заговорила Катерина Петровна, увидѣвъ серьги и брошки: это—вещи мои, подарокъ моего мужа.

— Откуда они?—спросилъ насмѣшливо мазъ.

— Конечно, куплены...

— Знаю что неукрадены; но они вовсе вамъ не принадлежатъ, а достались мнѣ послѣ покойной сестры моей: я ношу ихъ на память...

— Хорошо. Г. надзиратель! Потрудитесь прочесть надпись въ серединѣ браслета.

Я прочелъ. Тамъ было написано: „Екатеринѣ Петровнѣ Горловой, 21 января 1859 года“.

Маза передернуло, онъ никакъ этого не ожидалъ. Видитъ дѣло плохо—началъ поправляться.

— Ахъ, виноватъ!—проговорилъ онъ, взявшись за голову, я и забылъ, что браслетку свою отдалъ одной дѣвушкѣ на вечеръ, такъ и сказалъ по ошибкѣ, что это—моя, а серьги дѣйствительно принадлежатъ мнѣ.

По всему видно было, что подлецъ вралъ.

— Откуда жъ эта у тебя взялась?—спросилъ я.

— Вѣроятно изъ коммода какъ нибудь свалилась и попала ко мнѣ за обшлагъ.

Поглядѣлъ я — коммодъ дѣйствительно стоялъ около кресла, гдѣ лежало платье мазурика; на немъ валялись шпильки, булавки, два кольца и еще кое-что.

— Вретъ онъ, мерзавецъ!—проговорила Горлова.

— Правда ваше б-діе! Серги и браслетка—наша!—отозвалась Евфросинья.

— Врете, шельмы, вы обѣ! — грубо отвѣтилъ мазъ.

— Молчать!—прикрикнулъ я на него. Теперь, голубчикъ, нечего тебѣ увертываться: улика на лицо. Городовые, взять его!

Городовые подступили. Онъ, было, туда—сюда; но—ничего не помогло. Пока его держали онъ все одно твердилъ, что актриса его сама къ себѣ пригласила, а онъ вовсе не имѣлъ намѣренія ее обокрасть.

Что вы прикажете дѣлать?..

— Ваше в-бдіе! — вызвался тутъ дворникъ, я, стоямши на дежурствѣ, видѣлъ какъ онъ за барынею пробирался, но думалъ, что это братъ ихній. Потомъ слыхалъ, какъ они взошли на лѣстницу и, надо быть, молодецъ взойдя за барынею, юркнулъ между двухъ наружныхъ дверей въ простѣнокъ: его тамъ и не замѣтили, когда Евфросинья двери запирала, темно было, а опосля—значитъ—какъ улеглись спать, онъ и пошелъ расхаживать...

— Что ты, скотина, мелешь? — окрысился на дворника мазъ.

— Чего молоть-то? Знаемъ: не первый разъ-отъ видѣли ефти виды съ вашимъ братомъ.

Мазъ—плюнулъ.

— Ладно!—говорю я. По всему видно, что двор-

никъ правду говоритъ. Тамъ дѣло разберутъ, а теперь, покуда пройдись, голубчикъ, въ Часть.

Составилъ я тутъ обо всемъ подробный актъ. Снялъ показаніе съ мазурика, Горловой, Евфросиньи и дворника. Мазурика спровадилъ съ поличнымъ за рѣшетку. Самъ ушолъ.

Вскорости, послѣ этого, началось слѣдствіе. Мазурикъ, какъ опытный воръ,—стоялъ на своемъ: что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія обокрасть Горлову, а что она сама пригласила его къ себѣ для непотребства, что найденный у него, при обыскѣ браслетъ, съ именною надписью Горловой—названъ имъ своимъ по ошибкѣ и запалъ за обшлагъ пальто его какъ нибудь нечаянно. Долго, чуть ли не съ годъ тянулось дѣло это; долго таскали Катерину Петровну къ слѣдствію: она жизни своей, какъ говорится, не рада была. Мазурикъ все ее путалъ. Наконецъ мазурика, по неимѣнію уликъ, изъ-подъ стражи освободили, а дѣло представили въ судъ на рѣшеніе. И судили Катерину Петровну за прелюбодѣяніе!!! Вотъ тебѣ и разъ! Посрамилась—значитъ только.

5.

ВОРЪ.

(РАЗСКАЗЪ ДВОРНИКА).

По третьей веснѣ, случись, братецъ ты мой, Кирюшкѣ, земляку моему, что дворникомъ у купца Карапузкина и таперь служитъ, понадобилось въ деревню съѣздить — жену, да ребятишекъ понавѣстить,—такъ, чтобъ, не потерять, значитъ, мѣста, онъ и упросилъ меня похозяйничать за него, покелева, значитъ, онъ изъ деревни не пріѣдетъ назадъ. Человѣкъ я, въ ту пору, слободный былъ: мѣстовъ и работишки нигдѣ не находилось, такъ — отъ чего, думаю себѣ и не позаняться?

— Ладно, говорю Кирюшкѣ, а уговоръ какъ?

— Да уговоръ, говоритъ, какой тебѣ дать? Что я, значитъ, получаю, то и ты отъ хозяина бери: я такъ ему и передамъ.

— Ладно.

Сговорился я, значитъ, такимъ манеромъ съ Кирюшкою; свелъ онъ меня къ Калинѣ Ермолаичу— это къ хозяину-то; Калина Ермолаичъ во всемъ съ нами согласенъ былъ и я, послѣ того, занялъ Кирюшкино мѣсто. Кирюшка—уѣхалъ въ деревню.

Это было, какъ я надысь тебѣ сказывалъ, по веснѣ, въ апрелѣ мѣсяцѣ: на дворѣ стояла теплынь. Извѣстно въ ефто само время господамъ въ городѣ не живется, а всѣ такъ и наровятъ, какъ бы ско-

рѣе на дачу; ну, и мои, значитъ, кто побогаче, повалили со двора вереницей; иной оставлялъ за собой квартиру, а иной и совсѣмъ съѣзжалъ. Ладно. Такъ между прочими жильцами съѣхалъ съ нашего дому на дачу и одинъ полковникъ, проживавшій у насъ съ давнихъ поръ, человѣкъ богатый, тысячу двѣсти рублевъ за квартиру платилъ, за воду мнѣ четыре съ полтиною въ мѣсяцъ давалъ, мѣсто на службѣ хорошее имѣлъ: все въ казну лошадей закупалъ, сказывали; съѣхалъ этто, значитъ, и квартиру оставилъ за собой, а мнѣ наказалъ хорошенько приглядывать за ней, потому что много добра тамъ оставлялъ; на чай зелененькую, предъ выѣздомъ, далъ, да и опосля обѣщалъ—когда переѣдетъ съ дачи, отблагодарить какъ слѣдуетъ, коли найдетъ все въ сохранности. Хорошо. Отдалъ мнѣ отъ главныхъ дверей ключи и—уѣхалъ. Живу я себѣ, значитъ, да хозяйничаю: все идетъ, слава Богу, благополучно...

Только, братецъ ты мой, спустя недѣли три послѣ того какъ уѣхалъ полковникъ,—мнѣ понадобилось въ контору съ паспортами сходить; дѣло было вечеромъ; пошелъ я; возвращаюсь оттуда, гляжу—дверь у полковника пріотворена; я въ квартиру, анъ глядь — тамъ ужъ добрый молодецъ работаетъ: три узла полковничьяго добра навязалъ. Недолго думая, я дверь прихлопнулъ, да снаружи и заперъ; кликнулъ подручнаго, поставилъ его караулить, чтобъ воръ значитъ, какъ нибудь, не улиз-

нулъ, а самъ поскорѣе—маршъ въ кварталъ. Прихожу, сказываю про все надзирателю. Надзиратель самъ не пошелъ: нѣкогда что ли было, а послалъ со мною помощника своего Карла Ивановича—славный, братецъ ты мой, человѣкъ этотъ Карлъ Ивановичъ! По дорогѣ взяли мы человѣкъ двухъ трехъ городовыхъ, да сосѣднихъ человѣкъ двухъ дворниковъ и—приходимъ въ квартиру. Отперли дверь. Вошли. Глядимъ: парень нашъ сидитъ себѣ превальяжно въ креслахъ, между узловъ, точно баринъ какой, какъ бы до него и дѣло не касалось.

— Ты зачѣмъ, мошенникъ, здѣсь? закричалъ на него Карлъ Ивановичъ.

— Я не мошенникъ, ваше в-бдіе, — отвѣтилъ мазъ, вставши съ креселъ.

— Какъ не мошенникъ? Зачѣмъ же ты сюда забрался?

— А вотъ спросите у него: онъ вамъ и скажетъ.

И при ефтомъ, братецъ ты мой, мазурикъ показалъ на меня. Я—и глаза вытаращилъ.

— Какъ такъ? спросилъ Карлъ Ивановичъ. Ты кто такой? Сказывай!

— Здѣшній мѣщанинъ.

— Такъ зачѣмъ же ты сюда забрался?

— Да вотъ ваше в-бдіе: онъ меня нанялъ пособить ему перевезти на дачу къ какому то полковнику вонъ эти узлы и самъ привелъ сюда, а больше я—ничего не знаю.

Мазурикъ — опять показалъ на меня. Ну, вѣ-

ришь—въ то время меня такъ и подзуживало съѣздить шельмѣ по сусаламъ, да вишь нельзя было: помощникъ тутъ былъ.

— Ахъ, ты, воръ — мошенникъ! говорю... я?!.. тебя?! Когда я тебя нанималъ?

— Самъ знаешь когда. Самъ и узлы вязалъ.

Тутъ я ужъ не вытерпѣлъ—плюнулъ ему въ рожу. Чтожъ? И не поморщился: какіе ужъ безстыжіе глаза.

— Вретъ, говорю Карлу Ивановичу, ваше в-бдіе! Надысь я вамъ въ конторѣ сказывалъ, какъ дѣло было.

— Чего плюешься? заговорила моя шельма,— знать не любо стало.

Карлъ Ивановичъ, спасибо ему, тутъ вступился за меня...

— Нѣтъ, голубчикъ, говоритъ,—это старая воровская уловка сваливать все на другихъ—знаемъ: дворнику не было никакого резону заявлять на себя полиціи... Связать его!

Городовые бросились къ нему: онъ, было, въ огрызку заигралъ, однако—это не помогло; связали голубчику руки, заперли квартиру и повели въ кварталъ. Тамъ сняли съ него допросъ и спровадили въ часть за рѣшетку. Засадили. Написали, какія слѣдуетъ быть тамъ, бумаги—зачалось слѣдствіе.

Долго подлецъ меня путалъ, долго ходилъ я къ слѣдственному приставу: то на какіе то, Богъ ихъ знаетъ, спросы, да допросы; то на очные съ мо-

шенникомъ своды и очныя ставки, разовъ пятнадцать, кажись, былъ. Мазурикъ, за все время, одно твердилъ, что я его нанялъ перевезти полковничьи вещи на дачу и... что станешь дѣлать?.. Брали обо мнѣ повальный обыскъ, не то, что здѣся, значитъ, а и въ деревню бумагу посылали—спрашивали: какой, молъ, я человѣкъ есть, хорошъ, аль нѣтъ, но, спасибо, никто охулки не положилъ. Мазурика все таки не выпускали, держали за рѣшеткой. Подъ конецъ дѣло слѣдственнаго кончилось и передали его въ судъ. Тамъ долго оно валялось: все, знать, судили да рядили, а потомъ какъ рѣшили... неизвѣстно мнѣ. Тѣмъ временемъ Кирюшка изъ деревни пріѣхалъ, я ему должность, значитъ, и сдалъ. А будь, братецъ ты мой, у насъ судъ какъ вонъ нонѣ поговариваютъ — словесный значитъ, такъ, можетъ, проволочекъ такихъ со мной и не случилось бы. Дай-то Господи поскорѣе!..

IV.

ЗАМѢТКИ.

1.

ВЗЫСКАНІЕ ДЕНЕГЪ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ.

Одинъ разъ судьбище происходило у насъ, въ части, по жалобѣ одной бѣдной старушенки на акцизнаго крестьянина Мошенникова за неплатежъ, по роспискѣ, денегъ.

Видите-ли: Мошенниковъ задолжалъ старухѣ 15 рублей,—въ чемъ и выдалъ ей росписку. Въ число этого долга уплатилъ разновременно 9 рублей. Осталось—значитъ—доплатить еще 6 рублей. Старуха ждала, ждала, просила, просила у Мошенникова денегъ—ничего не беретъ: Мошенниковъ не платитъ. Старуха обратилась къ нашему частному съ просьбою о взысканіи съ Мошенникова денегъ по обязательству.

Частный потребовалъ къ себѣ Мошенникова въ управленіе.

— Ты, спрашиваетъ, долженъ вотъ этой старухѣ по роспискѣ 15 рублей?

— Долженъ былъ, отвѣтилъ Мошенниковъ да ужъ давно всѣ сполна заплатилъ.

— Какъ, батюшко, заплатилъ?—вмѣшалась тутъ старуха, 9 только отдалъ, а 6-то гдѣ?..

— Да у тебя же,—говоритъ Мошенниковъ.

Частный стоялъ—слушалъ: что дальше, думаетъ, будетъ.

— Какъ-такъ у меня?—спросила старуха.

— Да такъ, у тебя... Видишь-ли... Слушай: ты три рубля въ первый разъ отъ меня получила?

— Получила, — говоритъ старуха.

— Другіе три—тоже получила?

— Получила, — говоритъ опять старуха.

— Шесть получила?

Старуха думала, что это онъ сказываетъ итогъ двухъ первыхъ уплатъ.

—Получила, —говоритъ.

Мошенникову только того и нужно было, чтобы старуха, сдуру, подтвердила при частномъ, что шесть получила.

— Да три на лѣсницѣ тебѣ далъ

— Те-экъ, батюшко.

— Ну, такъ какіе тебѣ еще? И выходитъ: три, три, шесть, да три — 15.

— Коего-жъ ты чорта тутъ бродишь, кляузничаешь,—закричалъ тогда на старуху частный,—пошла вонъ!

Старуха опѣшила и ушла,—тѣмъ и разбирательство кончилось.

2.

РАЗВИТОСТЬ НАШЕГО МУЖИКА.

Въ одну изъ надзирательскихъ конторъ явился, вечеромъ, ванька-извощикъ съ жалобой. Вошелъ онъ въ то время. когда тамъ никого почти изъ постороннихъ не было. Помощникъ надзирателя, завидя ваньку, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что тебѣ нужно?

— Такъ и такъ,—отвѣчалъ возница.

— Что такъ и такъ?

— Такъ и такъ.

— Тфу, чортъ тебя подери! Да въ чемъ же дѣло?

— Такъ и такъ,—твердилъ мужикъ.

Полагая, что извощикъ пьянъ, помощникъ потребовалъ, чтобы онъ оставилъ контору.

— Ступай, проспись прежде, а потомъ приходи за дѣломъ, заключилъ онъ.

Но впослѣдствіи оказалось совсѣмъ другое. Извощикъ былъ изъ деревенскихъ ванекъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ на время, для заработки; онъ возилъ въ этотъ день какого-то сѣдока, который, подъѣхавъ къ одному проходному дому на Фонтанкѣ, вышелъ изъ саней, сказавъ, что сейчасъ вышлетъ деньги.

— Хорошо, батюшко,—отвѣчалъ извощикъ.

Сѣдокъ ушелъ. Ванька ждать-пождать — ни сѣдока, ни денегъ. Прошло съ часъ времени. Не зная на что рѣшиться, возница обратился за совѣтомъ къ стоявшему вблизи городовому.

— А кого привезъ?—спросилъ городовой.

— Не знаю, батюшка; должно барина какого.

— Ну такъ поминай какъ звали.

— Ой-ли?

— Да. Тутъ проходной дворъ: баринъ твой, знать, изъ мазуриковъ.

Оказалось, что городовой говорилъ правду.

— Какъ же мнѣ таперь быть?

— Ступай въ контору, заяви, коли хочешь, надзирателю: скажи, что, молъ, такъ и такъ... понимаешь?..

— Какъ не понять? Понимаю.

Извощикъ буквально передалъ слова эти, какъ мы видѣли, помощнику надзирателя, вполнѣ убѣжденный, что ихъ совершенно достаточно для объясненія дѣла.

3.

ВЕКСЕЛЬ.

(РАЗСКАЗЪ БЫВАЛАГО).

Много, сударь вы мой, случалось мнѣ, на своемъ вѣку, видѣть разныхъ кляузныхъ дѣлъ, много—плутней и продѣлокъ и—вотъ вамъ, коли хотите, одна изъ нихъ, слушайте.

Въ городѣ Ширококрыльскѣ, на одной довольно многолюдной улицѣ, жилъ когда-то, а можетъ и теперь живетъ, Богъ его знаетъ, одинъ купецъ Ермолай Яковлевичъ Чортиковъ. И недаромъ, нужно правду сказать, дали ему такую фамилію. До записки своей въ гильдію онъ служилъ ни больше ни меньше какъ прикащикомъ на сахарномъ заводѣ богатаго фабриканта, нѣмца Гибнера, гдѣ, пользуясь частымъ сближеніемъ съ его семействомъ, успѣлъ, въ счастливую минуту, свести тѣсную дружбу съ женою своего хозяина, — въ силу чего, вскорости, вздулъ Гибнера на двадцатьпять тысячъ, купилъ въ Ширококрыльскѣ домъ, продававшійся тогда съ публичнаго торга за 15 тысячъ, женился и поселился своимъ хозяйствомъ.

Заводя, послѣ этого, лавки да лабазы, Чортиковъ поистратился деньгами, а тутъ, какъ на грѣхъ, представился ему удобный случай снять одно трактирное заведеніе, передававшееся въ то время очень

выгодно; но на это требовалось не менѣе 8-ми тысячъ рублей, изъ которыхъ у Чортикова 6-ти тысячъ не хватало.

— Что дѣлать? Какъ быть? — спрашивалъ себя Чортиковъ. У кого-бы перехватить?.. У Гибнера?— и не думай; у жены его?—и подавно; у Соскова?— тому долженъ; у Озеровскаго? — этотъ самъ кувырнулся (*); у кого-бы?.. Развѣ подъѣхать къ этой старой вѣдьмѣ, что рядомъ живетъ? Гм! Да и въ самомъ дѣлѣ...

По сосѣдству съ Чортиковымъ жила, въ своемъ домѣ, одна богатая старушенка, вдова, купчиха Акулина Федоровна Бондарева—женщина безграмотная, стараго покрою. Вотъ къ этой-то Бондарихѣ, какъ называли ее по уличному, на другой день послѣ своего размышленія, рано по утру, и явился Чертиковъ.

— Наше вамъ-съ почтеніе, Акулина Федоровна!—сказалъ онъ, отвѣшивая старухѣ нижайшій поклонъ. Извините-съ. Вашъ сосѣдъ по дому Ермолай Яковлевичъ Чортиковъ. Прощенія просимъ: можетъ не во время.

— Нѣтъ, батюшко, нѣтъ, ничего, во время. Милости просимъ, сосѣдушка,—проговорила старуха, приподымаясь съ своихъ креселъ. Рада добрымъ гостямъ. Прошу покорно—садитесь.

— Много благодарны-съ, много благодарны-съ,—

(*) Купеческое выраженіе, значитъ—обанкротился.

отвѣчалъ Чортиковъ, раскланиваясь и, въ то же время, усаживаясь на диванъ. Только сидѣть-то матушка, Акулина Федоровна, некогда. Я къ вамъ по дѣльцу-съ на минутку зашелъ.

— Говори, батюшко, како-тако тамъ дѣльце у тебя?

— Плевое матушка. Вишь: мнѣ передаютъ выгодно, всею за 16-ть тысячъ, одно торговое заведеніе, которое, примѣрно, 10-ть тысячъ дастъ въ годъ чистаго доходу, а деньжонокъ-то у меня маленько не хватаетъ,—есть, нечего Бога гнѣвить, да въ товарѣ, такъ не будетъ ли твоя милость — ссудить меня евтимъ.

Бондариха съ минуту помолчала, какъ-бы что-то соображая.

— А сколько тебѣ, напримѣръ, надобно?

— Тысяченокъ шесть не хватаетъ матушка.

— Гм!.. Подо чтожъ ты хочешь взять? Подъ домъ?

— Что ты, матушка, Акулина Федоровна! Недавно купилъ да и закладывать! Хорошъ хозяинъ скажутъ добрые люди.

— Подо чтожъ?

— Разумѣется подъ вексель. Обезпеченіе тебѣ вѣрное есть: коли не заплачу съ молотка продашь.

— Тэкъ, тэкъ батюшко. А на кой срокъ?

— Да на полгодика, не больше.

— Ладно. Изволь. По сосѣдству живемъ: можетъ и ты мнѣ чѣмъ пригодишься, мое дѣло вдовье.

— Извѣстно матушка. Когды, значитъ, прійдется — поусердствуемъ.

Словомъ, Бондариха дала Чортикову подъ вексель шесть тысячъ. Чортиковъ отъ нея ушелъ. На другой день онъ ужъ справлялъ появленіе свое въ новомъ своемъ трактирѣ. Попойки было вдоволь.

Прошло послѣ этого шесть мѣсяцевъ: наступилъ, значитъ, срокъ платежа, но Чортиковъ платить и не думаетъ. Бондариха—къ нему.

— Чтожъ, батюшко, денежки?

— Потерпи съ недѣльку матушка: у самаго на носу получка, да, вишь, ешшо не получалъ,—отвѣчалъ Чортиковъ.

— Ну, ладно. Недѣлька не суть важность—подожду. Только ужъ опосля, сдѣлай милость Ермолай Яковлевичъ, денежки-то принеси.

— Безпримѣнно, безпримѣнно Акулина Федоровна! Будьте благонадежны-съ.

Успокоенная такимъ завѣреніемъ, старуха ретировалась. Но прошла еще недѣля—Чортиковъ и въ усъ не дуетъ; другая, третья — тоже. Старуха видитъ, что мольбами да просьбами съ нимъ не съорудуешь, взяла да и подала вексель въ полицію ко взысканію. Чортиковъ узналъ объ этомъ.

— Знашь, што Кирила Филипичъ?—сказалъ онъ, прійдя въ полицію, письмоводителю. Подяржи маленечко вексель-то у себя, не дѣлай огласки. Я

чрезъ недѣльку — полторы справлюсь съ деньгами, дакъ и заплачу евтой старой хрычевкѣ.

— Ладно. Ну, а что за это?—смѣясь спросилъ Филипичъ.

— Да что тебѣ? Зелененькой будетъ?

— Экъ разщедрился! Хоть-бы синюху далъ понюхать. Хэ-хэ-хэ!

— Пожалуй и синюха идетъ.

Филипичъ взялъ синюху и дѣло о взысканіи съ Чортикова по векселю денегъ положилъ въ связку дѣлъ не требующихъ скораго исполненія.

Выйдя изъ полиціи Чортиковъ направился въ одинъ домъ, гдѣ жилъ его стряпчій, достойный сотрудникъ по плутовству, отставной титулярный совѣтникъ, выгнанный изъ службы за разныя мошенническія продѣлки, нѣкто Абрамъ Петровичъ Мышеловкинъ. Этотъ сидѣлъ въ своей лачугѣ, въ изорванномъ халатѣ, за полштофомъ очищенной, спиною къ дверямъ, когда вошелъ къ нему Чортиковъ.

— Абраму Петровичу наше почтеніе!—проговорилъ вошедшій.

Мышеловкинъ обернулся и, завидя Чортикова, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— А-а, Ермолай Яковлевичъ! Наше вамъ, наше вамъ... Милости прошу—садись.

— Я къ тебѣ за дѣломъ, Абрамъ Петровичъ.

— Сказывай, за какимъ?

— Да вотъ-съ за какимъ,—съ разстановкой ска-

залъ Чортиковъ, усаживаясь на полуразвалившемся грязномъ диванѣ. На меня, братъ... ну, Бондариху знаешь?

— Какъ не знать—знаю.

— Такъ на меня она подала ко взысканію.

— Ну?.. Это по тому-то векселю, что ты шесть тысячъ занималъ?

— Да-съ.

— Такъ чтожъ? Надо платить значитъ.

— Вотъ евтово-то, Абрамъ Петровичъ, мнѣ больно-то и не хочется. Какъ бы евто состряпать такъ, штобъ мимо проѣхать, не заплатить значитъ? Придумай-ко Абрамъ Петровичъ: у тебя, вѣдь, голова не кочень капусты, понатужешься — сможешь.

Мышеловкинъ прошелся раза два три по комнатѣ, молча.

— Гм!—проговорилъ онъ, остановившись предъ Чортиковымъ. Придумать-то можно: отъ чего и не такъ, да было-бы за что Ермолай Яковлевичъ.

— Объ евтимъ не безпокойся: за благодарностію не постоимъ.

— А коли не постоишь, такъ и толковать нечего. Слушай же, что я тебѣ скажу. Вынимай мнѣ сей-часъ же 10 рублей на расходы, а когда дѣло улажу—сѣруху за хлопоты.

— Изволь.

— И жди меня, значитъ, или самъ завтра сюда приходи, думаю до того времени все можно будетъ устроить.

— Хорошо-съ.

— Только въ сѣрухѣ ты дай мнѣ росписку, а то, пожалуй, послѣ какъ разъ надуешь.

— Что ты Абрамъ Петровичъ?! Господь съ тобой! Развѣ первый разъ ты дѣло-то со мной имѣешь?

— Потому-то и говорю, что—не первый. Знаю, братъ, твою сноровку. Помнишь лѣсъ на перестройки въ твоемъ домѣ? Вѣдь я тебѣ почти даромъ его смаклатурилъ, а ты что? Посулилъ только да на томъ и съѣхалъ?

— Ну, ну ладно. Бери и росписку ,— сказалъ замигавъ глазами Чортиковъ, только дѣло дѣлай.

— Объ этомъ я тебя не спрошу.

— Такъ, такъ-съ?

— Такъ.

Мышеловкинъ получилъ вслѣдъ за симъ отъ Чортикова 10 рублей на расходы и долговую росписку въ 50 рублей—Чортиковъ отъ него вышелъ при завѣреніи, что на другой день дѣло уже будетъ улажено.

Оставшись одинъ Мышеловкинъ сталъ думать думу; однако думалъ не долго. Допивъ полштофъ водки, онъ наскоро одѣлся, вышелъ изъ дому, кликнулъ извощика:

— Куда прикажете? — спросилъ возница.

— Къ Казначейству! — гаркнулъ Мышеловкинъ. бросаясь въ линейку.

Извощикъ покатилъ.

Чрезъ полчаса стряпчій нашъ ѣхалъ уже обратно съ листомъ гербовой бумаги 20 копѣечнаго достоинства.

Пріѣхавши домой, Мышеловкинъ заперся въ своей комнатѣ; присѣлъ, что-то написалъ, потомъ—переписалъ на гербовый листъ и позвалъ дворника.

— Слушай Степанъ,—сказалъ онъ дворнику,—на вотъ эту бумагу и снеси сей-часъ же въ кварталъ, чтобъ руку мою засвидѣтельствовали, тамъ знаютъ какъ, а когда принесешь—цѣлкачь получишь.

— Слушаю-съ, Абрамъ Петровичъ, — отвѣчалъ, кланяясь, дворникъ.

— Только живѣе!

— Сію минуту.

Дворникъ взялъ бумагу и вышелъ. Спустя нѣсколько времени онъ былъ снова въ квартирѣ Мышеловкина съ тою же самою бумагою, но на бумагѣ этой красовалась ужъ квартальная красная печать: подпись руки Мышеловкина была, значитъ, засвидѣтельствована.

— Ну, спасибо Степанъ за службу! Вотъ тебѣ обѣщаное, — сказалъ Абрамъ Петровичъ, принимая бумагу и вручая дворнику рубль.

— Покорно благдарю-съ, — отвѣчалъ дворникъ.

По уходѣ его Мышеловкинъ отправился въ управленіе полиціи и подалъ написанную имъ бумагу, а оттуда повалилъ прямо въ распивочную.

На другой день не успѣлъ еще Мышеловкинъ порядкомъ и опохмѣлиться, какъ явился къ нему Чортиковъ.

— Ну что?—спросилъ онъ, поздоровавшись.

— Ничего, начало сдѣлалъ; будемъ ждать конца, — отвѣчалъ хриплымъ, съ перепою, голосомъ Абрамъ Петровичъ.

— Какимъ же евто ты манеромъ состряпалъ?

— А такимъ, что не сегодня — завтра вексель тебѣ возвратятъ съ платежною, значитъ, надписью.

— Ой-ли?

— Да.

— Ну, а примѣрно, таперича изъ евтова ничаво не будетъ?

— Ничего. Небойсь. Знай — одно тверди, что ты вчера Бондарихѣ деньги по векселю заплатилъ.

— Все-таки, Абрамъ Петровичъ, я въ толкъ не возьму — какимъ евто ты манеромъ комедь евту устроилъ?

— Не комедь, а — дѣло. Видишь-ли: Бондариха, вѣдь, грамотѣ не знаетъ?

— Тэкъ-съ.

— Ну, я и написалъ вчера отъ имени ея объявленіе, что она по представленному на тебя въ полицію ко взысканію векселю деньги сполна получила, а потому проситъ—сдѣлавъ на немъ платежную надпись, возвратить тебѣ. Самъ за неграмотностью ея на объявленіи подписался, добавивъ, что она мнѣ

подать его поручаетъ, засвидѣтельствовалъ руку свою въ кварталѣ и — все тутъ. Понялъ теперь?

— Чудесно, Абрамъ Петровичъ, чудесно! Ахъ, ты голова ты у меня золотая! Спасибо. Когды, значитъ, вексель получу—красненькую тебѣ еще прибавлю.

— Ладно.

Дѣйствительно дня черезъ два послѣ этого, вексель, въ силу составленнаго Мышеловкинымъ подложнаго, отъ имени Бондарихи, объявленія, былъ возвращенъ Чортикову съ сдѣланною на немъ полиціей платежною надписью. Мышеловкинъ получилъ отъ Чортикова все по уговору.

Между тѣмъ Бондариха, подождавши недѣлю-другую послѣ подачи векселя ко взысканію, вздумала пойти въ полицію справиться—какое сдѣлано ею распоряженіе по этому дѣлу. Приходитъ — объяснила приставу суть.

— Что ты, матушка?! Вторичныя деньги что-ли хочешь получить? сказалъ ей приставъ.

— Какъ такъ, батюшка, ваше б-діе, вторичныя?

— Да вѣдь, ты не давно подала мнѣ объявленіе, что ты съ Чортикова, по векселю, деньги сполна получила и просила сдѣлать на немъ платежную надпись и возвратить ему. Мы такъ и сдѣлали.

— Что ты, что ты батюшко, ваше б-діе?! Никакого объявленія я не подавала, потому что Чор-

тиковъ и по сю пору, значитъ, мнѣ денегъ не заплатилъ.

— Какъ не подавала?

— Не подавала батюшко.

— Филипичъ! — обратился засимъ приставъ къ письмоводителю. Подай сюда дѣло Бондаревой.

Дѣло было подано. Объявленіе прочитано.

— А это что?—спросилъ приставъ.

— Богъ его знаетъ батюшко—не мое. Я такого не подавала.

— Что за дьявольщина!

— Не знаю батюшко.

Словомъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло тутъ объяснилось. Старуха взвыла.

— Чтожъ мнѣ таперь дѣлать?—проговорила она, ломая руки.

Приставъ не зналъ что ей и отвѣчать на это. Онъ смѣкнулъ теперь, что здѣсь кроется плутня, но плутня тонко поведенная, прикрытая всѣми формальностями закона.

— Ну, матушка,—сказалъ онъ наконецъ,—дѣло твое—дрянь, коли ты и въ самомъ дѣлѣ денегъ отъ Чортикова не получила. Но мы тутъ ровно ни въ чемъ не виноваты: вексель возвращенъ нами на законномъ основаніи. Подавай жалобу на мошенничество Чортикова и вонъ того чиновника, что за тебя подписался—можетъ быть дѣло твое какъ нибудь и поправится.

Но какъ Бондриха не жаловалась, сколько

просьбъ ни подавала, однако все-таки ничего не взяла. При слѣдствіи Чортиковъ одно твердилъ, что онъ по векселю Бондарихѣ деньги заплатилъ, а Мышеловкинъ—что онъ дѣйствительно подписывалъ и подавалъ платежное объявленіе по просьбѣ ея, ссылаясь въ то же время на засвидѣтельствованіе руки своей полиціею; у Бондарихи доказательствъ на опроверженіе этого никакихъ не было.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Разсказы письмоводителя.

Стран.
1. Смерть и опись имущества послѣ умершаго 1
2. Драка 23
3. Ночь въ аулѣ 50
4. Мировая 57

II.

Разсказы исправника.

1. Безобразникъ 75
2. Урокъ для многихъ 102

III.

Разсказы чиновника.

1. Женитьба 125
2. Помѣшанный 151
3. Секретарь 165
4. Казусъ (разсказъ квартальнаго) 179
5. Воръ 190

IV.

Замѣтки.

1. Взысканіе денегъ по обязательству 197
2. Развитость нашего мужика 199
3. Вексель (разсказъ бывалаго) 201

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продается:

РАЗСКАЗЫ

изъ записокъ

СТАРИННАГО ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ

А. ВЫСОТЫ.

Спб. 1864.—Ц. 75 к. с.

LIBRARY OF CONGRESS
00023288916